

Виктория Кинг

ОТШЕЛЬНИЦА

Роман

РОССИЯ ПЛАЧЕТ...

Лос-Анджелес, Калифорнийский институт искусств, 9 апреля 2005 года, концерт американской русскоязычной оперной певицы Юлии Зиновьевой. При полном аншлаге! После классических и современных произведений вдруг зазвучал страстный, волнующий мотив. И русские слова – то быстрое бормотание, почти скороговорка, то протяжные нерифмованные строфы, от которых в душе рождалась печаль.

То был «Плач», часть книги «Отшельница», впервые представленной читателю столь необычным образом. И принятой безусловно!

«Отшельница» - второй роман трилогии Виктори Кинг, продолжение книги «Виктуар», опубликованной в городе Кемерово двумя годами раньше. Героиня романа, выросшая в ленинградской коммуналке, в артистической семье, потеряла свою единственную в жизни любовь и решила удалиться из «мёртвого города», каких было немало вокруг закрывшихся производств, в лесную сторожку.

Став Старухой-отшельницей, как её называли жители соседнего поселка, она нашла в тайге того, к кому стремилась всю жизнь, и кто стремился к ней, но, запутавшись в дебрях большой карьеры и связанных с нею коллизиях, оказался у заветной сторожки уже мёртвым – его расстреляли с вертолёта... Отшельница хоронит его и себя вместе с ним. Такова фабула.

Главу, где Старуха сводит счёты с жизнью, невозможно читать без особого волнения.

«Взяв лом, ожесточённо вдавливалась в мёрзлую землю... Потом лопатой выбрасывала комья... Яма росла. Из последних сил, по пояс в могиле, Даша

попыталась выбраться. Сил становилось всё меньше и меньше... Еле-еле выкарабкалась из ямы, сбросила часть сосновых веток в её распахнутый зев, прыгнула туда вновь, аккуратно застелила лапником дно могилы... Затем, подтягиваясь на руках, выползла на поверхность»...

Плач Старухи - это своеобразная эпитафия к судьбе надломленного поколения, родившегося сразу же после Великой Победы, которое так и не смогло «вписаться» в обстоятельства новой жизни 90-х.

Есть в книге ещё один «Плач» - страдания истерзанной различными невзгодами деловой женщины, попавшей в типичную для России «разборку меж своими». Речитатив героини, избитой её мучителем, возникает из пограничного состояния то ли бреда, то ли циничной реальности, и это страстное бормотание тоже положено на музыку, как бы знаменуя муки рождения нового, едва угадываемого «делового» сословия России. «Оперный» вариант «дуэта жертвы и палача» читатель может прослушать в записи на диске, приложенном к этой книге.

Надо заметить, что трилогия Кинг имеет чётко выраженную «географическую» составляющую. Если первая книга повествует о превратностях иммиграции, о трудном опыте «покорения Америки» русскоговорящими семьями, которые перебрались сюда на постоянное место жительства в середине 90-х, то второй роман - это своеобразное объяснение мотивов подобных массовых перемещений: общество на постсоветском пространстве ещё не пришло к цивилизованным нормам, поэтому и выживать в подобных обстоятельствах очень непросто. Третья книга, «Мачехи», столь же «интернациональна» по духу, и вдумчивый читатель вслед за автором сделает много «сердца горестных замет».

Но вернёмся к «Отшельнице»... Виктория Кинг сумела убедительно показать, что современная Россия, как это ни прискорбно - всё тот же «Мёртвый Дом», о котором писал ещё Достоевский. Думается, будь жив великий писатель, он нашёл бы немало ситуаций и прототипов в «Отшельнице», чтобы с печальной мудростью и тревогой объяснить нам, сегодняшним, почему Россия всё плачет и плачет...

*Елена Констанц,
директор Новокузнецкого
Литературно-мемориального
Дома Ф.М. Достоевского,
апрель 2005 года.*

Пролог

Самолёт задержали на целые сутки - Новосибирск затянуло туманом. Погоде было всё равно, что на дворе уже новое тысячелетие и третий год нового столетия - она капризничала. Ничего не оставалось, кроме как скоротать долгие часы ожидания за нехитрыми занятиями.

Натянув поплотнее шапку на уши, я отправилась на поиски подарков, благо по всему городу - да что уж говорить, по всем городам России! - словно лоскутные одеяла, раскинулись барахолки. А на улицах можно увидеть бабушек, продающих, кто что может. Им-то не приходится капризничать, им капризы противопоказаны самой

судьбой, они самым доступным образом добывают себе пропитание.

Словом, привезти какой-никакой сувенир я смогу, а то возвращаться из командировки с пустыми руками - вроде не положено. Впрочем, я сама себе такой закон придумала: где бы ни оказалась, всегда покупаю сувениры - для памяти, раздумий или душевных сожалений, если командировка не удалась.

На такси добралась до ближайшей толкучки. Пошла по рядам, оценивая, откуда что навезено: Китай, Польша, Эмираты. Тряпки, тряпки, ещё раз тряпки... Ничего подходящего.

Неожиданно увидела между прилавками, прямо на земле, на расстеленных газетах, книги. Дряхлая бабуля продавала их на вес - выдавший виды «безмен» лежал рядом. Пригляделась и ужаснулась...

Вспомнилось, как за такими книжками сама «охотилась» по молодости. Купить, вернее, «достать» - была мечта той поры, да что там купить, хотя бы взять у кого-нибудь почитать, и то счастье. Потом, когда удавалось добыть желаемое, передавала друзьям буквально из рук в руки, и то с опаской: как бы не потрепали, не потеряли...

А тут, надо же - сплошная классика! Честерфилд - «Письма к сыну», Пастернак, несколько томов из собраний сочинений Чехова, «Белая гвардия» Булгакова... До чего же народ у нас изобретательный, на килограммы литературу распродает. А что? Занимательно, а, может, и выгодно.

Взгляд задержался на толстой книге в тёмно-синем коленкоровом переплёте с золотыми буквами: «Мифы и легенды Древней Греции». Почему-то сердце тихо засадило...

Непонятно, в связи с чем, но мне стало жалко себя, свою жизнь и эту вот книжку...

«Наверное, бабуля собственную библиотеку распродает, на кусок хлеба наскрести», - подумала я и участливо спросила:

- Бабуленька, книжки, поди, из вашей личной библиотеки?

- Да что ты, милая! Я таких книг отродясь не читала, да и некогда было! Сама знаешь, на нашем веку старикам досталось под завязку, да и сейчас умереть спокойно нельзя. Похоронить денег не хватит. Нет, книги не мои, одна старуха мне их по дешёвке продала, ей на панихиду в Никольской церкви деньги были надобны, вот она меня и уговорила, сказала, что за них я тыщи выручу - много больше, чем я ей, бедолаге, ссудила. Да только никто их у меня не покупает, интересу на литературу у людей нонче нет. Может, ты что купишь, выбирай, ну хоть пару килограммов? А?! Сделай милость, а то замёрзла совсем, до костей пробрало...

- Я бы с радостью, только мне лететь на самолёте, они же тяжёлые, а с багажом мороки не оберёшься. Уж извините, не могу...

- Ну, как знаешь, - проворчала бабуля.

И я двинулась дальше по рядам, трогая заморские шмотки. Но, несмотря на мой отказ купить книги, нечто завораживающее тянуло назад, к разметавшейся на газетах куче книг, к этому сонму истерзанных, искромсанных душ и судеб, истории которых были напечатаны чёрным по белому и затянута в обложки разного цвета и качества..., продающихся... по килограммам, как мясо или молочные сосиски. Просто бред какой-то, наваждение. Вот именно, если старуха не продаст книги, то не купит себе и куска хлеба, не то что сосиски. Не пройдя и двадцати шагов, я развернулась и опять подошла к ней.

- Милая ты моя, вернулась-таки?! - с волнением спросила бабушка. - Ну, какие тебе приглянулись?

- Только одну книгу куплю, вот эту, - указала я на мифы Древней Греции, ре-

шитительно сунула несколько сотенных старухе, схватила книгу и резко зашагала в сторону выхода. Меня трясло. Судорожно я пыталась запихнуть книгу в сумку. Коленкор обложки ледяной, но казалось, что даже через кожаные перчатки поверхность книги обжигала. В голове промелькнуло: «Бедная ты моя, замёрзла», - это я говорила с книгой. И правда, в воздухе запахло снегом. «Наверное, мороз к утру грянет, и снег пойдёт. Зима...».

Вернувшись в переполненный аэропорт, я с трудом нашла свободное место. Жёсткое неудобное кресло не позволяло расслабиться, и я решила полистать купленную книжку. Ждать вылета больше двадцати часов, надо же чем-то заняться.

Книга сама собой раскрылась на тринадцатой странице, на первой главе - «Происхождение мира и богов».

Начало абзаца звучало сурово и просто: «Вначале существовал лишь вечный, безграничный, тёмный Хаос. В нём заключался источник жизни. Всё возникло из безграничного Хаоса - весь мир и бессмертные боги».

Фраза идеально подходила к моему внутреннему состоянию. Без конца пытаюсь в хаосе собственной жизни найти новое начало, идею, дело - чтоб в конце концов найти мир в душе... А уж с богами у меня вовсе напряжёнка: то поставлю кого-нибудь на «пьедестал», то сброшу...

Отвлёкшись на какое-то время от чтения, глянула на титульный лист и нашла посвящение, написанное наискосок крупным, размашистым, но каллиграфическим почерком: «На память Дашеньке Белоцерковской от горячо любящего папы», подпись и дата - 24 декабря 1960 года. Это сочельник, самый канун Рождества. Но в России тогда ещё не существовало такого праздника... Наверное, книга подарена просто в день рождения... Был испечён торт, уют и тепло дома, ласковые, любящие взгляды освящали этот особенный для девочки день. Она радовалась, листала книгу, которую ещё предстояло прочесть, заголовки сулили сказочные происшествия. Потом минули годы, и этот день канул в прошлое, да и всё бывшее стало мифом.

Теперь эта книжка с барахолки - в моих руках, в холодном гулком зале ожидания аэропорта, где мятущиеся, уставшие, возбуждённые люди вряд ли помнят о богах и героях Древней Греции, а, может, и вовсе о них не слышали... Отогнав мимолётные размышления, вернулась к первой главе и углубилась в чтение.

Неожиданно, когда я перевернула очередную страницу, меня ошеломила догадка...

Моему удивлению не было предела: между строчек типографского набора вязью струились мелко начертанные дневниковые записи. Мой взгляд зацепился за строку из текста мифов Древней Греции - «Высоко на вершине Олимпа царит Зевс»... Скользнув взглядом вниз, я ухватила таинственную вязь и начала читать, постепенно пытаюсь вникнуть в забытый мир чьей-то жизни, повествование о которой захватило меня с первого же слова: «отец»...

Глава первая

СЕМЬЯ БЕЛОЦЕРКОВСКИХ

Отец и моя семья жили в питерской коммуналке.

Сколько себя помню, каждое утро папа будил меня лёгким прикосновением к щеке, шепча: «Дашенька, доченька, проснись, скоро солнышко встанет, в школу

пора, просыпайся, малыш». Откроешь глаза, а он стоит над тобой, большой-большой, с пышной шапкой вьющихся тёмно-русых волос и смеющимися голубыми глазами. От него всегда пахло красками, деревом, свежими опилками и... успехом, особенно когда в суматохе будней он готовился к премьере, волновался и нервничал из-за каждого гвоздя, неправильно вбитого рабочими сцены, или из-за недосохшей краски на декорациях.

В доме было много вещей, которые не могли существовать без отца, как и он без них: рулоны ватмана - такие макароны, связанные вместе по несколько штук, гигантские этюдники, впопыхах втиснутые между стеной и нашим единственным шифоньером, который с годами отодвигался всё дальше и дальше от стены, а несчастные боковые стенки еле-еле выдерживали тяжесть наваленных на них эскизов; макеты к очередному спектаклю, обычно стоящие на столе, под кроватью (старые задвигались глубоко под письменный стол)... Были и такие, которые совсем не пошли в дело - те он любовно, на всякий случай, складывал на антресоли, так он называл им самим сделанные навесные полки с дверцами прямо над входной дверью. И, конечно, - мольберт. К нему никто не имел право прикасаться. Это была святыня. Отец работал главным де-ко-ра-то-ром в драматическом театре. На театральных афишах, висевших в нашей комнате, я с гордостью читала его имя: Георгий Белоцерковский. Афиши были моим первым букварём, по ним я учила буквы, складывала слоги и, запинаясь, прочла первое предложение.

... А ещё была «священная Закулиса». Мне всегда казалось, что она живая, потому как с самого детства Закулиса вносила немало авантюрного и лихорадочного в нашу жизнь.

В ней всегда что-то происходило: то она нечаянно сталкивала кого-то с кем-то; то подкидывала под каблуки «ведущей и всеми уважаемой, заслуженной» оставленные аккурат на пути молоток или деревяшки, и тогда, спотыкаясь, актриса скверно ругалась, и на чём свет упоминала всех, кто Закулису не любит и не может правильно организовать работу.

... А ещё Закулиса имела отвратительную привычку шептаться и пере-шептываться, путать всем карты и опаивать актёров в стельку после очередной премьеры. Закулиса знала все семейные драмы: кто кого бросил, кто к кому приехал и у кого кто родился. Она знавала слёзы и гомерический смех, но главное, что ей было присуще - это беспредельная любовь каждого, кто хоть раз побывал в ней или хотя бы вдохнул её запах.

Закулиса трепетала с каждым актёром, предвкушающим успех, переживала и с теми, кто выходил на сцену впервые, и с теми, кто делал свой последний шаг в финале заключительного спектакля, прежде чем окончательно покинуть подмостки. ..

Она никогда не соперничала со сценой, ей это было ни к чему. Она торжествовала от невидимой власти - создания волшебства для сцены, - и потому мирилась со своим положением. Она была вечной, как и театр.

Закулиса принимала тысячи поклонников, с цветами, шоколадом и шампанским...

Впрочем, как и моя бабушка.

Да, бабуля была актрисой, и с юности она славилась своим неуёмным

характером и невероятной красотой. Даже сейчас, в преклонном возрасте, она позволяла себе надевать шляпки с вуалетками и тонкие кружевные перчатки, а её дивные русские шали, доставшиеся неизвестно от кого, до сих пор вызывали зависть у женщин. Вокруг неё всегда вились благообразные старички, которые галантно поддерживали её «под локоток», водили в театр или на выставку, и ещё у бабули были две старые подружки, с которыми она частенько выходила попить чаю или степенно продефилировать по Невскому в «Пирожковую», чтобы интеллигентно и безобидно поболтать-посплетничать обо всём на свете.

Бабушка меня любила и сохраняла все мои шедевры, берегла мою первую картину, выполненную в трёхлетнем возрасте на огромном куске ватмана. Это была целая история... Однажды вечером родители с бабулей после ужина что-то бурно обсуждали, а я, вытащив отцовские тюбики, сосредоточенно выжимала краски на бумагу и наступала на них ногами, увлечённо рассматривая, как все цвета радуги вылезают на бумагу сквозь пальцы ног; руками получалось не так здорово, зато можно было «штамповать» отпечатки ладоней и возить ими из стороны в сторону...

Отмывали меня долго чем-то дурно пахнущим, но не ругали. Бабушка частенько показывала нашим общим знакомым мои поделки и особенно берегла черепашку, связанную мною крючком из коричневой и жёлтой шерстяной пряжи и туго набитую ватой. А мою картину назвала «Домашний авангард в младенческом возрасте».

Бабуля научила меня вязать, шить, штопать носки и вышивать гладью.

Больше всего я любила класть голову на бабушкины колени и, зажмурив глаза, наслаждаться ощущением покоя и счастья под её нежной рукой, гладившей мои волосы, и слушать сказки, которые она сама сочиняла.

«... Богиня Гера, жена Зевса...»

А мама...

Тамара Белоцерковская, мама, всегда пела. Она была хористка Ленинградского оперного театра, но говорила, что работает в Мариинке - по-старинке. Она всегда хотела петь ведущие роли, но отчего-то так и не получилось. Мама знала столько арий и романсов, что могла петь часами, не повторяясь. Часто выезжала на гастроли по Союзу и постоянно привозила новые песни, она их коллекционировала. У неё было три толстенных тетрадки, исписанные от корки до корки. Мама могла открыть любую страницу, и с первых же слов лилась мелодия, которую она слышала один-два раза, причём много лет назад, и всё же помнила досконально. У неё была великолепная память.

Она подрабатывала в церковном хоре в небольшой действующей церкви в Пушкине и иногда брала меня с собой на службу. Больше всего мне нравилось бывать там на Пасху. Мы с ней и бабушкой собирали полные авоськи испечённых куличей, крашеных яиц и отправлялись. Всегда старались выскользнуть из комнаты и пройти по коридору коммуналки тихо-тихо, как мыши...

Мой взгляд выделил из книги очередную фразу - «Богиня Гера покровительствует браку и охраняет святость и нерушимость брачных союзов... Боги чтят Геру, чтит её

и муж, тучегонитель Зевс. Но нередки и ссоры между Зевсом и Герой...»

Да, ссор хватало... Мама очень любила отца. Её любовь была сродни безумию, она его ревновала ко всем и вся. Однажды её ревность чуть не довела их до развода. Они крупно поругались из-за молоденькой натурщицы, которую отец рисовал в студии. Случайно мама заехала туда по срочным делам и застала их в «не надлежащей позе», как она в слезах объясняла ситуацию бабушке. Не устраивая сцены в студии, дождалась, когда отец вернулся домой, и ледяным тоном выложила все свои чувства и мысли - пусть сам рассудит!

Отец горько смеялся и пытался «расставить всё по местам», но не получалось. Мать рыдала и в истерике кричала о распутстве, псевдотворчестве и разводе. Только к поздней ночи всё утихомирилось, единственно, что было ужасно - вся коммуналка, притихнув в тот вечер, слушала, затаив дыхание, монологи моих родителей, моих Зевса и Геру.

Для обитателей нашей коммуналки такого рода сцены из «Действия Великого Зевса» были редки и, вне всяких сомнений, интересны. В ту ночь отец кричал во сне, а мама его тихонько успокаивала. Он был бывший фронтовик, дошёл до Берлина, стоял в очереди на отдельную квартиру и машину. Только очередь никак до него не доходила, а ночные кошмары никак не покидали. Иногда он вспоминал о войне и рассказывал о своём генерале, о фронтовых друзьях. Отец воевал на северном фронте...

Дважды к нам в Ленинград из Алма-Аты приезжал его генерал – по фамилии Архангельский, седой, крепкого сложения мужчина. Оба раза они с отцом говорили шёпотом до утра, до самой зари, плача, наливали себе водки, поминая тех, кто погиб на войне.

Бывал у нас ещё один папин друг, странный, сумасшедший художник, работавший декоратором в Алма-Атинском оперном театре. Про этих своих казахстанских друзей отец всегда говорил, что они - как лёд и пламень, никогда не сольются и никогда не поймут друг друга. Для меня было очень странно, что его друзья не собирались вместе, и даже в Алма-Ате ни разу не встретились друг с другом, несмотря на то, что жили по соседству.

Генерал и художник дружили с отцом каждый порознь, рассказывая ему понаслышке о жизни друг друга. У генерала хватало юмора, и он, что называется, «в лицах» расписывал художника - расхристанного оборванца, важно шествующего по Никольскому базару в Алма-Ате с мольбертом и самодельной холщовой сумкой через плечо. Но никогда не судил о его творчестве и не возмущался «попранием приличий» и моральным обликом художника - тот крепко выпивал и даже приставал к прохожим с длинными дискурсами о слепоте обывателей, не чувствующих или не воспринимающих новое искусство.

Зато живописец с сарказмом отмечал, что генеральский героизм сгодился лишь на пестование пчел, и единственная отрада, - это купить на базаре мёд с генеральской пасеки, по дружбе и подешевле... у его жены, хм..., у самой генеральши...

Бывший фронтовик - и декоратор в театре. Странное сочетание... Да и судьба, наверное, ой-ё-ёй какая была...Генерал пчёл разводит... А на базаре стоит и продаёт мед «генеральша».

Надо же, так меня зовут между собой мои сотрудики, подумала я, оторвавшись от чтения. Наверное, когда-нибудь таких, как я, назовут «старые новые русские».

Картина, возникшая передо мной, привела в ужас. «Всё проходит, всё проходит в этой жизни. Ну да, я - крутая, есть у меня капитал; многие завидуют, но я сама заработала. Тяжело было, порой грязно и противно, но - выстояла. Иногда казалось, вся моя работа - зряшний, прямо Сизифов, труд. Судьба не сложилась, трижды замуж выходила, детей хотела, - не вышло. Одна живу, только бизнесом и занимаюсь, ни выходящих, ни проходных, как говорится... Так что - чему бы завидовать? Хотя...

Пятьдесят стукнуло, выгляжу хорошо, за собой слежу, в спортивный зал при всей занятости захожу, на массажи не опаздываю. В командировки по разным концам света мотаюсь, много чего довелось повидать...

Иногда вспоминаю о возрасте - неужто старость?! Но чаще искренне забываю подсчитывать годы, даже не задумываюсь... А кто задумывается? Может, старость уже на подступе, но ты её напрочь не замечаешь, тебе просто некогда обращать внимание на эти мелочи, вот и храбришься-молодишься...

Впрочем, если подумать, так люди в последнее время с гораздо большим почтением стали относиться ко мне. Сказала бы, даже с подобострастием, особенно когда денег просят на новый проект или на раскрутку чего-нибудь... Лебезят порой так, что тошно становится...

Конечно, жизненный комфорт я себе обеспечила - есть и квартира в центре Москвы, и какая-никакая усадьба в Подмоскowie - дом отличный, отреставрирован по всем правилам, охрана, прислуга, пара постоянных поклонников...

И что? Одной век доживать в своих хоромах? Вдруг однажды прихватит, станет, к примеру, плохо с сердцем?... У той генеральши хоть свой генерал, пусть всего лишь на пасеке... И тут же обрываю нелепый ход мыслей: да что ж ты запрочитала сама над собой?! Подумаешь, прихватит - можно охрану вызвать, а те уж сообразят, как в скорую позвонить... А вдруг я разорюсь? И тогда... Вот тогда-то уже никого не вызовешь... Друзей?...

Интересно, кто меня схоронит? Что скажут на моей могиле? Кто взаправду плакать будет? Могу я кого-нибудь назвать, кто меня действительно любит? Меня - персону, человека, женщину, наконец.

Ой, стоп, не лезь, куда не надо. Двери моего сердца закрыты, а ключ покоится Бог весть в какой пропасти, так что душу беречь не будем.

Может, мне новый проект начать? Скажем, дом престарелых для одиноких «старых новых русских». Пансионат... Или нет - санаторий... По-современному оборудовать, чтоб там было всё, даже поля для гольфа, интернет, библиотека, хорошие врачи, внимательные их помощники. И вот вечерами, за чаем, станут там собираться старички и старушки и начнут байки рассказывать о своих былых успехах, о бизнесе, контрактах, о встречах с великими. Этакие львы и львицы, бывшие красавицы и красавчики, или волки-одиночки, сбившиеся в случайную стаю. Но, наверное, о многом и говорить не будут. Побоятся. Как и сейчас, например, не каждый олигарх раскроет, откуда ноги растут в его бизнесе.

Конечно, есть те, которые успели отпрысками обзавестись. Девчонок на балы выводят, чтоб себе пару присмотрели, мальчишек в Оксфорд отправляют.

Знакомый у меня есть, его сын как-то спросил отца, каким образом он свои капиталы разделит между ним и дочерью. Глава семьи смутился поначалу, а потом обрезал сына: «Я еще не умер, рано делить наследство», но с адвокатом вскоре обговорил все детали...

Вообще-то идея о доме престарелых для новых русских хорошая, надо подумать.

Наследство моё кому достанется? Завещание переписать надо, сесть и ещё раз решить, кому и что... Как приеду, сразу же этим и займусь.

Невесёлые мои размышления были прерваны трелью мобильного. Увидев, что это номер моей секретарши, я отключила телефон. «Да отвяжитесь вы все!» - негодующая мысль обозлила и пронзила всё существо, словно молния. И впрямь надоели все, обнаглели совершенно. Может, я сплю, время позднее. Да, сама приучила за эти годы и партнёров, и сотрудников, что я - в любой момент на связи. Надо - не надо, из-за любой чепухи с постели и в четыре утра поднимут. Каждый день как на войне.

Хотя, справедливости ради, надо признать - Машенька, моя секретарша, девочка умная, трудолюбивая, всё помнит, обо всём вовремя доложит. Друг у неё - молодой талантливый художник. Уговорила меня спонсировать его персональную выставку, а то, говорит, он совсем изведёт себя на Старом Арбате, где картины продавал, чтобы как-то прожить. Может, эта выставка ему и поможет...

А раньше... Художникам совсем солоно приходилось: на тротуаре свои картины не выставишь, в частные галереи не предложишь. Добраться до членства в Союзе художников было ой, как непросто! Так что Дашенькиному Зевсу-Белоцерковскому ещё крупно повезло в жизни...

А по молодости и я дружила с художниками. Ох, было, было... Авангардисты из группы «Зелёный поезд»... Даже не знаю, где они сейчас, чем занимаются. Помню, картины у них покупала, чтоб их поддерживать. Одна картина как-то вечером меня просто напугала. На ней - мужчина и женщина, в полный рост, обнажённые, держатся за руки. И вот при заходящем солнце лучи пали на середину картины так, что я увидела еле заметный образ смерти между влюблёнными, и мне стало страшно от угаданной безысходности.

На другой же день я пошла и попросила художника переписать картину или, на худой конец, забрать её обратно. Не хотелось мне спать в квартире с такой тройкой. Парень мне тогда ответил, что на полотне отображена жизненная правда, а я ничегошеньки не понимаю, и мои воззрения - полный идеализм, сравнимый с абсурдными попытками уговаривать проститутку пойти учиться на повара. С тем я и выскочила из его квартиры, хлопнув дверью изо всех сил...

А этот безумный художник из Алма-Аты кое-что мне напоминает, однако... В застарелых потёмках памяти шевельнулось нечто и бросило в краску, даже обожгло. Щеки запылали. Чего только по молодости я не творила?! Ну, конечно же, мой скоротечный роман с коллекционером, у которого... Точно! Он ещё предлагал мне купить картины художника-декоратора оперного театра из Алма-Аты. У него их было несколько. Народ на метро по полтора часа мотался по Москве, чтоб посмотреть на эти полотна в до предела забитой старой московской квартире молодого коллекционера, где мы праздновали вдвоём его день рождения...

Господи, как же я могла забыть!

С невероятной быстротой я набирала телефон Маши, теперь только я сообразила, зачем она пыталась меня найти. К моему облегчению, Маша сразу же взяла трубку.

- Машенька, извини за беспокойство, в Москве уже глухая полночь, а я звоню...
- Что вы, Лидия Сергеевна, я вас сама пыталась найти. Где вы? Что случилось?
- затараторила секретарша.
- Маша, самолёт наш задержали...
- Может, чартером полетите?
- Ну, какой же чартер, погода нелётная.

- Я сейчас же созвонюсь с Андреем Петровичем, чтобы вас в гостиницу определил и к самолёту обратно подвёз...
- Нет, не хочу никого напрягать.
- Лидия Сергеевна, вы ведь измотаетесь.
- Ничего со мной не случится, я даже в ВИП не пошла - там столпотворение. Мы с Жорой в общем зале. Не волнуйся, всё в порядке. Жорик за мной присмотрит. Телохранитель он или нет? Вот пусть и хранит моё драгоценное тело. Шутка!
- Но...
- Маша, что там с подготовкой к моему юбилею?
- Всё под контролем и...
- Машенька, знаете что, давайте поменяем декорации. Вместо квартиры устроим приём гостей в загородном доме, в усадьбе.

Говоря в трубку, я поспешно встала и, показывая жестами соседке и выразительным взглядом моему телохранителю Жоре, мол, я скоро вернусь, а им пока придётся присмотреть за моим местом и чемоданчиком, на что та ответила кивком, а Жора в удивлении поднял брови, я двинулась в сторону выхода. На улице, закулив сигарету, продолжала:

- Да, форма одежды вечерняя и... записывайте. В меню обязательно сёмга, икра чёрная, красная, брюшеты, Катерина сделает их, как я люблю, а не просто горячие бутерброды; шашлыки в этот раз Фёдор пусть маринует в молоке и обязательно приготовит свежий гранатовый сок, к шашлыку он лучше, чем уксус; не забудь моё любимое, дешёвое калифорнийское вино White Zinfandel, и итальянских вин в этот раз не надо, пусть будут французские, дорогие, не забудьте коньяк купить, «Луи XIII». По-моему, моего вина осталось всего пару бутылок в холодильнике у барной стойки, там и найдёте, и хорошо бы позвонить Джону в Калифорнию, чтобы ещё кейс вина прислал. Кстати, созвонитесь с Колесниковым, он новый квартет собрал, говорил, что талантливые ребята, пригласите их и Женечку Шумилову, мне нравится, как она поёт. Конечно, без предварительной договорённости, Машенька, может, и не удастся их затащить, но кто знает, а вдруг получится. Оплата как всегда, и сверху добавим. Да, да... И ещё Светочке придётся пораньше приехать, чтоб причёску мне сделать, а то у меня получится с корабля на бал...

На том конце трубки однообразное: да, да, так, так...

- Машенька, надеюсь, справитесь, и пожалуйста, приведите, наконец, своего художника, надо же и мне с ним познакомиться, правда? Спасибо, дорогая, и спокойной ночи.

Закончив разговор и засунув мобильник в сумочку, я тут же придумала, какое платье надену. Хочу выглядеть отлично! - решила я, - и, значит, буду!

Неожиданно поняла, как бы наблюдая за собой со стороны: в подтянутой, преуспевающей женщине в роскошном пальто, с ухоженными руками и маникюром, вряд ли кто узнает девочку из коммуналки, жившую недалеко от станции метро «Водный Стадион». Долгожданную дочку двух геологов, вернувшихся в Москву с Севера, которая аккуратно носила школьную форму и занималась плаванием...

Отец с матерью жили хорошо, никогда не ругались, мама бывала недовольна отцом только, когда он уходил играть в карты. Иногда он мог вернуться в одних семейных трусах и непонятно чьих башмаках, перед рассветом, посиневший от холода, а порой с полной наволочкой денег, и тогда при свете ночника раскладывал их по купюрам на аккуратные пачечки и перевязывал суровыми нитками. Стараясь

не уснуть, я считала вместе с папой: «десять... шм... шм... шм... двадцать... шм... шм... шм... сорок два... шм... шм... шм... восемьдесят пять.... Шм... шм... тысяча рублей!». Этот возглас отца означал: долой мою раскладушку, у меня появится кровать (до очередного проигрыша), и в воскресенье мы всей семьёй пойдём в Центральный парк имени Горького.

Мама же боялась, вдруг отца когда-нибудь посадят в тюрьму за азартные игры или, что всегда меня пугало, он проиграет нас с мамой какому-нибудь катале (так называли тех, кто катался по всему Союзу и играл в карты, то есть профессиональных шулеров).

А, может быть, я и что-то путаю, это было так давно. Но отец не поддавался на её увещевания... Он меня обожал, в свободное время рассказывал разные истории из жизни на реке Маме, о своих геологических экспедициях. Он знал много стихов, любил Есенина, хорошо играл на гитаре и пел глубоким баритоном так, что сердце захватывало. Он скучал по Северу и царящей там простоте взаимоотношений. На Севере всё было ясно, люди быстро определяли: свой ты или чужой. У отца было три друга, которые, приезжая в Москву, шумно врывались в нашу обитель, сбрасывали огромные рюкзаки и с гоголом начинали бороться с отцом, вытаскивали гостинцы для меня: кедровые шишки, необыкновенные кристаллы, странные куски пород, сушёную клюкву... Накрывался стол, и рассказы лились рекой. Мать хлопотала вокруг четырёх закадычных друзей.

Моя мама хранила покой и любовь в доме, учила со мной уроки, плакала вместе со мной над первой моей несчастной любовью, пекла потрясающие пироги с сазаном. Мама... Она учила меня быть сильной... Родителей моих уже давно нет. Слёзы навернулись на глаза... Я еле сдержала рыдания. Осталась одна, из родни - только дальние родственники, больше никого.

Встрянув головой, я резко затушила очередную сигарету и вернулась обратно в зал ожидания. «Конечно, через несколько часов я, наверное, устану, буду ругать себя за то, что отказалась от гостиницы. Ну да ладно! Интересно, как выглядит Машин художник?» - подумала я и, усевшись в кресло, взяла книгу в руки: «Скорей всего, придёт в смокинге... Впрочем, может, он свободный художник и одевается как ему заблагорассудится... Об Алма-Атинском творце, упомянутом в дневниковых записях Даши, говорили, что он сам себе шил расклешённые штаны с цепочками и пуговицами, носил длинные волосы ниже плеч, был талантлив и непредсказуем...»

Боже ж ты мой! Сколько собственных воспоминаний навеяли дневниковые записи какой-то Даши, которую я и в глаза не видела. Неужели так и получится, что, читая её заметки, я вспашу твердыни своей памяти, запараллелю происходившее со мной с её жизненными коллизиями. А зачем мне это? Может, и не читать вовсе, и книжку не вытаскивать? Но... рука сама потянулась в сумку за коленкорovým переплётом.

Ладно, почитаем, что же там дальше происходит, записи меня по-настоящему интриговали, я нутром чувствовала - они задевают какие-то глубины моего существа и чувства, давно забытые и схороненные в сумерках прошлого.

Дашиной рукой писанные строчки продолжали нежно и витиевато струиться между строк...

Больше всего я любила воскресенья, очевидно, потому, что утром можно было поспать чуть-чуть подольше, и знать - к обеду будут свежееиспечённые пирожки, квашню для которых бабушка ставила с вечера и колдовала над ней, не давала на неё никому дохнуть, и сама с тестом всегда шёпотом разговаривала. Весной - были обязательно пироги с зелёным луком и яйцом, со свежим щавелем борщ, а зимой -

пирожки с печёнкой или мясом, иногда с капустой...

Но, если мама и бабушка договаривались напечь пироги с рыбой, это означало, что приближаются праздники или чей-то день рождения, и тогда будет ещё и знаменитый мамин медовый торт с грецкими орехами. Леночка, моя старшая сестра, и я заранее станем колоть орехи и выковыривать до последней крохотной дольки, а потом делать разные фигурки от черепах до жирафов, пластилином прикрепляя к скорлупкам спички и пробки от бутылок.

Сестра была старше меня на семь лет и считала себя большой, только иногда она играла со мной или читала сказки. Она была круглая отличница и хотела закончить школу с золотой медалью. У неё была длинная толстая коса, слегка раскосые папины голубые глаза и длинные ресницы.

Я больше походила на маму, переняв её карие глаза и румянец, который терпеть не могла. Я всегда вспыхивала, буквально рдела - от радости, восхищения, смущения или от злости, щеки краснели, когда хотели, и мне иногда казалось, что они существовали сами по себе, по своим собственным законам и, в принципе, моё эмоциональное состояние не имело для них никакого значения. Уже это одно придавало моей жизни нотку скрытой грусти, но у меня ещё были и веснушки... Ребята из нашего двора с самого детства обзывали меня конопатой. Волосы у меня были кудрявые, как у папы, но тёмные, с медным отливом. Всё моё семейство проживало на восемнадцати квадратных метрах в питерской коммуналке на двадцать семей. Нас там было много, и все были разные: старые и молодые, больные и здоровущие, семейные, одинокие и с детьми. Папа прозвал наше пёстрое сообщество - Олимпом.

Глава вторая

ОБИТАТЕЛИ ОЛИМПА

Вспоминая о детстве, только сейчас понимаю, как в те далёкие времена всё было для меня просто и ясно. Меня все любили, прощали мелкие шалости, я неслась навстречу юности в счастливом вихре по коридору нашей коммуналки, размахивая портфелем или авоськой с нехитрыми продуктами, здороваясь и прощаясь с соседями, шушукаясь с ребятами.

Тогда я точно знала, что наша квартира номер четыре - лучше всех. Даже странно, но каждый обитатель во всех двадцати комнатах также уважительно называл свою скромную жилплощадь квартирой!

В нашей не висели, как в других, длинные шторы, разделявшие комнаты на две половины. У нас были декорации, сделанные моим отцом и отделявшие угол каждого члена семейства. Наш сосед дядя Веня, живший в третьей квартире, зайдя, бывало, к нам, рассматривал «интерьер» и, цокая языком, говорил: «Ну, театр, да и только!».

Он был щуплый, небольшого роста человечек, всегда хлопочущий спозаранку, бывший фронтовик, одинокий старик, у которого все родные погибли в блокаду. Дядя Веня любил поговорить в коридоре с моей бабулей о житейских проблемах и о своём ревматизме. Иногда я слышала отдельные реплики из их разговора, пробегая по коридору, и до меня доносились странные слова: «Сизифов труд»...

Эти слова у меня всегда ассоциировались со стиркой, которая никогда не заканчивалась у жильцов коммуналки. С утра до вечера какая-нибудь квартира

«стирала». У дверей в комнате тех, кто был побогаче, стояли стиральные машины, а кто не мог себе позволить такую роскошь, обходились оцинкованными корытами или тазиками.

К примеру, тот же дядя Веня таскался с вёдрами воды туда и обратно из кухни или ванной, если она не была занята, что случалось очень редко, потому как расписание по использованию ванной комнаты было расчерчено по часам и минутам и приколото канцелярскими кнопками к двери.

Его оцинкованное корыто было особо притягательно для всех ребятишек. Каждый из нас, проходя мимо висящего чуда двадцатого века, считал своим долгом стукнуть в него или, пробегая и высоко подпрыгнув, старался дотянуться кончиками пальцев до верхушки гениального изобретения человечества.

Дядя Веня обычно выскакивал из двери и прикрикивал на нас, хоть и без злобы, и прибывал чуть выше гвоздь, на котором от щелчков громыхало корыто, но упустил из виду, что мы, дети, тоже росли, и, в конце концов, не будешь же ты пристраивать это проклятое корыто под самый потолок. Так что однажды, когда мы и вовсе выросли, дядя Веня приобрёл собственную стиралку.

Все знали, что у дяди Вени есть любовница, но он представлял её как свою приятельницу, которая так же, как и он, любит вязать и приходит к нему за консультациями и новыми узорами вязания. И вправду, вдобавок ко всем его причудам сосед вязал на продажу свитера и кофты, а иногда крючком - огромные скатерти. Одну он подарил моей бабушке, и мы её стелили на стол по большим праздникам, а тёплый с узорами свитер достался нашей соседке тёте Дине из второй квартиры.

Дина Андриановна была охотоведом и жила дома только несколько зимних месяцев, остальное время проводила в тайге, изучая зверей - писала диссертацию. Исчезала как-то незаметно, а потом внезапно появлялась со своим рюкзаком и любимой собакой Джеком. Джек был чистопородной лайкой, умный пёс и очень сильный. Мама говорила, что однажды он Дину Андриановну спас от волков. Я любила заходить в её комнату и рассматривать чучела разных зверушек. Больше всего мне нравилось чучело белочки, сидящей на толстой ветке.

Тётя Дина могла подолгу рассказывать о могуществе и тайнах тайги; о том, как разжечь огонь под дождём и прокормиться кореньями и ягодами; о разных зверях, их повадках, о диких лечебных травах и своих одиноких походах к дальним охотничьим сторожкам. Она знала всё о миграции животных на своих квадратных километрах, и не только это - она спасала раненых зверей, а некоторым из них даже давала имена. Семейство лосей у неё было самое любимое, она их подкармливала и сочиняла о них маленькие рассказы, поэтому, когда она возвращалась из тайги, я всегда её спрашивала о новостях в лосином семействе. Отец мой называл Дину не иначе, как Артемида.

* * *

Артемида... Замечаю, что, читая записи Даши, я постоянно заглядываю в оглавление книги... «Артемида заботится обо всём на свете, что живёт на земле, растёт в лесу и в поле. Заботилась она о людях, о стадах домашнего скота, о диких зверях... вызывала рост трав, цветов и деревьев. Прекрасная, как ясный день, с луком и колчаном за плечами, с копьём в руках, весело охотится Артемида...»

У Дины Андриановны было настоящее ружье и патронташ, набитый патронами, однако она никогда не давала на них посмотреть. Её все уважали и знали,- она с

охотниками даже на медведя ходила, хотя мама говорила, что не женское это занятие - быть охотоведом и в тридцать семь лет не иметь семьи и детей, и жить месяцами в тайге тоже не годится.

Тётя Дина дружила с Люсей из первой квартиры и бабой Маней из седьмой. С тётей Люсей они были одноклассники и любительницы овощного рагу с сушёными грибами, а баба Маня со своим внуком Генкой просто-таки жили её рассказами, потому что Манины дети работали где-то далеко на Севере и редко появлялись в Питере, только денежные почтовые переводы посылали регулярно. Об их житье-бытье в холодных краях она особо не знала. Бабманя, как и я, была внимательной слушательницей Дианы-охотницы.

У тёти Люси был сын Гарик. Он и Генка заканчивали школу и заглядывались на мою старшую сестру, иногда они приглашали её в кино, и в такие моменты мой папа всегда звал Ленку и, подходя к ней, шёпотом говорил: «Ваши нарциссирующие Аполлоны ждут Вас, сударыня», чем приводил мою сестру в полное негодование, и она, нервно дёрнув плечиками и надув губки, выходила к ребятам. Я всегда недоумевала, как это возможно человеку «нар-цис-си-ро-вать», и ещё долгое время, глядя на цветы-нарциссы, слышала папину фразу...

С жильцами пятой квартиры связано познание первой скорби. В этой квартире жил бригадир монтажников-высотников Пётр Алексеевич Жуков с женой Галей и двумя детьми - Сашей и Ритой. Сашка и Рита часто играли со мной, и мы считались закадычными друзьями.

Но однажды, когда мы забавлялись с Сашкиными оловянными солдатиками в коридоре, у стенки между нашими квартирами, раздался телефонный звонок. В те времена телефон был один на всю коммуналку, и Изольда Вениаминовна из двадцатой квартиры, по обыкновению, подошла на звонок первой, ответила, потом, слегка охнув и бросив трубку, рванулась к нам и, почему-то резко прижав к себе Сашку, кинулась в комнату к Жуковым.

Через какое-то время по всей коммуналке пронёсся душераздирающий крик, вопли и стенания матери моих друзей. В испуге дети бросились в комнату... Я осталась с солдатиками в полной растерянности, не зная, что делать. Захлопали двери, все, кто был дома, повыскакивали, включая мою бабушку, и, взволнованно спрашивая, что случилось, постепенно заполнили квартиру Жуковых. И тут меня осенило - произошло нечто страшное...

Спустя какое-то время Изольда, выходя из комнаты, тихо сказала: «Пётр Алексеевич разбился насмерть, вот ведь несчастье какое, дети сиротами остались...».

Я заплакала. В воображении возник образ Икара.

* * *

Спешно листаю книжку, разыскивая страницу с главой о Дедале и Икаре. «Сильно взмахнув крыльями, взлетел Икар высоко в небо, ближе к лучезарному солнцу. Палящие лучи растопили воск... Стремглав упал он со страшной высоты... и погиб...». Сердце колотилось, в висках стучало. Вот оно как! - никогда не знаешь, что произойдет в следующий момент жизни...

Вернулась на прежнюю страничку. Даша продолжала...

Уложив солдатиков в коробку, я тихонько юркнула к себе в комнату.

Вечер прошёл незаметно. Все были напряжены и молчаливы. Мой диванчик стоял у стены, за которой находилась квартира Жуковых. Я легла спать, но не могла

уснуть. Лёжа с открытыми глазами, ощутила, как стена будто накалена горем и вибрирует от рыданий. В кажущейся тишине ночи стена жила своей жуткой жизнью. Казалось, она была прозрачной и через нее можно было прочувствовать всё горе осиротевшей семьи. Передо мною мелькали видения, переплетались образы - высокий, смеющийся мужчина, конфеты на его мозолистой руке, прыгающие от радости дети и...

Я проснулась, лёжа на полу, закутанная в одеяло, под головой бабушкина шаль. Отец стоял на коленях и тряс меня за плечо. Встретившись взглядом с его глазами, внезапно вскрикнула:

- Папочка, я тебя так люблю! Сильно-сильно, крепко-крепко! - протягивая к нему руки и заливаясь слезами, лепетала я...

- Доченька, я тебя тоже люблю, - отвечал отец, беря меня на руки как ребёнка и, качая, целовал мои волосы, прижимая к себе изо всех сил...

- Папочка, я не знаю, как это - умирать, я не знаю, как я буду умирать. Это страшно, очень страшно! - уткнувшись в его грудь, я еле выговаривала слова, тонувшие в рыданиях.

- Душенька моя, тебе ещё рано о таком думать. У тебя вся жизнь впереди, а к старости умирать не страшно, каждому свой час, это естественно, это закон жизни. Мы... мы все когда-нибудь уйдем..

- Ага, тебе просто говорить, а если я попаду в царство Аида, там будет так ужасно... и... я читала, что...

«Бездонные пропасти ведут с поверхности земли в печальное царство Аида... носятся бесплотные лёгкие тени умерших. Они сетуют на свою безрадостную жизнь без света и желаний. Тихо раздаются их стоны... Нет никому возврата из этого царства печали», - утверждала моя книга и, кто знает, так ли это, - из царства теней ещё никто не возвращался.

- Даша, человек сам, своими делами выбирает в жизни, где ему очутиться: в аду или в раю. Будешь жить правильно - не будет страха перед смертью. Повзрослеешь и поймёшь... А сейчас тебе надо успокоиться. Знаешь, жизнь не останавливается, да её и останавливать не надо, даже великой скорбью течение жизни не оборвёшь. Всё пройдёт, а солнышко будет вставать каждое утро и заходить вечером. .. И туманы с дождями будут обволакивать улицы, а весной станут благоухать акации...

Отец говорил, говорил, и постепенно я пришла в себя. Вытянув носовой платок из кармана, он вытирал мои слёзы...

На похороны собралось столько народа! Люди шли и шли прощаться с Петром Алексеевичем, женщины шебурились на кухне, готовя нужное для поминок... В коммуналке витал запах валерианки и корвалола. Чёрный цвет окутал людей с головы до пят, и слёзы, сверкавшие на всех лицах, подчёркивали трагедию ухода человека в расцвете лет... А у нас, жильцов коммунальной квартиры, образовалась пустота, которая никогда не заполнится: туда, в эту глухую пустоту, ушёл дядя Петя.

Но жизнь, тем не менее, продолжалась. Надсадно, с тягучей медлительностью, ежедневная суэта входила в обычный ритм. Спустя два месяца опять слышался детский смех и перебранки между соседями.

Как фейерверк на тёмном небе, появились родственники Ваню Георгадзе из Тбилиси. Георгадзе жили в 19 квартире, у них было два сына. С приездом гостей началось настоящее столпотворение. В первый же вечер все жильцы были приглашены к застолью, двери распахнуты, весь скарб отодвинут к стенам, несколько столов поставлены в ряд.

... Шум, смех, радость, казалось, не закончатся до утра. Грузинские песни приводили всех в полный восторг, но сыновья Ваню всё равно сумели удивить: они лихо плясали грузинские танцы с кинжалами в зубах. Детям перепала уйма необыкновенных сладостей.

В тот момент никто из нас не знал, что через полгода семья Георгадзе эмигрирует в Америку, и в последние недели их жизни в нашей коммуналке с ними никто не станет разговаривать, жильцы будут обходить их стороной, в страхе не накликают бы беды на свои головы. Только в день отъезда дядя Ваню зашёл к моему отцу и оставил свой новый адрес, попросил прощения за всё, что сделал не так, обнялся с ним и уехал...

В моём тогдашнем окружении всё было очень определённо. Если кто-то заболел, то для начала бежали в 18 квартиру к Раисе Петуховой, которая работала медсестрой в психиатрической больнице. «Наш Эскулап», - так прозвал её отец.

«По-моему, бога Асклепия называли Эскулапом», подумала я и прочитала:

«... Асклепий - бог врачей и врачебного искусства, ... не только исцелял болезни, но и умерших возвращал к жизни»... А некая Петухова, работавшая в психиатрической больнице, была, по определению Белоцерковского, Эскулапом?! В принципе, на Олимпе питерской коммуналки это было вполне возможным...

Раиса Владимировна всегда могла присоветовать что-либо полезное и даже дать кой-какие лекарства, её диагнозы были на удивление правильными, так что соседи порой даже и врачей не вызывали, шли к докторам или звонили в скорую помощь только по крайней необходимости. Даже профессор Говоров, страдающий астмой, доверял её советам более, нежели докторам. И если у него начинался приступ, то сначала звали Раису...

Говоров, надо сказать, был большим специалистом в палеонтологии и вместе с тем очень добрым человеком. Его квартира от пола до потолка была заставлена книжными полками. Он помог мне быстро разобраться со всеми мезозоями, динозаврами и теорией Дарвина, которую я никак не хотела принять всерьёз. С ним можно было говорить откровенно и, кстати, он мне однажды сказал, что и сам скептически относится к дарвинизму. Пожалуй, именно Говоров научил меня брать всё под сомнение и не доверять даже очевидным фактам до тех пор, пока я самолично не находила им подтверждения

Когда у меня не получались задачки по математике, то можно было постучаться в квартиру тёти Поли, она была учительницей математики в средней

школе, и попросить её помочь с объяснением о «поездах из пункта А в пункт Б». Полина Дмитриевна с юмором и на спичечных коробках могла показать решение любой трудной задачи. Иногда я думаю, что её юмор и умение играть с цифрами как с любимыми игрушками повлияли на математические способности, которые обнаружились у меня позднее.

Женищины коммуналки шили себе платья у сестёр Кирилловых, проживавших в пятнадцатой квартире. Отец звал их Мойрами, потому как старушки не только портняжничали, но ещё и гадали на картах.

Мама продумывала свои фасоны очень тщательно и иногда брала меня с собой на примерки. Пока английские булавки вкалывались в ткань очередного маминого платья или юбки, можно было узнать обо всех новостях нашей коммуны. Частенько старушки судачили о военном из шестнадцатой, что жил один.

На кухню этот офицер не выходил, ни с кем не общался, на вид был суров, подтянут. Никто точно не знал, в каком он ведомстве служит.

Таинственная жилища из двенадцатой также являлась предметом любопытства. Каким-то образом Кирилловы разузнали, что «дама» приходила только в дни оплаты за квартиру и снимала тщательно показания счётчика. Она глухо здоровалась и уходила.

Старушки предполагали: у неё есть ещё квартира, где та проживает, а эту держит на всякий случай. У них появилась великодушнейшая идея отобрать квартиру у «дамы», чтоб расширить жилплощадь для Раечки Петуховой, маявшейся с тремя детьми и мужем в крохотной комнате. Но дальше разговоров старушки не шли, да и когда бы им было этим заниматься: сутра до вечера к ним ходила клиентура с отрезами и журналами мод. С упоением они шили пелёнки, распашонки и чепчики для младенца, недавно родившегося в семье молодожёнов Ивановых из семнадцатой квартиры.

Я больше знала о тех, кто жил по нашу сторону коридора и совсем мало о тех, кто в квартирах напротив. Мои родители почти не общались с Кулигиньими из 10-ой и Сеньором-Помидором, толстым бухгалтером какого-то домоуправления из 11-ой. Только здоровались с молодым аспирантом Егор Борисовичем из 13-ой и уж просто терпеть не могли Дядю Васю-пьяницу из 14-ой, который периодически бил свою жену Клаву.

Отец уважал Юрия Николаевича из 6-ой квартиры, и хотя тот был несколько моложе, папа всегда говорил: «Этому человеку досталось с самого детства». В начале блокады Ленинграда Юру с сестрой и матерью должны были эвакуировать на самолёте, но на пути к трапу толпа оттолкнула детей, а мать не смогла выбраться из гущи напирающих людей... Дети плакали и звали мать.

Увы, она улетела, а их, с нагруженными заплечными мешками, кто-то из военных отвёл с аэродрома в детприёмник, и оттуда они попали в детский дом. Но не прошло и недели, как Юра сбежал и попал юнгой на Балтийский флот. Моряки отстояли его у начальства, и он всю войну служил в морфлоте. После войны он нашёл сестру и мать. Отец погиб где-то под Сталинградом.

Дядя Юра никогда не говорил о матери, больше рассказывал про сестру. Он был седой, с моложавым лицом, редко смеялся и постоянно что-то мастерил: то галеру из спичек соорудит, то перочинным ножиком выстригает из ветки дерева птицу, а иногда из обычной газетной страницы сделает букет маленьких розочек.

Я оторвалась от книги... Если очень хорошо подумать, то в принципе у каждого из нас есть свой Олимп, со всеми его персонажами. К примеру, у меня ведь тоже есть Зевс - мой министр и его жена. Я знаю всех любовниц министра, с очередной каждый раз поддерживаю милейшие отношения, но с министерской женой, то бишь Герой, предпочитаю иметь взаимоотношения сверхсердечные. Для меня 8 Марта – её день рождения, - можно сказать, «святой день». Она ждёт моих подарков, и они ей всегда нравятся, потому что я выбираю их с особым значением.

Иногда мы встречаемся на разных акциях или в театре и ведём премилые ничего не значащие беседы. В общем-то, мне её иногда жалко, но она цепко оберегает свой статус и не обращает внимание на очередных пупсиков министра.

А если распространить идею Олимпа на всю страну - получится этакая большая матрёшка из небесных обитателей. Словом - «Олимпийская». У каждого есть свой сонм богов и богинь, от которых никуда не деться...

Незыблемость устоев порой отражается на отсутствии оригинального подхода. Ну, просто фраза из учебника, а не моя собственная мысль. Короче говоря, прихожу к выводу, что все мы человеки-боги, боги-человеки, и у нас у каждого есть миссия и своя Одиссея. По-моему, греческие божества мытарились по жизни, со всеми её неприятностями и счастливыми развязками, как самые простые люди. Внимательно прочитаешь о Зевсе - не такой уж он праведный. Имел не одну жену, кучу детей. И всех пристраивал, помогал, кого-то наказывал - всё как у людей и во все времена.

А если пристально приглядеться, таких мужчин-Зевсов полно. Хотя бывают и другие: и любвеобильные, и с чувством ответственности, но это уже из области эксклюзивного...

Встречала я одного: он четыре раза женился, разводился и всем своим бывшим жёнам помогает до сих пор. Они его обожают, с хлебом-солью встречают, в гости заывают и, конечно, денег просят. Благо он богатый, так они его и пасут усердно, а уж о его любовницах и вовсе говорить не приходится. Он их на жизнь праведную наставляет, в институты пристраивает. Иногда, правда, руки распускает, чтоб знали, кто в доме хозяин, но они - ничего, терпят, источник денег - дорогого стоит, не дай Бог иссякнет.

А, может, догадываются... Он таким бизнесом занимается, что ни дня, ни ночи не видит, по краю лезвия ходит каждый час...

Однако записи Даши закончились. Я перелистывала страницы и уже начала волноваться. Может быть, она расхотела писать о своём прошлом? И я никогда не узнаю, что с ней произошло дальше. Больше десяти страниц перевернуто и... ничего.

Вдруг замечаю, я мысленно начинаю говорить с Дашей, прошу её, чтобы она не прекратила писать:

- Даша, но где же продолжение, - сердцем обращаюсь к незнакомке, - мне интересно знать о твоей жизни, ну что же ты...

На одно мгновение возник образ задумавшейся девушки, сидящей в свете ночной лампы и покусывающей кончик ручки. С младенческих лет эта дурацкая привычка преследует и меня - никак не могу себя отучить. И... дневники тоже веду регулярно со школьных лет. Забавно ведь по прошествии лет почитать о том, что думала и переживала в далекую пору...

А, вот и её записи - даже от души отлегло... Продолжение нашла в главе о Пандоре.

«Любопытная Пандора тайно сняла с сосуда крышку и разлетелись по всей земле те бедствия, которые были некогда в нём заключены. Только одна Надежда осталась на дне громадного сосуда».

А между строками...

Шли годы. Учёба в школе давалась мне легко. С некоторых пор я заметила, что люблю оставаться в одиночестве с книжкой в руках. Отец подшучивал надо мной, называл «затворницей», «отшельницей». Запомнился жаркий спор об отшельничестве как-то за вечерним чаем, в котором участвовала вся семья. Говорили о Боге, о молитве, но в душу запали слова, прочитанные отцом из старой книги, написанной по-старославянски, где Авва Филимон объяснял: «...без совершенного уединения невозможно угодить Богу, ..безмолвие рождает подвиг, а подвиг - плач, плач - страх, страх - смирение, смирение - прозрение, прозрение - любовь, любовь же делает душу здоровою и бесстрашною, и тогда человек познаёт, что он недалёк от Бога. Итак, надлежит тебе совсем удалиться от мира и, отторгнув душу от всякого сострастия телу, стать безградным, бездомным, бессобственником, бессребреником, бесхлопотником, невеждою в делах человеческих, смиренным, сострадательным, благим, кротким, готовым принять от Божественного ведения вразумительные напечатления в сердце»...

Фразы проникновенно слетали с губ отца, а сердце моё вдруг заныло, и будто что-то в нём болезненно запекло.

Но неуёмное желание жить, смеяться с подружками, бедокурить и вдыхать аромат цветущих акаций – это желание возобладало, таков был внутренний и необъяснимый протест молоденькой девушки, перекрывший таинственную и внезапную сердечную боль.

Я не хотела быть бездомной, смиренной и благой. Мне нужна была страсть полнокровной жизни.

В тот вечер, не дождавшись окончания семейных дискуссий, я ушла в свой уголок и долго не могла уснуть. Мысли роились и сплетались в вопросы: «Кто я? Зачем я здесь? Почему?» В тёмных лабиринтах сознания я тщетно пыталась найти ответы.

Моё тело металось и горело в странном томлении, как бы в преддверии неминуемого греха, да нет же – любви!

Однажды утром, глядя на себя в зеркало, вместо «Дашеньки-деточки» я увидела взрослую симпатичную девушку. Я выросла! От осознания взрослости я сама себе лукаво улыбнулась, и с этого момента, пожалуй, вся моя жизнь переменилась.

Шли выпускные экзамены, но я попутно успевала ездить на тренировки по фигурному катанию, - уже тогда я была мастером спорта, и множество наград и кубков стояли рядом на специальной полке, сделанной для меня отцом.

Как-то после математики, запыхавшись, я неслась на тренировку, и вдруг столкнулась с молодым человеком. Он резко развернулся и... всё! Я влюбилась. Моё сердце поняло - это моя судьба! Мы познакомились. Его звали Лёша Кириллов, он занимался боксом...

Я ждала его звонков, я бежала на свидания, смотрела фильмы вместе с ним, а потом, конечно же, не могла рассказать сюжета киноленты. Мы поступали в один и тот же институт, только на разные факультеты. Оба прошли, от радости хлопали в ладоши, ведь нас приняли, и мы будем учиться вместе! В то время казалось - моему счастью не будет конца...

Этим же летом старшая сестра наконец-то вышла замуж, и глубоко в душе я тоже ждала, когда Алёша предложит мне руку и сердце. Однако время шло, мы встречались, переходили с курса на курс, сдавали экзамены, бегали в кино и театры. .. Вёсны сменялись зимами, а о будущем разговора не было, во всяком случае, от

намёков было уже неловко, в сердце вползало разочарование. Хотя нет, - неправда, надежда всё-таки оставалась.

Я прервала чтение дневника. В мыслях - сумбур: Пандора, изречения об отшельничестве из запрещённой в советские времена церковной книги, первая любовь Даши... Вернулась назад и прочитала ещё раз: «...безмолвие рождает подвиг, а подвиг - плач, плач - страх, страх - смирение, смирение - прозрение, прозрение - любовь».

Слова жгли, казалось, на коже - мурашки.

Подвиг обычно ассоциируется с войной или революцией, так, по крайней мере, вдалбливали в наши головы, Но ведь здесь смысл совсем иной: подвиг и... плач, страх и... прозрение... Господи, как же разобраться в сложностях этой жизни!

С Пандорой и первой любовью попроще...

У меня тоже был мой собственный ящик Пандоры. По сю пору разгадываю сокрытые в нём «откровения». Впрочем, у каждого свой заветный ящичек. Приподнимаешь крышку - и находишь спутанные узлом неприятности, и начинаешь разгребать, развязывать, чистить...

Мой ящик... хм... скорее, шкатулочка, возможно, не так и ужасен. Но и моя Мойра наплела немало узелков в судьбе, и ещё не известно, что ожидает меня в будущем.

Я, конечно, не Даша, фигурным катанием не увлекалась, хотя в моём детстве это было очень модно. Нет, я занималась прыжками в воду, добралась до кандидата в мастера спорта и с успехом поступила в физкультурный институт. В его стенах я познакомилась со многими спортсменами мирового класса, но общалась, в основном, с ребятами-боксёрами, дзюдоистами и вольниками. Самые весёлые были мальчишки из вольной борьбы, не знаю уж почему, но с ними было намного проще общаться и носиться по Москве в поисках приключений. На Олимпиадах и соревнованиях всегда сколачивалась группа разных спортсменов, мы поддерживали друг друга. Радовались, когда кто-то выигрывал первые места, сочувствовали тем, кто проигрывал, сходил с дистанции...

Может быть, именно этот дух соперничества, выдержка и стойкость в борьбе за призовые места помогали мне в жизни.

А что, в каком-то смысле ведь я тоже получила свои призы. Где-то были, конечно, потери, но в основном жаловаться на жизнь не приходится. Вначале, правда, было трудно... и страшно. Боялась даже, что убьют, особенно когда на мою «крышу» наехала другая.

Возможно, некоторым женщинам везёт больше, домохозяйкой быть проще, сиди себе за спиной у преуспевающего мужчины и горюшка не знай, но у меня так не получилось, самой пришлось зарабатывать. ..

Да, а ребята, с кем была знакома в институте, в водовороте нового перестроечного времени сразу же ринулись в самую гущу, многие имеют свои фирмы, компании, кое-кто даже заводы.

Некоторые пошли в телохранители, вот мой Жорик, невзирая на возраст, так и остался со мной. Знаю этого парня с первого курса института. Сидит теперь, как и в прежние годы, за моей спиной, я его кожей чувствую. Хотя есть ещё один, молодой, Серёжа, но в поездки я всегда беру только Жору. Его заметить нетрудно. Бицепсы, бицепсы. Посмотреть со стороны - «качок», да и только, но мне с ним спокойно...

Даша написала о Лёше Кириллове. Лёша... Занимался боксом. Нет, не знаю, хотя

фамилия знакома... Он из Ленинграда, то есть из Санкт-Петербурга. Нет, вряд ли встречала, хотя на всесоюзных соревнованиях и олимпиадах кого только не было...

Да что я, в самом деле, придумываю всякие небылицы... Может, мне хочется каким-то образом ассоциироваться с жизнью этой Даши? Тогда это просто глупость. .. Мы никогда не встречались и вряд ли встретимся... Книжка нас в этом пространстве аэропорта «столкнула», а в реальной жизни... Разные встречи бывают на нашем веку, с одними людьми всю жизнь, десятилетиями встречаешься, с другими... Мог бы и столкнуться, но, к примеру, трамвай задержался, или самолет, и всё - ты человека не увидел, не поговорил...

В зале ожидания вон сколько человек сидит, но они мне не друзья и не знакомые, а могли бы, могли, в другой ситуации... В иное время и ином месте действия... Наверное, на меня сейчас тоже кто-нибудь смотрит и думает, кто я такая, откуда и чем занимаюсь...

Неожиданно перед Лидией Сергеевной, сидящей в жёстком кресле, возникли два милиционера. С подобающей вежливостью попросили документы для проверки. Телохранитель Жорик резко встал и, обойдя ряд кресел, подошёл к представителям власти.

- В чём дело, господа? - бесстрастно задал вопрос.

- Ничего особенного, просто выборочная проверка документов среди пассажиров, - хладнокровно ответил один из милиционеров. - Ваш паспорт, пожалуйста.

Жорик вытащил из кармана паспорт и внимательно смотрел на молоденького лейтенанта.

Полистав паспорта Лидии Сергеевны и Жоржа, лейтенант строго сказал:

- Пройдёте, пожалуйста, в отделение милиции.

- В связи с чем? - только и смогла проговорить Лидия Сергеевна, неловко поднимаясь с места и нечаянно роняя книгу на замызганный пол.

- Ничего страшного, - успокаивающе вставил Жорик, - иногда они проверяют таким образом, посмотрят, ну, может, пару вопросов зададут, и на этом закончат.

В это время второй милиционер поднял книгу с пола и вслух ехидно прочитал название:

- «Легенды и мифы Древней Греции», - интересная, нет?

- Да, книга занимательная, - забирая у него книжку, ответила женщина.

Не спеша, вся группа прошла в отделение милиции. Комната была аккуратно обставлена современной мебелью, ещё одна дверь, по всей видимости, ведущая в другую часть офиса, была закрыта, и на ней висел большой календарь с фотографиями полуобнажённых моделей в ярких купальниках-бикини. Две полногрудые девушки, на фоне пальм и голубого моря, с милой улыбкой, резко контрастировали с хмурыми, одетыми в тяжёлые, форменные, зимние куртки милиционерами. От одного взгляда на фото пробегала дрожь - вспоминался пронзительный холод на дворе и просто-таки хотелось немедленно прикрыть девиц потеплее, чтоб не озябли.

- Присаживайтесь, пожалуйста, - пригласил лейтенант.

Лидия Сергеевна села, по привычке, изящно изогнувшись и слегка подняв подбородок, изучающе смотрела на милиционера.

Перелистывая паспорт, он спросил её:

- Вы прилетели из Ганновера?

- Да, три дня назад.
- А в Новосибирске по каким делам?
- По делам своего бизнеса, - резко оборвала Лидия Сергеевна. - Разве запрещено приезжать по делам в другие города России?
- Так, вы прописаны...
- В Москве! Что это - допрос? Задержание?
- Да вы успокойтесь, пока ещё ничего страшного не происходит, - медленно сказал лейтенант.

Жорик попытался что-то вставить, но лейтенант резко сказал своему напарнику:

- Отведи господина Андреева в другую комнату.

Жорж молча, не выказывая волнения, спокойно пошёл за вторым милиционером.

Через несколько секунд дверь за Жорой захлопнулась, но открылась входная дверь, и вошли двое крепких молодых парней.

Лидия Сергеевна напряглась, спросила лейтенанта:

- У вас есть ещё вопросы ко мне?

- Где ваш билет на самолёт?

Открыв сумочку, женщина вытащила билет и протянула милиционеру. В это время краем уха она услышала сдержанную перебранку в соседней комнате, потом странную возню, и вдруг почувствовала тяжёлую руку на своём плече. Оглянувшись, успела увидеть квадратный подбородок и почувствовала резкий укол в шею.

Свободное падение... Смесь страха и удовлетворения...

Я прыгала с затяжным парашютом. Высоко в небесах, схватившись за руки, мы с Игорем парили, парили... Кольцо! Надо рвануть кольцо и тогда парашют откроется, иначе разобьёшься, разобьёшься... Облака плыли кое-где, небо чистое, чистое... Шум... Шум самолёта... Шум в ушах от свиста ветра...

«На оленях утром ранним, мы отчаянно помчимся прямо... прямо... в... в зарю», - мелодия старой песни проклюнулась в голове сама собой, слова и образы путались, забывались, затягивались дымкой... Главное - раскрыть парашют... Пальцы тянулись, все мышцы тела от напряжения сводило судорогой... Есть! Раскрылся!

Теперь не страшно... страшно... страшно... Что со мной? Где я нахожусь? Сон или явь? Ничего не понимаю»...

Постепенно Лидия Сергеевна приходила в себя, её слегка подташнивало, странная пелена подёрнула глаза, она ничего не могла различить в душной темноте. Виски ломило от боли.

Так, голова на месте, копь болит, а руки? Кровь текла по жилам медленно, это она точно чувствовала, всё было, как в замедленной съёмке. Руки..., ноги..., ребра..., зубы... Язык - словно обожжённый, пить очень хочется...

«Кажется, я жива. Я читала книгу, разговаривала по телефону, потом мне стало... плохо?»

Лицо молодого милиционера, нет, клоуна, ха-ха-ха, хи-хи-хи... Мама меня предупредила, мама за меня очень боялась.

Где же ты, мам? В комнате темно, включи свет, пожалуйста... Я темноты боюсь, мне всегда кажется, что в ней возится кто-то ужасный... Подойдёт и сделает больно»...

- Кажется, очухаться должна, времени прошло достаточно, - услышала она красивый баритон.

- Подождем ещё минут пятнадцать, а потом и начнём, - раздался другой, более низкий и с хрипотцой.

- Звони хозяину, - вставил первый голос.

Через некоторое время раздалось специфические звуки мобильного: ту-ту-ту-ти-ти-та...

«Хозяин»... Сейчас их много развелось. Народу трудно переучиваться с «товарища» на «хозяина». С товарищем договориться можно, а хозяин - любит подчинение; хозяин - барин, слово его - закон. Не выполнил - всё, можешь лапу сосать: ни денег, ни подмоги, будешь сидеть за кольцевой дорогой, а то и мирно сложат твои ручки на груди и свечечку между ними вставят... Если повезёт, если хозяина сильного да могучего нашёл, если верой и правдой ему служишь, тогда в любых ситуациях прорвёшься... За эти годы уже научились, как услужить, как вовремя кепку с головы сорвать, только что ручки не лобызает... И девчушек притащим, и в баньке попарим, вкусно покормим и в постельку уложим.

Бред... это просто бред. Какой хозяин? Я сама себе хозяйка... Кошмары по ночам совсем замучили.

Надо потянуться, потом открыть глаза, встать и выпрямить спину. Больше всего не любила, когда за обеденным столом мне повторяли, чтобы я выпрямляла спину: есть, вытянувшись в струну, было страшно неудобно, и фраза «не сутулься, милая» приводила меня в бешенство, но она же и заставляла никогда не сгибаться в жизни. Каждый раз, когда мне бывало тяжело, и я замечала, что моя осанка - хуже некуда, я повторяла сама себе эти же слова, и мне становилось легче. Так что, дорогая моя, пора вставать. Просыпайся!

... Не ври себе, не ври... Глаза привыкли к темноте, как будто ты не видишь, что лежишь на медицинской кушетке, укрытая своим же собственным пальто, стены вокруг отделаны белым кафелем до потолка, пустая комната, в углу непонятное сооружение, окон нет, за дверью сидят люди... Вывод один. Только за что?»...

Каскад мыслей проносился со скоростью света. Лидия Сергеевна анализировала последние события.

«... Долгов нет, деньги через оффшор шли очищенные, последние разборки были мелкие, адвокат в Швейцарии - человек умный, да и бумаги я подписывала только после того, как сама тщательнейшим образом прочитывала, моего английского хватает пробуриться через юридическую галиматью. Три дня назад в Германии обсуждены все детали с партнёрами, не было никаких обид или недосказанности, но, может, я что-то упустила? ... Нет, вроде бы, все нормально... Тогда почему я здесь? Где была сделана ошибка, в чём? Кому я наступила на пятки? Чьих гусей раздражила?»

Но кто? Кто за этим всем стоит? Ничего себе, милая моя Мойра, сплела ты мне не узелок, а узлище, даже по молодости в такие ситуации не попадала, а тут на старости лет...

Без паники, только без паники. В животе холодно... Надо ждать, может, прояснится... Пусть бьют... Да нет, скорей всего «им» деньги нужны, ну и что? Отдам... Только б не насильовали... это самое ужасное. Наверное, бить будут...».

Она привсталась с кушетки, провела рукой по растрёпанным волосам, слегка пригладила, потрогала шею, сбоку была припухлость, пара пуговиц на кофточке расстёгнута. Сапожки впелись в распухшие ноги. Потянувшись, Лидия Сергеевна медленно расстегнула молнии, сбросила сапоги и опустила ноги на пол. От кафеля

зазмеилась прохлада вверх по ступням и стало куда бодрее жить на свете. Как в старом анекдоте: «Мелочь, а приятно».

«Немножко посижу, потом пройду по своей... камере. Какая невыносимая откровенность... Интересно, что случилось с Жорой? Куда его заперли? Наверняка, он просто так им не дался... Хотя бы жив остался...».

Дверь отворилась, и в проёме показался среднего возраста упитанный мужчина в белом халате. Включив ослепивший Лидию Сергеевну свет, он спросил:

- Госпожа Калугина, как Вы себя чувствуете?

У Лидии Сергеевны сердце затрепетало.

«Может, я всё напридумывала? Может, я просто попала в больницу, и это, наверное, приемный покой в самом бедном, затрапезном госпитале... Да, госпиталь...», - лихорадочно соображала она.

- Позвольте проверить ваше давление, - сказал мужчина и, подсев на кушетку, принялся за дело.

- Скажите, пожалуйста, где я и что со мной произошло? - торопливо спросила его Лидия.

- На ваши вопросы мне отвечать не положено, - мрачно оборвал «доктор».

- Как это «не положено»? Я хочу знать, что происходит, и почему я нахожусь в этой странной комнате, - настаивала женщина.

В течение всего диалога «доктор» возился со своим приборчиком.

- Давление в порядке.

Такой ответ совсем не удовлетворил Лидию Сергеевну, и она, негодуя, начала трясти хмурого доктора за плечо и на высоких тонах спрашивала снова и снова:

- Где я? Кто вы такой? По какому праву вы меня сюда затащили?

Мужчина деликатно, но с силой отстранил её руку и громко крикнул в пространство двери:

- Она в порядке, можете приступать.

Предчувствуя недоброе, Лидия вздрогнула, замолчала, и медленно встала во весь рост.

В комнату входили трое, один из них нёс мягкое кресло...

Глава третья

ВОПРОСЫ С ПРИСТРАСТИЕМ

Одного она выделила особо. Он всё время что-то бормотал в ритме и в рифму. Но не стихи же, в самом деле...

А-а, мадам, Вы кричите?!

Ещё и не так возопите!

Вы контрактик тот подписали?!

А почто же нам отказали!

Ах, ты не знаешь, о чём я гутарю?!

Счас, прозреешь в момент!

Я та-а-к вдарю!

*Боря, давай-ка её «натяни», пару раз,
И, дружок, ... поспеши!*

*«Н-е-т! Н-е-т!» Тёлка мычит!
Ты посмотри на неё, - не молчит!
Будто свирепый кошак ярится,
Царапается, дрянь - не винится.
О достоинстве шепчет и молит.
Денег - сколь хошь отдаёт,
Не мусолит... Бабы есть бабы,
Ну, что с них возьмёшь...
Борька, а ты брат - здоров...*

Но, может, это её воспаленный мозг «замыслил» стихами?

Ответом прозвучали Лидины «Ха-ха-ха- ха», а потом «хи-хи-хи», вспоровшие про-
странство заточения...

«Разрушать - не строить, убивать - не рожать... стихи и я могу слагать», - думала
Лидия Сергеевна.

*Поэт и подлец,
Палач и делец
В едином лице...
О-о, словно дьявольский бред*

*Вопрос и ответ,
Удар и совет:
Условия выполнить иль умереть!*

В конвульсиях боли

И фатуме доли

Я духом сильна

И скажу не таясь:

*Меня вы распнёте –
Себя обречёте,
Убийцы.*

Ублюдки –

в Аду вам истлеть!

Лидия Сергеевна в полный голос проговаривала строки, которые складывались
сами собой, и, вдруг остановившись, опять захохотала. Звенящими горошинами
отскакивали её «ха-ха» от кафельных стен. Первое «ха-ха» стукнулось о правую

стенку, сползло по каплям засохшей крови, что была разбрызгана в некоем ажуре бесовской абстрактной живописи современного быдла. Второе «ха-ха» ринулось к двери и съехало по роже открывшего её бугая, который ненавязчиво поинтересовался:

- Ты чо, спятила? Ну, ты даёшь!

«Ха-ха-хо», - и дверь закрылась...

Посмотрев на свои руки, женщина захихикала. «Хи-хи-хи» уткнулись в запёкшуюся кровь на пальцах... Лак на ногтях кое-где был ободран, жилки набухли на тыльной стороне ладоней и ритмично пульсировали. Она сидела в самом углу... Изнасилованная и растерзанная женщина.

В воспалённом мозгу снова и снова вспыхивали, неслись галопом Его и Её собственные рифмы, переплетённые, перепутанные с прошедшими часами кошмара и боли.

*Минуты, что сито, протёрли меня.
И, сквозь кровавую тень бугая,*

Душа продиралась к рассвету.

*А время застряло... и в многие лета
Свернуло секунды, смерчем урча...
Молитвы читались мной без конца,*

Упырьно-громко и всласть гогоча

Без усталости мразь всё пыталась меня...

Рвали на части средь белого дня...

Ужасы... Ужасы...

Страха крыло машет и...

Сжато в безумии терний кольцо:

Происки рока - судьбы той клеймо...

«Ха-а-а, ха-ха-ха-а-а» сползали со стенок, будто грязь со стекла в заброшенном и никому не нужном доме, где валяются забытые старые игрушки, шуршит бумага, и паутина затянула все углы. Пауки любят такие мрачные помещения. Никто их не тревожит, и они ползают, ползают, вьют паутину, размножаются. Поймают букашку... И в кокон её... потом сосут кровь... А капельки росы, словно бриллианты, блестят от лучей солнца на рассвете... Паучьи сети... сети... сети.

*А третий... просто сидел,
Сидел и смотрел.
Ножкой покачивал.
Головою потряхивал.*

*На мягком стуле сидел.
А потом тихо запел:
«Ой, цветёт калина*

*в поле у ручья,
парня молодого
полюбила я...».*

*Фантасмагория блефа и боли,
Холода тела и грешников доли...*

*О, врач у порога!
Скорей, дорогой!
Шприц держишь, сволочь,*

Давай, не жалей...

*Тело-растерзано,
Боль - нестерпима...
Честь моя- попрана,
Судьба - крахом вспорота...*

Врач внимательно её осматривал и пытался поднять. Она сопротивлялась и всё теснее впихивала себя в угол. Обхватив цепко свои коленки, Лидия остановившимся взглядом смотрела на это «нечто» белёсое, искала глаза - и не находила... Хлопнув ладонью по её руке, врач быстро ввёл иглу под кожу.

*Уф! Кажется, помогает,
И сознание в кольца свивает...
Спать... нет! Уйти в никуда*

И растаять там без следа...

*Я не знаю Кириллова Лёху,
Я работала с Зевсом, ей Богу.
Он мне, Зевс, о нём не сказал,*

*Он что же - подставил,
А сам... Взял, да удрал?..*

Но помните - Зевс

*Высоко на троне сидит,
Он мне... поможет,*

А Вас всех - сгноит!

«Ш-ш-ши, сейчас легче станет», - сказал врач, а потом продолжил шёпотом:

- Они ребята с большой властью, они тебя размажут, делай, что просят, иначе... Они не только самолёты задерживают, они на выборы влияют, и никто тебе не поможет. Будешь «без-вести-пропавшей». Даже трупа твоего не найдут.

Голова женщины склонилась на грудь, длинные ресницы прикрыли глаза. Врач сгреб её в охапку и отнёс на кушетку.

*Ну, чо?! Всё в порядке,
Дадим ей разрядку и
Книжку о мифах
Европы проклятой,
Пусть почитает до ночи... хм...*

- Вот, блин, слово не могу подрифмовать! О!... «Ночи треклятой», - удовлетворённо хихикнул бугай, стоя в просвете двери с книжкой в синем коленкором переплёте.

В следующий момент он швырнул её в глубину комнаты. В полёте книга развернулась и, шелестя страницами, шлёпнулась возле кушетки.

Женщина не шелохнулась. Она лежала в наркотическом полузабытьи. В её мозгу вспыхивали яркие огоньки, а мысли медленно расплывались как бензин на поверхности глубокой грязной лужи. Одна зацепилась за внутренний стон и вновь всколыхнулась...

*Боль осквернения.
Ритм окровления.
Слёз удушение.
Крик иступления.*

Попраны святости

Женщина распята.

Похоть жестокости

Истязанием названа.

Вечностью кажется

Миг тот насилия...

Где же вы, ангелы?...

Где Бог во спасение?...

Лица, рожи, страшные раззявленные пасти проплывали в сознании разноцветными всполохами...

«...На оленях утром ранним...»

Мысли скручивались в спираль, и её несло в некую воронку, уходящую в другое

измерение.

Она очнулась от стука крови в виски: бум-бум-бам... Жива?! Нет! Страшно... Я думаю...

Голова человека - вещь уникальная. В голове можно мычать, стенать, петь песни, слагать стихи, разговаривать, молиться Богу... Она умещает гигантское количество мусорных мысле-образов, а добрые умные мысли располагаются в стройном порядке, не барахтаются.

«...На оленях утром ранним...» - опять зазвенел в подсознании потусторонний голос...

«При чём здесь олени, - посетовала она, - мясо... Я сама - мясо, только кусками не нарезанное... когда-нибудь оно сгниёт. А кости иссохнут, и останется мой скелет. Я - мясо...».

Неожиданно мозг насторожился. Обрывки сцен из прошлого замелькали всё быстрее и быстрее.

«Оленина... На моих установках паковали оленье мясо... для отправки во Францию. Да, с Дальнего Востока завозили. Давно было... Заказ был большой... Самого заказчика не видела, от него пожилой, представительный мужчина приезжал... На встречу в кабинет ко мне пришёл с двумя крепкими парнями, под кожаными куртками торчали автоматы... Я испугалась, согласилась сразу... Условия были хорошие - они мне всё сполна заплатили... Заказчик был как бы мифический. Но нет, однажды по телефону со мной говорил... Голос... Как же его звали? Имя? А какой год был? 1995 или 1993? Не помню... Я так много по телефону всегда разговаривала. Взять и представить каждый телефонный разговор ниткой, наткать полотна, и... о, ужас! Я всю планету-матушку в три оборота этой тканью обернуть смогу. Голос этого мужика был молодой и звонкий... Ах, да... Теперь помню - Алексей Михайлович...»

Пожилой приезжал ещё один раз, познакомил меня с моим Зевсом, тот тогда просто начальником отдела в министерстве сидел... Сказал, мне с Зевсом работать необходимо, он-де скоро министром будет... Они его поставят... Подарки из Магадана привёз... Шахматы из моржовой кости... Мастерски фигурки были вырезаны...».

Сознание соскользнуло в бездну полузабытья.

На шахматной доске оживали фигуры, неслись на Лидию Сергеевну, она от них отбивалась. Чёрный король, как рапирой, колол её укоризненными, убогими рифмами:

Пешка... шестёрка, ферзя не заметив,

Лихо скатилась с доски, не приметив,

Что за спиной её чёрные когти –

Дура ты, Лидка, - лихие ведь горки...

Надо ж смотреть, с кем работаешь, баба,

*Вот и влупили тебе те алмазы,
Раз отказалась деньгами сподобить.
Где ж это видано... чтобы шестёрка...*

«Нет!» вдруг сказала...

Ведь есть же оффшорка!

Ты бы финансы те подогнала.

Дура ты, Лидка, - себя доконала,

Жизнь поломала, в гроб... просто загнала.

Лидия Сергеевна открыла глаза. «Что это было? Сон?». Пытаясь пошевелиться, она почувствовала острую боль, стремительно пронёсшуюся по всему телу. «Нет... не сон...».

Смутные догадки, в связи с чем произошло её похищение, всё очевиднее освещали общую картину случившегося. Теперь она точно знала... Король? Чёртов король... шахматы... Слёзы потекли по щекам... «Даже пожалеть меня некому. Сколько же времени прошло? Может, моя секретарша звонила? Меня не нашла, в розыск заявила... Глупости, для неё я сижу в аэропорту, и она ещё спит, наверное... Мамочка, как мне больно и мерзко... Господи, что же мне делать?»

Медленно привстав, она спустила ноги в оборванных колготках. Одёрнула платье?! «Платье от Кардена, хм... тряпки от Кардена. Две с половиной тысячи долларов никому не нужных тряпок».

Лидия сделала первый шаг. «Превозмогая боль! Подумать только, до чего же русский язык богат, слово-то какое - «пре-воз-мо-га-я». Когда уже невмочь терпеть, никаких сил, и от боли зубы сжаты до хруста, а ты идёшь... Иди, милая, до самой двери...», - разговаривала женщина сама с собой.

Шаг за шагом, и она очутилась у дверей. Постучала. Дверь открыл бугай.

- Разговор есть. Буду говорить только с вашим главным, - строго и сухо сказала Лидия Сергеевна тем тоном, который не предполагает ответа.

- Принеси зубную щётку, пасту, горячую воду, мой саквояж и настольную лампу. Мне нужен свет. Я должна привести себя в порядок и переодеться. Назначьте встречу через час, - командой звучал её голос.

Мужик, ничего не говоря, молча кивнул головой и двинулся на неё. Женщина не посторонилась. Как-то боком он проскользнул мимо неё и направился к стене, открыл ключом маленькую дверь, которую Лида даже не заметила.

- Пожалуйста, здесь душ, остальное доставим, - сказал он.

Она зашла следом, увидела старый задрипанный душ и, не обращая внимания на соглядатая, стала срывать с себя остатки бывшего шика.

В его глазах блеснуло изумление. Он не двинулся с места, наблюдая за женщиной. Полностью обнажив - увы! уже хорошо знакомое ему тело, - Лидия Сергеевна повернула краны у душа. Струи заржавевшей воды с урчаньем полились ей на спину. От прикосновения воды по коже побежали мурашки. У бугая заломило в бёдрах, и он потянулся, было, к Лидиной спине, но, не поворачивая головы, Лидия глухо сказала:

- Не трогать! Иначе разговора не будет, хоть убивайте!

Тот сразу понял, она говорила серьёзно. Резко захлопнув дверь, он ушёл, бубня себе тихо под нос. Через некоторое время ей принесли всё, что она потребовала.

Лидия Сергеевна намыливала себя снова и снова, в тщетной надежде: чистой водой смыть произошедшее, очистить себя от скверны. «Осквернители... Ничего святого нет... Всепрощение - слишком великое мужество. Не каждому дано. Ей - нет!

Такое невозможно простить! Никогда!... Кто же за всем этим стоит?»

Спустя какое-то время Лидия Сергеевна вытаскивала запасное бельё, брюки и свитер. Плача, она втискивала себя в одежду, потом в кармане саквояжа нащупала косметичку. С трудом села на кушетку и открыла сумочку. Открутив крышку от крема для лица, Лида вдохнула знакомый запах, напомнивший о той, несколько часов назад ушедшей навсегда жизни... Холод крема на щеках прибавил решимости. Взяв зекральце, женщина внимательно разглядывала своё лицо. Чёрным карандашом она подкрасила веки... «Ногти... Хорошо бы снять лак и заново покрыть... Флакончики в кармашке лежат, на всякий «пожарный». Ладно, в следующий раз. В следующий раз?! Да ты спятила»...

«Делай сейчас!» - в приказном тоне сказала себе Лида. В комнате запахло ацетоном... «Так-то лучше», - собственная похвала её рассмешила и улыбка больно растянула опухшие губы... Улыбка - «бо-ле-ла»!

«Ну? Ты готова, друг мой Лидочка? - отцовской интонацией спросила она сама себя. «Да... готова». Помнишь, как покойный отец говорил: «Покер - игра умная! Когда играешь, ни один мускул на лице не должен дрогнуть. А по твоему лицу я могу сразу определить, какие у тебя карты, свет мой, Лидочка!». И... голос мамы: «Нашёл, чему ребёнка учить! Лучше бы по математике ей помог!»

Слёзы покатались ручьём из глаз Лидии Сергеевны. «Папочка, я тебе обещаю - ни один мускул не дрогнет на моём лице. Козырь у меня один - я умна, ты мне сам говорил. Я - не они. Эти мерзавцы стоят на уровне, ну, знаешь, как в старой шутке: «Чайковский - Полонез Огинского». Да что я!? Такие звери не знают ни Чайковского, ни Огинского. О чём это я думаю?... Мне очень, очень больно, папа... Я мёртвая... Надо припудрить лицо».

Её взгляд споткнулся о книжку, лежащую невдалеке. Она непроизвольно потянулась за ней. Распластанная книга кричала со страницы: «Царство Аида полно мрака и ужасов. Там бродит во тьме ужасное привидение Эмпуса с ослиными ногами; заманив хитростью людей в уединённое место, оно выпивает всю кровь и пожирает их ещё трепещущее тело...»

«Что ж ты хочешь мне сказать, бедная книжечка? Всё уже было в этом мире?! Может, и было, но со мной в первый раз... А Эвридику Орфей всё-таки вывел из царства Аида»...

«Главное - не оглядываться назад!» - пробегая по строчкам глазами, думала Лидия

Сергеевна. Отложив книгу, она опустилась на колени и, поочередно проверяя все отделения саквояжа, наконец, нашла пачку сигарет. Зажигалка заваялась где-то в дамской сумке, но в косметичке всегда были спички из какого-нибудь отеля.

Затянувшись глубоко сигаретой, Лидия Сергеевна тяжело поднялась, села обратно на кушетку и сосредоточилась. «Так... Основная моя деятельность - финансирование крупных проектов. Последний разговор с министром был не из приятных, я отказалась... Инвестиции... Банки... Банкиры на Западе меня уважают... Я просто была все эти годы подставным лицом... Ладно, разрулим».

Вскоре «третий» вошёл в комнату с высоким, интеллигентного вида мужчиной.

Занесли стол и три кресла. Лидия Сергеевна попросила оставить её с глазу на глаз с новым действующим лицом трагического спектакля, в котором она по воле роковых обстоятельств оказалась задействована.

Они долго разговаривали полужёпотом, чертили какие-то каракули на бумаге.

Не прошло и двух часов, а Лидия Сергеевна уже сидела на заднем сиденье «Мерседеса», на переднем - крепко помятый телохранитель Жорик. Ехали молча. «Как это главный сказал? А-а-а, да, что-то вроде «хороших исполнителей не наказывают - хороших исполнителей журят, а слушников убивают». Мразь... Ну, посмотрим... Зря вы меня, ребята, так «пожурили»... Ох, напрасно же вы это сделали...», - размышляла женщина. Машина подъехала прямо к трапу самолёта.

В бизнес-классе, откинув кресло, Лидия Сергеевна прикрыла веки и с совершенно сухими глазами плакала сердцем, стенала умом, укоряла свою судьбу и тихо шептала придуманную ею молитву всем богам.

Глава четвёртая

ИМЁН И ВРЕМЁН ПАУТИНА

Сквозь стрёкот самолёта Лидия Сергеевна услышала печальный голос Жоры:

-Простите, простите, Лидия Сергеевна.

-Не надо... Пожалуйста, не надо. Я всё понимаю... Против силы... Звучит вульгарно, но... не попрёшь. Ты ничего не мог предпринять, у них всё было хорошо продумано. Теперь главное - молчать! Никто не должен знать, что случилось, - глухо сказала женщина.

- Конечно, конечно, - поспешно заверил телохранитель, видимо, намереваясь продолжить разговор.

Лидия Сергеевна резким жестом остановила его.

- Мне нужно отдохнуть и прийти в себя.

Она опять закрыла глаза, и вдруг возникла сумбурная мысль, никоим образом не соответствующая ситуации. «Интересно, сколько людей с одним и тем же именем мы встречаем в жизни? К примеру, я знаю только одного Жору, но зато...».

И она стала считать, сколько подружек у нее было по имени Таня. По её подсчетам, оказалось пять.

Больше всего ей встречались Сергеи, пожалуй, можно и со счёта сбиться.

Были Игори, Александры, один Гаврил... Куча Владимиров... У совершенно разных по характеру и внешности людей могло быть одно и то же имя... Кто-то в жизни ей крепко насолил, а кое-кто даже был приятелем. Одних она вычеркнула из жизни, других оставила в своей памяти. А сколько Алексеев я встречала? И когда?

Имена и голоса известных и неизвестных тебе людей вспыхивают в памяти,

прихотливо сплетаясь в узоры воспоминаний, и однажды ты почти зримо ощущаешь эту сотканную жизнью паутину человеческих связей, прочно вошедших в твоё сознание, только одни паутинки мерцают ярко, другие блекнут и совсем исчезают, третьи же оставляют кровавые следы. От мыслей об одних ты трепещешь, от чьих-то имён любовь и истома наполняют сердце, а от иных с души воротит...

Какое же сейчас время сумасшедшее! Страшное. Люди от денег дуреют. Деньги сдирают с них человеческую оболочку, ещё не остывшую от костра, в котором сожжена нравственность. Возвыситься над другим любыми путями, прошелестеть растопыренными пальцами и уничтожить человека в человеке становится ежедневной рутинной. Рабство духа и неволя безвременья... И веры... Веры никакой нет: ни в кого и ни во что...

Лидия Сергеевна чувствовала, что Жора вот-вот опять заговорит, и, чтобы остановить очередные излияния, она, покопавшись в сумочке, достала книгу и подала её телохранителю:

- Читай!

Тон приказа обескуражил Жору, и он покорно взял книжку. Лидия Сергеевна медленно поднялась и направилась в туалетную комнату. Ей хотелось вымыть лицо и руки, но злосчастный кран выдавал воду брызгающими порциями, что всё более и более злило.

Женщина в зеркале смотрела на неё впавшими глазами, на лице - исступление. Резким движением Лидия выхватила несколько салфеток из упаковки и начала скрести лицо, потом уже в ярости рвала их на мелкие кусочки. Она вновь и вновь выхватывала девственно-белые бумажки и рвала их, рвала... Куски бумаги летели и кружились в узком пространстве туалетной комнаты, падали на пол, постепенно устилая его сплошным покровом. В очередной раз ухватив больше салфеток, чем могла разорвать, Лидия стала раздирать их зубами. Пальцы посинели от напряжения...

Она опомнилась от стука в дверь: «Всех пассажиров просим вернуться на свои места: мы входим в зону интенсивной турбулентности». Самолёт качнуло, потом бросило вниз, вверх, Лидию швырнуло в сторону и больно стукнуло головой об обшивку. Выскочив из комнаты, она спешно пробиралась к своему месту. Двигаться по проходу между кресел было сложно - мотало из стороны в сторону.

Краем глаза Лида заметила, что Жора сидит, уткнувшись лицом в книгу, и плечи у этого гиганта вздрагивают. «Бедный Жора, турбулентность в жизни бывает пострашней, чем в природе», - подумала женщина.

Самолет встряхивало всё сильнее и сильнее, так что Лидия, не дойдя до своего места, рухнула на случайное пустое кресло и, пристегнув ремни, скорчилась от подкатывающейся тошноты.

Минут через тридцать всё утихомирилось, и Лидия Сергеевна вернулась, села рядом с Жорой.

- Как книга? Нравится? - устало спросила она.

Телохранитель молча протянул ей книжку с раскрытой страницей.

- Страница шестьдесят пять... Вот здесь, прочтите, - сказал Жора, указывая пальцем на абзац в конце страницы.

Лидия начала читать: «Слуги громовержца, Сила и Власть, ведут Прометея. Не знают их сердца жалости, в их глазах никогда не теплится сострадание... Печальный, низко склонив голову, следует за ними бог Гефест со своим молотом. Ужасное

дело предстоит ему. Он должен собственными руками приковать друга своего Прометея».

Внутри что-то ёкнуло, глубоко-глубоко под сердцем, Лидия напряглась и поняла, что всё это время безнадежно пыталась отыскать среди всего её окружения того, кто был причиной случившегося. И сейчас, после прочтения этих строк, мрачная правда вставала во всей её первозданной обнажённости. Она не хотела принимать её...

Но ответ звучал в голове: «Это - Он... Он... Чёрный король... Но мы же любили друг друга, хоть он и жил на Севере и владел месторождениями, вёл свои дела на Чукотке и Магадане, но всегда приезжал в Москву, оставался у неё неделями. Был разведён. И Лидия считала, что вот-вот они поженятся. Вся эта история длилась много лет, а потом... Она сама решила расстаться.

Летом, ещё до размолвки, Евгений попросил её найти финансирование для алмазного проекта. Но Лида отвертелась: нефть и алмазы - игра для «больших мальчиков», а ей, «девочке с покрашенными ресницами», там делать нечего. Женя упорствовал, настаивал, но она не уступила.

Вскоре с точно такими же предложениями выступил шеф, но Лидия была категорична и опять отказала. Впрочем, ей даже в голову не пришло, что её Зевс и Женя могли быть в одной упряжке... Она никогда не занималась никакими сделками с Женей, она не хотела примешивать к любви дела... Только один раз согласилась, давно-давно... оленину упаковывать, это дело он ей подбросил, просил за своего хорошего партнёра. Сказал: «Заработаешь деньжат». Тогда-то их роман и начался...

«Он любил меня так страстно...

Конечно, Женя к тому времени уже преуспевал, денег постоянно предлагал, да только я не брала, разве что подарки, которым всегда радовалась, а иногда умилялась до слёз.

... Стоп, кажется, он говорил: если я откажусь - «ничего хорошего не будет», как-то ненавязчиво между поцелуями вроде бы пригрозил. Но ведь это показалось мне тогда всего лишь шуткой! Хотя странными были его слова: «Ну, смотри, дорогая, потом всё равно ведь придётся...».

А разрыв произошёл, потому что, приехав в командировку в сентябре, он как-то исчез и не появлялся, не звонил три дня, она сходила с ума, думала, может его убили - время такое! Но Жора намекнул: с ним-де всё в порядке, и ей не надо знать, где Женя находится.

Но Лидия Сергеевна строго приказала Жоре повести её туда, где был её возлюбленный. Жора есть Жора: сказали ему, и он сделал. Как же она пожалела, что поехала...

«... Я таких оргий не видела и даже представить не могла, даже в самом в страшном сне, там были не только голые девицы, там были мальчики, наркотики... И все выглядело ужасно. Я не смогла этого вынести. Когда он меня увидел, стряхнул с обнажённого тела двух девиц и, едва прикрываясь какой-то салфеткой, принялся красноречиво доказывать, что так надо по работе, а наши с ним отношения неприкосновенны, и он чист передо мной... Конечно же, я знала о таких попойках, но никогда и подумать не могла, что мой Женя способен принимать в них участие. Разврат и бизнес не укладывались в моём понимании в одно русло. Наивная слепота.

Я ехала домой в машине и рыдала. Жора, как мог, успокаивал меня, гладил по волосам... В ту ночь я не спала до самого рассвета.

На следующее утро, подходя к машине, заметила у Жоры синяк под глазом. И он объяснил мне, что на тренировке не смог уклониться от удара... Но мне было

предельно ясно - Женины ребятки поговорили с ним по-своему. В глубине души я даже была польщена и горда, что у меня есть защитник - мужчина, способный постоять за меня и мою честь. Хорошо помню - именно это скрасило мои душевные терзания и утолило глубокую досаду на себя и неустроенность женской судьбы. В тот день мы купили в ближайшей аптеке траву-бодягу, и я потребовала, чтобы Жора непременно прикладывал траву к синяку - пусть бы прошёл поскорее. Он упрямылся, отнекивался»...

Мысли у Лидии Сергеевны неслись, сменяя друг друга с бешеной скоростью. Вдруг в глазах потемнело, и сердце пронзила режущая боль. Она хватала воздух полукруглым ртом, рука сама потянулась к горлу, и Лидия обмякла. Где-то далеко-далеко звучали голоса, особенно выделялся Жорин, он был громким и почему-то бабьим. Он звал на помощь.

«Нужен доктор или любой человек с медицинским образованием!» - тревожно прозвучало объявление, встрепенувшее всех пассажиров. Поднялась суматоха. Жора легонько похлопывал Лидию Сергеевну по всё более бледнеющим щекам. Люди приподнимались с мест, громко шептались.

С последнего ряда экономического класса поднялась старушка. Медленно ступая, с высоко поднятой седой головой, она продвигалась по проходу. Поравнявшись с бортпроводницей в кухонном отсеке, сказала:

- Милая, нашли доктора? Может, я чем смогу помочь? Я всю жизнь проработала старшей, а потом и главной медсестрой в психиатрической больнице в Ленинграде. Сейчас-то он Санкт-Петербург. Ну, да что говорить, главное - помочь человеку.

Бортпроводница оглядела старушку и, подхватив её под руку, буквально потащила в бизнес-класс.

- Лена, - обратилась девушка к коллеге, стоящей рядом с Лидией Сергеевной, - вот - женщина работала главной медсестрой...

Старушка, слегка наклонив голову, сказала:

- Меня зовут Раиса Владимировна Петухова, я из Питера, в Новосибирск ездила внуков и правнуков повидать, а теперь в Москву лечу, свояченицу проведать. Ну, что тут происходит?

Она пододвинулась поближе к креслу, лёгким жестом отстранила Жору. Взяла руку Лидии Сергеевны, нащупала пульс...

- Скорей всего, инфаркт миокарда, необходимо срочно госпитализировать, если опоздаем - уйдёт девочка, не спасём. Молодая, ей бы ещё жить да жить. Но...

Старушка нахмурилась, помедлила, затем стала расстёгивать у больной манжет на блузке. В этот момент Жора широкой спиной отгородил их от остальных присутствующих. Подтянув рукав до локтя, Раиса Петухова обнаружила исколотые вены и огромные расплывшиеся синяки вокруг них.

- Что это? - вопрос повис в воздухе.

Жорины глаза зло блеснули.

- Ей делали инъекции.

- По-моему, этой женщине нужны не только врачи, - многозначительно ответила бывшая медсестра. - Вы её муж?

- Нет. Присядьте, пожалуйста, рядом с ней, я пойду, поговорю с пилотами, - с этими словами Жора развернулся и, попросив стюардессу пройти с ним, удалился по направлению к кабине пилотов.

Раиса Владимировна Петухова присела на край кресла и, держа в руке ладонь умирающей женщины, задумалась.

Чего только не довелось ей повидать на долгом жизненном пути. Да, она могла по пульсу и зрачкам поставить диагноз. Судьбой ей было дано видеть не только физическую боль, но и душевную. А научил её этому молодой аспирант, китаец, врач. Он был её пациентом в психиатрической больнице, даже имя его она помнила: Кирилл Ли, во всяком случае, так он себя называл. Лекарства принимал только от неё. Никого к себе не допускал, ни с кем не разговаривал. Молчал почти год.

Однажды, в ночное дежурство, Рая, тихо ступая, шла по коридору больницы, тускло светили лампы, оплетённые сетками, из палат слышалось сопенье, тоскливое подвывание, шёпот и стоны. Задержавшись у двери в его палату, она прислушалась. Было тихо. Отворив дверь, зашла к нему в палату проверить: всё ли с ним в порядке, и увидела то, что поразило бы воображение любого. В полосе лунного света Кирилл, скорчившись, сидел на полу перед листом бумаги и сосредоточенно измерял линейкой накапанное нечто, причем капли были разные: большие и маленькие.

Увидев её, он сказал слегка сиплым голосом:

- Видите ли, Раечка, количество спермы бывает разным, это зависит от того, между какими пальцами руки происходит фрикция и извержение семени. К примеру: между пятым и четвёртым только на три миллиметра, а между первым и вторым пальцем в новолуние - практически сантиметр.

Мне бы лабораторные весы найти, тогда бы я смог взвесить и описать более точно. Хорошо бы достать лунный календарь и карты звёздного неба... Знаете, моя научная работа была связана с генетикой... впрочем... Несколько лет назад я влюбился в одну девушку, аспирантку. Она приехала из Индии. Сначала она со мной заигрывала. Звала к себе, поила чаем и рассказывала о Кама-Сутре. Тридцать дней не подпускала к себе. Внедрялась в мою душу, заволокла моё сознание. Я даже сон потерял от любви.

Наконец, она сказала, что мы готовы предаться страсти. Что это было, невозможно рассказать... И я истлел, как ароматический фимиам, который девушка воскуряла у себя в комнате аспирантского общежития. Она-то и рассказала мне, что извержение семени по количеству в разное время суток, месяца, года, противостояния разных планет, бывает неодинаковым. Я ей не верил, и говорил, что это зависит отразных чувств - любви, ненависти, симпатии... Она смеялась надо мной... Однажды она внезапно уехала, не сказав мне ни слова, не попрощавшись, не оставив даже адреса. Тщетно я пытался её найти... Так моя любовь и сгинула, истаяла в небытие. Только жить я без неё не смог. С ума сходил... Друзья меня с другими женщинами знакомили. Но я мечтал только о ней... Болен я... Неизлечимой любовной лихорадкой...

Муки сердца можно погасить только молчанием, но не всегда помогает. А вот науку продолжать я могу. Ты бы принесла мне, Раечка, весы лабораторные... А за это я тебя научу как по пульсу и зрачкам диагностики души и тела ставить. Лучше заслуженных врачей и академиков станешь. Людям поможешь. Я эти знания по наследству получил от деда, который из Китая на Дальний Восток сбежал»...

В течение всего монолога медсестра Петухова, потеряв дар речи, стояла не шелохнувшись, и не знала, то ли бежать звать дежурного врача, крича от восторга, потому как пациент заговорил, то ли кивать в знак согласия, принимая предложение душевнобольного. Он продолжал говорить, что они повязаны теперь друг с другом великой тайной. Кирилл хотел остаться «великим немым» в обмен на знания, которые обещал поведать медсестре. Неожиданно воспоминания старой женщины прервал голос командира самолёта:

- Уважаемые дамы и господа, наш самолёт идёт на вынужденную посадку в ближайший аэропорт по пути следования. На борту находится пассажир в тяжёлом

состоянии, требуется немедленная госпитализация. Просим всех пристегнуть ремни.

В салонах началась сумятица, кто-то кричал, что опаздывает на свадьбу, и так, мол, на целые сутки задержали, подвыпившие мужики матерились, женщины сострадательно одобряли решение командира.

Раиса Петухова про себя сказала: «Молодцы, ребятки, не пропало ещё милосердие, знать, есть всё-таки Бог на свете и добрые люди среди нас».

Вскоре подошёл Жора и спросил:

- Как она?

- Жива, дышит.

- Вы сидите рядом с ней, пожалуйста, - попросил телохранитель, - я в другом ряду пристроюсь.

Старушка участливо кивнула головой. Раиса Владимировна догадывалась: с этими двумя людьми произошло что-то, о чём вслух не скажешь. И правда, иногда лучше смолчать.

Вот и она в ту ночь с Кириллом уговорилась, врачам не доложила... А на следующее дежурство притащила старые лабораторные весы с крошечными гирьками. Кирилл радовался, будто ребёнок, а потом дал ей первый урок по диагностике. Наверное, из-за большого любопытства или ради эксперимента Рая приняла его уроки за совершенно серьёзное дело. Для начала он попросил её внимательно прислушаться к его пульсу и определить, где в ритме происходил еле ощутимый сбой. Затем сказал, что этот сбой говорит о хроническом пиелонефрите. Она усомнилась, но новоиспечённый Раисин «учитель» попросил посмотреть его историю болезни и удостовериться. И он был прав. Потом заставил её слушать его пульс минут пятнадцать, указывая на определённый мерный удар, определяющий, как он сказал - неизлечимую любовную хворь.

Словом, по прошествии какого-то времени, при всем кажущемся безумии происходящего, она научилась чувствовать разницу в пульсах пациентов и видеть, как на картине, что с ними происходило и чем они болели. Радовалась, когда её диагнозы совпадали с диагнозами врачей, иногда даже настаивала на дополнительном осмотре, чтобы удостовериться в своей правоте, если диагнозы не совпадали.

История с профессором-астматиком, жившем в её коммуналке, была интересной. Люди считали - у него астма, а она точно знала - у профессора была аллергия на его собственную дочь. Да, вот такой удивительный диагноз она ему поставила, только никто о нём не знал, если бы сказала - засмеяли!

Но у профессора, на самом деле, всегда возникали приступы удушья после визита дочери. Возможно, дочь пользовалась особой парфюмерией, а может, её застарелая злоба, как энергетическая змея, обвивалась вокруг тонкой морщинистой шеи старика... Все знали - она была недобрая и неулыбчивая женщина.

Самолет пошёл на снижение, Раиса Владимировна Петухова напряглась и с ещё большим вниманием прислушалась к пульсу пассажирки. «Милая, главное, держись, - перепад давления пережить, затем посадку, а там доехать тебе до приёмного покоя, и всё будет хорошо».

Петухова сидела в неудобной позе, её морщинистые руки держали запястье умирающей. Старушка прикрыла глаза, внутренне собралась и стала глубоко дышать. По методу Кирилла она пыталась передать энергию этой женщине, с которой жизнь столкнула её в самолёте, что называется, в воздухе... Слабый пульс стал биться ровнее, а может, это ей показалось. Вспомнилось, как точно так же спасла

подругу своей соседки Дашеньки Белоцерковской, кажется, ту Людой звали...

«Ах, какая уж теперь девушка, ей, наверное, сейчас лет пятьдесят, как и этой бедной женщине, но всё равно - они для меня, восьмидесятилетней старухи - просто дети»...

Пилот первого класса Илья Махмудович плавно посадил самолет. Скорая помощь неслась по полю аэродрома. Снег хлопьями кружил в воздухе и ложился на землю. Замолкли моторы. Илья потер лоб: «Может, успели», - подумал он, встал и вышел из кабины.

По трапу уже бежали санитары с носилками. Вскоре, осторожно ступая, они выносили пассажирку из самолёта. Жора, забрав сумки, следовал за ними и, поравнявшись с пилотом, крепко пожал ему руку:

- Спасибо, капитан, спасибо, друг.
- Дай Бог, может, обойдётся, - ответил Илья.

Раиса Владимировна Петухова продолжала сидеть в кресле, в её ладони были зажаты купюры, что впопыхах сунул ей Жора на прощание, лепеча слова благодарности. Она была обессилена, казалось, даже ноги отнялись. Раиса Владимировна уже знала, что женщина будет жить.

Илья Махмудович распорядился, чтобы старушку оставили в бизнес-классе, принесли её вещи.

- И вообще, Лена, - сказал он стюардессе, - полное внимание бабушке, она очень помогла.

В течение всего полёта до Москвы он часто спрашивался о старой женщине, но ответ стюардессы был один: «Спит бабуля, перенервничала, отдыхает».

Глава пятая

ДЕНЬ СЮРПРИЗОВ И ОТКРОВЕНИЙ

В офисе крупнейшей дизайнерской компании Москвы раздался телефонный звонок. Секретарша бодро взяла трубку и обрадованным голосом ответила:

- Немедленно соединю, Илья Махмудович.

Переключив кнопки коммутатора, она сказала:

- Людмила Аркадьевна, ваш сын звонит!

- Илья, что случилось, я так волновалась! Как прошёл полёт? - Людмила Аркадьевна, президент компании, почти кричала в трубку.

- Мама, да не волнуйся, я в порядке, но рейс был... Знаешь, у меня такое в первый раз. Вынужденную посадку делали, у женщины инфаркт случился прямо в полёте, ей медсестра, старая женщина, помогала. Думаю, эту спасли, но старушку... Я, мама, не довёз её. Она умерла до Москвы, до посадки не дотянула. Я сейчас в аэропорту, врачей, милицию вызвали. Её звали Раиса Владимировна Петухова... Я просто в полном раздрае.

- Сынок... Как ты говоришь, её звали?
- Петухова, Раиса Владимировна, из Питера.
- Неужели...
- Что?

- Илья, сделай всё по-божески, по-людски, не бросай её. А то просто в морг увезут, и дело с концом. Найди её родных, сделай всё, слышишь, сделай всё!
- Мам, ты что так разволновалась, успокойся, всё под контролем.
- Нет, нет, сынок, ты не понимаешь, я... я думаю... это та женщина, что... что... спасла тебя, когда ты ещё не родился. Она и меня спасла... Ох... Неисповедимы пути Господни. Илья, я потом тебе расскажу, но сейчас поклянись мне, сынок, что ты не бросишь эту женщину, ты найдёшь её родственников, ты...
- Мама, мама, я всё сделаю, я не всё понял, но если это для тебя так важно...
- Сынок, это и для тебя важно... по жизни... по пониманию жизни в целом...важно.
- Хорошо, я позвоню позже.

Людмила Аркадьевна положила трубку и откинулась в большом кожаном кресле. Дни молодости затрепетали, как птичья стая, взволновали зыбь забытых лет. «Боже ты мой, тот день был порогом, переступив который, она сама избрала свою судьбу. Как же там было? С чего началось? Да, с моего прихода к Даше»...

И то утро начало раскручиваться в памяти - как в кино... В том фильме юности одну героиню звали Дашей, а другую - Люськой, в то время никто ещё не величал её Людмилой Аркадьевной...

Итак, кадр первый. Кухня питерской коммунальной квартиры... И...

* * *

В коридоре надрывно дребезжал охрипший от времени звонок. Два коротких, три длинных - отскакивали от стен и дверей с неуёмной настырностью, повторяясь снова и снова. «Кого чёрт несёт в такую рань?» - подумала Даша, едва успев снять кипящий чайник с газовой плиты. Краем уха она услышала шаркающие шаги Изольды Вениаминовны из двадцатой квартиры. Крошечная старушка шастала в огромных шлёпанцах со скоростью света и первой всегда успевала к входной двери, чтоб открыть, увидеть, а потом всему миру рассказать - кто пришёл и к кому.

- Да-а-шень-ка! Это к ва-а-ам, - низкий, глубокий голос Изольды (и как он мог рождаться в таком хрупком теле?) - пронёсся по всему длинному коридору, устремляясь в открытую дверь кухни навстречу кривой усмешке, исказившей Дашино лицо.

«Люська! Припёрлась ни свет, ни заря!», - промелькнуло в голове. И точно - Люськины каблуки вприпрыжку цокали по половицам коридора, вместе со словами: «Здрсьте, здрсьте, Изолиминовна, а?... на кухне?! Спасибочки». Она влетела на кухню, вскидывая гриву светлых волос и показывая стройные, в меру накачаннные ноги в разрезах юбки в обтяжку. В руках Людмила крепко держала огромный пакет.

- Дашенька, душка, ты себе не представляешь, ты себе не представляешь, что мне Махмуд из Парижа привёз! Смотри, - и на стол всером посыпались разноцветные шмотки.

- От самого, хм..., - пыталась она прочесть лэйблы на платье и кофточке.

Даша молча наблюдала за её суетой.

- Да хрен с ними, короче, от самых-пресамых, прямо от-ту-да! - со стоном Люська повалилась на табуретку под натиском обуревавших эмоций.

- Успокойся, а то инфаркт схватишь, - с упрёком сказала Даша, - всю коммуналку на ноги подняла, ещё только восемь утра, хоть бы о других подумала.

- Ой, Дашка, извини, что-то я и правда не догнала, хотя, наверняка, половина вашего племени уже на работе, а остальная в школе или на дачах, - пробормотала Люська, украдкой поглядывая на золотые часики, стягивающие её левое запястье.

- Чай с бутербродами будешь? - миролюбиво спросила подруга.
- Буду, - ответила Люся и неожиданно захлюпала носом.
- Ты чего? Что случилось? - встрепенулась Даша.
- Господи, какая же я несчастная, - всхлипывала Людка. - Он мне замуж предложил, а я отказалась.

- Почему? Вы же любите друг друга, столько уже натерпелись, ты говорила, что его родители, вроде, согласились!

- Согласились-то они согласились, только законы у них... Я по ним жить не смогу. Понимаешь, если вдруг мы разлюбим друг друга, разведёмся, а у нас будут дети - он по чеченским законам детей к себе заберёт, ни один суд не поможет, не отсудишь: в лучшем случае мне разрешат их иногда видеть. Я этого не переживу, - говорила Люська, утирая слёзы.

- Нашла, от чего реветь, - что может быть, когда-нибудь, возможно будет! А, может, не будет! Может, вы никогда не разведётесь, до могилы вместе доживёте? - начиная злиться, заворчала Даша. - Стенаешь о детях, которых не родила, и их ещё никто у тебя не отобрал. Напридумывала, сама не знаешь что... Ешь, давай, небось, от бурной ночи кишки к хребту прилипли.

- Точно, есть хочется страшно, - откусывая бутерброд с колбасой, сказала Люська.

Какое-то время подруги молча ели, отодвинув на край стола вдруг сразу забытые тряпки. Потом Даша потянула за стыдливо свисающую бретельку, и из кучи выскользнуло платье из необычайно тонкой ткани.

- Интересно, сколько же это стоит? Я такое платье за полчаса сшить смогу. Мешок и две бретельки, только и делов-то. Лэйбл на барахолке купить и пришепнуть...

- Угу, - ответила подруга, - полторы тысячи долларов, он сам мне сказал.

- Что-о-о?!!

- Люська, давай бизнес сделаем, нашлёпаем таких платьев и на барахолку снесем, за полсотни баксов - точно сбагрим.

- Да когда ты этим заниматься будешь, тебе на практику в Сибирь скоро ехать. Тоже мне - бизнесменша нашлась... Дочка интеллигентов - на толкучке! Твоего папочку сразу же на партсобрании разбирать начнут, скажут - дочь ветерана войны продажей на блошиннике занимается, из института вылетишь в два счёта, комсомолка-отличница. Потенциальная валютчица! Со смеху умереть-не-встать! Ори-ги-наль-но-е мышление! Да тебя за одни такие разговоры упекут. Думать надо! Лучше расскажи, как твои дела с Алёшкой продвигаются.

- Ну, ничего сказать тебе нельзя, сразу на рожон лезешь. Я же только идею высказала, в прин-ци-пе! Я всё прекрасно понимаю, и ни на каком блошиннике ты меня никогда не увидишь. А насчет Алёшки..., - Даша задумалась на одно мгновение. - Знаешь, Люсь, а всё на самом деле очень хорошо: я влюблена, ну просто на крыльях летаю. Единственное, что расстраивает: на практику вместе не поедем, его на Дальний Восток отправляют. Но ничего не поделаешь, как-нибудь переживем.

- А с распределением что? Ничего не смогли сделать? - с тревогой спросила Люся.

- Нет, не получилось, но я думаю: полгода-год поработаем, а потом что-нибудь придумаем, может, я к нему поеду... Что?... - внезапно остановилась Дарья, глядя на вытаращенные глаза подруги, в которых стояло изумление и вопрос. Она обернулась и узрела в дверях необыкновенное создание, напоминающее жар-птицу, в ореоле

лучей утреннего солнца.

- Доброе утро, девушки! - певуче прозвенел голос, под куполом интонаций которого зашелестел шёпот:

- Люська, закрой рот и не таращи глаза, это - Гюльзада-ханум, она с тремя детьми к Егору Борисовичу вчера вечером приехала, в тринадцатую, из Намангана. Её муж вместе с ним в аспирантуре учился. Она хочет своим пацанам Ленинград показать, - вышептала на одном дыхании Даша.

- А-а-а..., - только и протянула Людмила.

Гюльзада была одета в яркое, восточной расцветки платье, из-под подола виднелись шальвары, на шее висело золотое монисто, руки унизаны перстнями, на запястьях позванивали браслеты, подвязанный назад платок подчёркивал насурьмлённые брови, соединённые на переносице, и прекрасные газельи глаза. В ожидании ответа на своё приветствие, женщина нерешительно топталась на месте.

- Доброе утро, Гюльзада-ханум, - наконец-то сказала Даша.

- Здравсьте, ха-а-нум, - пролепетала в смущении Люська.

Жар-птица сделала несколько шагов вперёд и остановилась. Она оказалась в огромной коммунальной кухне, по периметру которой стояли двадцать разномастных столов и столиков, холодильников и холодильничков, шкафов и «шкапчиков», с газовыми плитами и электроплитами, с трехногими и четвероногими табуретками, с расписными разделочными досками и досточками, чайниками, самоварами, кастрюлями, плоскими тарелками...

Даша едва успела её подхватить.

- Что, голова кругом пошла? Не помните, где Егора Борисыча стол находится? - с участием спросила Дарья побледневшую женщину.

- Да, ... я плов хочу приготовить, рис перебрать надо, - приходя в себя, сказала Гюльзада.

- Присаживайтесь к нашему столу, чай попейте, с нами поболтайте, а стол Борисыча вот тот, что в дальнем углу. Мы с Людмилой, моей подружкой - ой, познакомьтесь, пожалуйста! - поможем вам и рис перебрать, - говорила Даша, подводя её к выдвинутой Люсей табуретке. Обе девушки спешно и споро впихнули вещи обратно в пакет, поставили ещё одну чашку и налили чай госте. Она отхлебнула, попробовала на вкус и деловито сказала:

- Дайте-ка я заварю вам по-настоящему чай. Где у тебя заварка, Даша? И ещё кипятилок нужен.

Дарья мгновенно открыла створки навесного шкафа и достала пачку чая, бросилась ставить чайник на плиту, но Гюльзада остановила её.

- Вылей воду и поставь свежей, кипятилок должен быть «живой», если дважды вскипятишь воду, такая вода считается на Востоке «мёртвой» и чай заваривать нельзя.

- Ой, как интересно, - защebetала Люда, - а чай вы завариваете тоже по-особому?

- Да, прежде всего надо заварочный чайник обдать кипятком изнутри, потом заварку положить и залить кипятком, дать постоять чуть-чуть, отлить в пиалу или в кружку немного заварки, влить обратно в чайничек и так сделать три раза, то есть «поженить» чай, - рассказывая, Жар-птица одновременно колдовала над чаем, аромат которого постепенно заполнял кухню.

Наконец, все утомонились и мирно стали отхлебывать чай, закусывая бутербродами.

- Такое ощущение, что я вас, девочки, прервала в момент важного разговора, вы

уж простите меня, - проговорила Гюльзада.

- Да нет, мы просто болтали о разных разностях, - успокоила её Люська.-

Впрочем, Гюльзада-ханум, мы в самом деле обсуждали кое-какие, м-м-м... бабские дела, - с укором взглянула на подругу Даша.

- Бабские, женские дела..., - почти пропела ханум, - я тоже на эти темы хочу поговорить, постойте, сейчас свою секретную книгу принесу, а затем вас спрошу про то, что меня заботит.

Тут Гюльзада резко выбежала из кухни и через некоторое время вернулась с объёмной книгой, тщательно обёрнутой газетой «Правда», и будничным голосом сказала:

- С тех пор как я познакомилась со своим гинекологом, я много думала, в чём же разница между обрезанными и необрезанными мужчинами, и насколько они разные в постели.

Брызги чая с крошками от бутерброда разлетелись в разные стороны от поперхнувшейся и закашлявшейся Люськи, мгновенно побагровевшей от такого неожиданного вопроса, что исходил от восточной женщины. В тот же момент Даша, с грохотом опрокинув свою чашку с горячим чаем со стола на оголившиеся колени, в распахнувшемся халатике, громко охнула, и быстро-быстро стала растирать ошпаренные места.

Опешив от неожиданной реакции девушек, Гюльзада переводила взгляд с одной на другую и не знала, как реагировать на происшедшее.

Наконец, Даша, справившись с конфузом и всё ещё трогая покрасневшие колени, спросила:

- Что вы имели в виду?

- Ну, разницу... Я в этой книге кое-какие факты прочитала, но... У нас говорят, русские девушки до свадьбы живут с парнями, вот я и спросила, может, опыта у вас хватает ответить на мой вопрос.

- Это уж слишком! Наши девушки разные, у каждой по-своему судьба складывается, не надо под одну гребёнку нас всех чесать! - с негодованием вставила Люська.

- Я ж обидеть никого не хотела, - пробормотала Жар-птица.

- Я и Людмила, мы по любви со своими встречаемся, у меня мой Алеша - первый, и у неё, - Даша кивнула на подругу, - Махмуд первый и...

- Е-дин-ствен-ный, - закончила за неё Люська.

- Так что мы... сравнительный анализ не сможем для вас провести, - добавила Даша.

- Что ж сравнивать-то, хочешь узнать - сама попробуй, - словно гром с неба прозвучал голос Изольды Вениаминовны, чудом очутившейся на кухне. Она сверлила Гюльзаду-ханум многоопытным взглядом.

В голове у Даши пронеслось: «Кошмар какой-то, теперь вся коммуналка будет знать об этом разговоре, на всю жизнь вопросов хватит. Боже праведный, как же я её шлепанцы не услышала?»

Гюльзада покраснела до корней волос как человек, которого застукали обнажённым перед толпой народа.

Люська внезапно ретировалась в туалет. Спотыкаясь, буквально влетела в уборную и с размаху захлопнула дверь. Она задыхалась от переполнявших её эмоций и новизны впечатлений.

Туалет коммуналки напоминал выставку из времен авангардного искусства. Двадцать седушек развешаны по всем стенам на гвоздях разного калибра. Одни обшиты остатками ватных или солдатских одеял, другие стандартно-сиротливые на вид, третьи с облупившейся старой краской.

«Блин, какой же из них Дашкин, деревянный или пластмассовый, нет, по-моему, они не покупали новый, значит, должен быть... Ага, наша». Но седунок ей не понадобился, приступ тошноты вывернул её наизнанку. «Боже, хоть бы это было от несуразных разговоров за чаепитием, а не токсикоз», - мелькнула мысль.

В дверь нетерпеливо постучали раз, другой, Люська справилась с очередным приступом рвоты и спешно рванула дверь. Она столкнулась с очередной жертвой утреннего позыва физиологии и с ужасом обнаружила, что очередь к туалету вилась на полкоридора, параллельно с вереницей к ванной. На дверях ванной кнопками было приколото расписание умываний по десять минут на каждого жильца коммуналки и семейных банных дней.

«Хорошо, что у нас с матерью своя хоть и однокомнатная, но отдельная квартира», - подумала Люська.

В это время в кухне, страшным шёпотом и с озарёнными озорством глазами, Изольда повествовала о былых подвигах. «День сюрпризов и откровений» ознаменовался выплеском воспоминаний Вениаминовны, которые повергли слушающих в полное изумление. Изольда поведала:

- В сорок пятом я оставалась фронтовой женой нашего полковника, он меня любил, но я понимала, что мой «суженый-ряженный» не мною повязан, всё равно уедет к своей семье, к жене и двум детям. В тот день, когда он уезжал, я поклялась себе - больше никаких мужчин мне не надо. Но, прохаживаясь по Берлину, набрела на пивной бар и зашла. Я ведь переводчицей была на фронте, тремя иностранными языками владею: французским, немецким и английским. Так что... работы мне всегда хватало.

- И вот сижуя в баре, потягиваю пиво, - мечтательно закатывала глаза Изольда, - вдруг вваливают американские солдаты... Как уж они на нашу сторону попали, не могу гадать - не знаю, а между ними чёрненький, симпатичный такой, мне-то было внове живьём таких видеть, и... Непонятно с какого беса я ему подмигнула, вскоре он ко мне подсел, разговорились, парень счастлив был поболтать на английском.

Провела я с ним ночь. И что могу вам сказать? Полковник мой в постели был что тот тигр, любовью занимался каждый раз как в последний, оно и понятно: на фронте никогда не знали, живы ли будем к рассвету, а этот - словно... пума. Сравнивать даже нельзя. Сама себе удивлялась, что оба для меня дороги стали... Своего греха после этой ночной авантюры потом столько лет не могла забыть.

Взяли меня на следующий же вечер, «поисповедывали» с пристрастием и по этапу в лагерь сослали. Через девять месяцев в лазарете я чёрного ребёночка родила, да мне его только показали и сразу унесли, больше я его не видела, хоть и упрашивала. Сказали - от народного позора меня спасли.

После лагерей я попыталась его найти, но без толку. А не так давно услышала, что негрятяток, рождённых в Союзе, частенько в специальные интернаты определяли, учили их, воспитывали, затем в спецучреждения отправляли, на агентов готовили. Может... Он где-нибудь сейчас и работает...

Переведа дух, Изольда продолжила:

- Солдатик тот, американский, был на редкость ласковый и внимательный, после всех объятий - спасибо сказал, предлагал с ним уехать, но я не согласилась... Так оно

и есть - пока не попробуешь, ничего не узнаешь, это я тебе, Гюльзада, точно говорю.

Даша сидела с открытым ртом, не стесняясь. В голове всё перепуталось, в конце концов её отношение ко всему услышанному оформилось в ясную мысль: «Врёт, старая! На ходу, наверное, насочиняла – просто уму непостижимо... Или это правда?

Нет, врёт, я в книжках о таком не читала и ни разу не слышала. Ей, наверное, двести восемьдесят лет в обед стукнет, а туда же с любовными приключениями...

Но Гюльзада - узбечка, воспитанная по восточным законам, и вдруг ищет ответ на такой странный вопрос?! Впрочем, о таких откровениях все мы будем молчать, как рыбы...»

Пытаясь перевести разговор в другую плоскость, Даша обратилась к совершенно смущённой Гюльзаде:

- А вы когда замуж вышли?

- Замуж... я... в тринадцать лет меня выдали, - пробормотала Гюльзада-ханум.

- В тринадцать? Так рано? - вскричала Изольда.

- Может, у них в Узбекистане так по законам положено, - веско сказала Люська, уже успевшая незаметно присоединиться к компании.

С затаённой тоской, еле-еле ощутимой в певучем голосе, Гюльзада начала рассказывать:

«В моей семье было шесть сестёр и два брата. У родителей - большой дом и огромный фруктовый сад, в который я любила убежать по весне и собирать опавшие цветы с деревьев и на земле складывать из них узоры, а ещё наблюдать, как персики наливались соком и поспевал виноград.

Я только закончила начальную школу, когда отец решил, что я должна помогать по дому, потому как настоящей женщине-узбечке образование ни к чему. Я и сама знала - хороший калым дают только за чистых девушек, то есть непорочных и не извращённых никакими знаниями. Те девушки, которые стремились идти в ногу со временем, заканчивали школы, уезжали в другие города, поступали в институты, но они понимали - за богатого узбека им замуж не выйти, хорошего калыма их отцам не видать. Столько драм и трагедий случилось! Если родственники или знакомые успевали девушку поймать, то после её запирали на долгое время и заставляли тяжело работать.

Может, не везде так было. Но когда мне исполнилось двенадцать с половиной лет, отец нашёл мне будущего мужа и уже успел стовориться с его родителями. Приговаривал, что я буду богата и замужем за учёным человеком.

Свадьбу назначили через полгода. Вся семья готовилась к свадьбе, приданое собирали в три огромных сундука. В последнюю ночь перед свадьбой в комнатах развешивали ковры, мои новые платья, стопками укладывали одеяла, подушки. Посуду красиво выложили на отдельном столе, вместе с хрусталём. В шкатулке аккуратно разложили золотые кольца, браслеты, серьги, цепочки...

До рассвета я не спала. С самого утра по всей округе распространялся запах свежесвепеченных лепёшек и плова. Я чувствовала себя резиновой куклой, на которую надевали свадебную одежду, сурьмили брови... От женщин я слышала, что моё приданое понравилось.

Наконец, меня повели в комнату, в которой лежала груда одеял и корпёшек разного размера - это такие стёганые покрывала или коврики, которые по традиции входили в приданое невесты. За занавеской подавали чай старейшинам, и до моего слуха доносились их неспешные разговоры, слабый старческий смех.

Я дрожала от страха, еле сдерживая слёзы. Внезапно будто вихрь пронёсся по комнате. Занавеси всколыхнулись, в просвете мелькнули седобородые лица и чей-то беззубый, смеющийся рот. В то же мгновение передо мной оказался симпатичный мужчина с улыбающимися глазами и чёткой нитью чёрных усов.

И я почувствовала, как барахтаюсь на одеялах и упорно пинаю его ичигами. Кто-то из стариков постоянно спрашивал: «Ну, что? Всё нормально? Исполнил ли молодой муж свой долг или ещё нет?!»

Я борюсь изо всех сил, но... он сильнее. Ощущение присутствия других мужчин было осязаемо настолько, что казалось, будто они окружают меня со всех сторон: руку протяни и коснёшься... Прошло несколько минут. И всё... дело сделано... Он ласково потрепал меня по волосам, объявил своей женой, вырвал простыню из-под меня и с торжествующим криком вышел к старикам.

- Ужас какой-то! - возмущённо вскрикнула Люська. - Что это за средневековые обычаи!? Ни знакомства тебе, ни романтической любви...

От всех этих утренних рассказов у неё зашумело в голове.

- Ну какая романтика? Я его даже не разглядела толком...

В кухне повисло молчание, то удивительное «женское молчание», в котором и сочувствие, и понимание, и благодарность всем святым, что это не с ними произошло, а с ней, с той, другой... с Жар-птицей.

Наконец, Изольда спросила:

- А что было потом?

- Три дня гуляло всё село... Через девять месяцев я родила первого сына... Муж мой оказался строгим, послушаться я его не смела... Вот так и живу...

Неожиданно для всех раздался голос медсестры Петуховой. Раиса Владимировна забежала на кухню перед уходом в психиатричку, где она работала, захватить пару бутербродов на обед и, увидев нахмуренные лица женщин, спросила:

- Вы чего ж такие грустные с утра? О чём диспуты?

- Да знаешь, Раечка, с утра байки страшные друг дружке рассказываем, - с усмешкой ответила Изольда Вениаминовна.

- С утра надо пионерскую зорьку слушать и песни петь, чтоб легче жилось. С добрым утром, советские труженицы, студентки и пенсионерки! - рассмеялась Петухова.

В этот момент Люська покачнулась и грохнулась с табуретки на пол. Раечка Петухова бросилась к ней. В неудобной позе Люська распласталась на полу. На её бледном лице резко проступили круги под глазами.

- Обморок! Дайте холодной воды. Даша, беги за нашатырём, бутылочка стоит в тумбочке на первой полке, там, у входной двери. Быстрее!

Петухова хлопотала возле девушки, брызгала в лицо водой, затем начала проверять пульс. Дарья прибежала с пузырьком и куском ваты. Кухня наполнилась запахом нашатырного спирта. Наконец, Люська очнулась.

- Тихо, тихо... полежи чуть-чуть. Сейчас мы тебя поднимем и положим. Даша, у тебя дома есть кто? - спросила Раиса Владимировна соседку.

- Нет, все на даче.

- Тогда давай в вашу комнату ее отведем...

Вдвоём они осторожно приподняли Люську, сняли с неё туфли и медленно потащили из кухни по длинному коридору в комнату Белоцерковских.

Изольда и Гюльзада молча, со страхом в глазах наблюдая за происходящим.

На Дашином диванчике лежала Люська. По её щекам текли слёзы. Внезапно она

скорчилась от приступа боли, потом ещё раз и ещё раз, заскрипела зубами... Петухова увидела, как красная струйка потекла между Люськиных ног.

- Я так и думала, - констатировала Раиса Владимировна.

- Что? Что? - повторяла испуганная Даша.

- Даша, она беременна, я по пульсу определила ещё на кухне, но, похоже, у неё выкидыш. Ну-ка, отойди и не мешай...

Медсестра Петухова крепко сжала руку Люськи, сосредоточилась и глубоко задышала. А у Даши дыхание спёрло, ей показалось, что волосы на голове у неё зашевелились, пространство вокруг стало сворачиваться, и глаза Петуховой загорелись огнём.

Прошло несколько минут, Люська успокоилась, перестала стонать. Петухова со вздохом сказала:

- Всё будет в порядке, вызывай скорую помощь, да никому не говори, что с ней. Это её личное дело. Молчи...

- Конечно, конечно, Раиса Владимировна, спасибо, спасибо, за понимание... я не скажу, только её Махмуду, наверное, позвонить надо. Как вы думаете?

- Людочка сама решит, - твёрдо сказала Раиса Владимировна.

- А соседкам как сказать? Всё равно спрашивать будут.

- Я сама скажу, что у девушки сердечная недостаточность, и всё... Как считаешь, поверят мне?

- Да что вы, Раиса Владимировна, ваше слово никто под сомнение не поставит.

- Значит, договорились. Ну, иди звони. А я ещё здесь посижу.

Даша вернулась в комнату и тоже присела на стул в ожидании неотложки.

- Кстати, Дашенька, я у тебя книгу хотела попросить, «Мифы Древней Греции», моему младшему для школы надо. Может, у вас в библиотеке есть? - спросила Петухова.

- Да, да, папа мне на день рождения как раз подарил, вон на полке стоит, - Даша поднялась, сняла книгу и протянула Раисе Владимировне.

- Спасибо, Даша... Больше сидеть не могу, надо на дежурство, уже опаздываю. Ты не беспокойся, с ней всё будет нормально. Видишь, щёчки порозовели.

- Спасибо вам, - шёпотом сказала Люська.

- Береги себя, девочка. Всё в жизни сладится.

С тем Петухова и вышла из комнаты.

- Ой, Дашенька, что же будет, что будет? - сглатывая слёзы, шептала Люська.

- Всё хорошо будет, верь мне, всё будет хорошо...

- Знаешь, а соседка твоя, словно знахарка, сделала что-то, - будто силы в меня влила, и боль сразу прошла, и на душе легче стало.

- Она может... Говорят, она разные тайные методы знает, диагнозы может ставить по пульсу и по зрачкам, - отвечала Даша.

- Надо же, ушла с книжкой мифов, как ни в чём не бывало. Мистика какая-то. От её руки такой мощный жар шёл, просто невероятно.

Лента воспоминаний Людмилы Аркадьевны остановилась на стоп-кадре, в котором она увидела себя, лежащую на больничной койке, и Махмуда, целующего её руки:

- Я люблю тебя, люблю, и у меня будет сын. Знаешь, давай его назовем Ильёй. Согласна?

- Согласна. А если... девочка?

- Сын будет. Я знаю.

Странно, подумала Людмила Аркадьевна, но жизнь развернулась так, что Петухова никогда нашего с Махмудом сына и не видела, только слышала о моём замужестве, о рождении Ильи и переезде нашей семьи в Москву... И с Дашей пути-дороги разошлись, много-много лет о ней ничего не слышала. Надо будет Гюльзадеханум в Питер позвонить, может, та знает что-нибудь о Дарье. Невероятно, но лучшей подруги юности в моей жизни как будто и не было, а вот Жар-птица осталась. Иногда встречаемся, перезваниваемся...

Глава шестая

ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

Неожиданно Людмилу Аркадьевну осенило: Гюльзада может помочь Илье найти родственников Петуховой. Людмила в спешке стала перебирать книжку с визитками. «Ах, ну где же карточка?» Жар-птица открыла в Питере самый лучший ресторан узбекской кухни - заказывать столик надо за неделю. Гюльзадаханум сбежала-таки от своего мужа к Егору Борисовичу. Что уж там получилось, никто до конца не знает. Возможно, толчком послужила трагедия с её младшей сестрой...

Девочку выдали замуж, и каждый год она рожала дочерей. Шесть девиц в доме, а муж ждал мальчика. В седьмой раз сестра Гюльзады забеременела, и когда наступил срок родов, муж отвёз женщину в областную больницу, сам вернулся в деревню, собрал дочек, посадил в машину и отправился обратно в область. Когда ему объявили о рождении очередной девочки - он плакал, а жена не хотела уходить с ребёнком из больницы, кричала, что муж их убьёт. Наверное, чувствовала... По дороге домой, переезжая дамбу, муж направил машину с моста прямо в реку. Всех порешил одним махом: себя, жену и семерых дочерей - одной из них было лишь семь дней от роду... Гюльзада рассказывала о страшных похоронах и разговорах стариков, что не выдержал муж её сестры такого «позора»...

О, Боже! Вспоминаю, и ужас по спине холодком пробирает... В современном понимании ему просто нужна была психотерапия. Всего-то навсего у него был послеродовой мужской стресс.

Впрочем, я же знаю, что это такое, когда реальная жизнь сталкивается с национальными традициями, и как трудно человеку выстоять. Разве я не столкнулась с этим?!

Столкнулась? Не то слово. Жизнь с Махмудом не была простой. Согласие его родителей на наш брак было лишь любезной видимостью. Скорей всего, они считали, не стоит перечить сыну, потому как заранее знали: время и семейные традиции расставят все точки над «и»... Это вскоре и произошло.

Как только Махмуд стал мужем, тут же взыграли взращённые с детства понятия о роли мужчины в доме. Никогда не забуду, как он потребовал, чтобы я надела платок на голову, когда его мать приехала к нам в Москву повидать Илью, её первого внука. Сквозь зубы здоровалась со мной по утрам, почти не разговаривала, только Махмуду всё нашептывала, как я неправильно веду хозяйство и его самого не так привечаю.

Сколько раз он ездил в Чечню, она всё ему невест искала, в дом на смотрины приводила, хотя за несколько лет у нас уже появилось трое детей.

Я не выдержала. Разошлись мы с Махмудом, прожив десять лет. Он забрал детей,

так по чеченскому закону положено - и увёз в Чечню...

Больше трёх лет не видела сыновей и дочку - думала, сойду с ума... Телефон на главпочтамте, на улице Горького, был единственной ниточкой между мной и детьми. Годы шли... Дети выросли, теперь сами звонят и приходят в гости. Благо, Махмуд, женившись во второй раз на молодой чеченке, вернулся в Москву.

Гюльзаду и её сестер хоть силком замуж выдали, а я-то ведь сама свой выбор сделала. Любовь... Сколько слёз пролила. Да уж...

А Гюльзада-ханум и Егор Борисович уже лет двадцать вместе. Какое-то время они обитали в той же самой коммуналке, где жили Раиса Владимировна Петухова и моя подруга Даша. Егор Борисович - известный учёный, по симпозиумам ездит, лекции за границей читает. Гюльзада ему дочку родила. Помню, как она сказала, что впервые не боялась и не загадывала - кто родится. Не продолжателя рода ожидала, а желанного ребёнка от большой любви. А Гюльзада давно уже бабушка, сыновья от первого брака обзавелись семьями рано и у каждого много детей...

Людмила Аркадьевна продолжала открывать старые книжки для визиток, перелистывать страницу за страницей. Пластиковые кармашки с двух сторон были забиты карточками.

«Книжки с визитками напоминают альбом со старыми фотографиями, только лица не запечатлены на бумаге. Прочитаешь имя, и всплывает целая цепочка событий», - думала Людмила Аркадьевна.

«Вот, например, как можно дать ребёнку такое имя?! Харон! Харон Ибрагимович! Преуспевающий бизнесмен, на самом деле торговец оружием, бывший приятель Махмуда. Официально занимается французской парфюмерией.

Живёт в Европе, в Москве бывает редко, наездами. Был до дрожи влюблён в Дарью, но она его к себе не подпускала. Он тяжело страдал, узнав о Дашиной связи с Алексеем.

Иногда мы все собирались вместе по праздникам или на чей-нибудь день рождения, и я замечала дьявольский блеск в Хароновых глазах, устремлённых на подругу.

В день моей свадьбы он и Алексей жестоко подрались, еле-еле сумели их разнять. У обоих - лица в кровь разбиты. Дарья была в ярости. По-моему, она не только ненавидела Харона, но и презирала.

Однако, жизнь - штука непредсказуемая. Алёша уехал на Дальний Восток по распределению и перестал писать и звонить Дарье. Почему?! До сих пор не знаю, что произошло между Алёшкой и подругой.

Даша - та была гордячка, первой не набивалась. Сначала терпеливо ждала, а однажды сгоряча укатила с Хароном на двое суток... Ну, да, именно с Хароном. Крушить вдребезги свою любовь к Алексею».

От неожиданной мысли женщина поежилась: «Боже мой! Какая странная ассоциация... Мой Илья по стечению обстоятельств оказался тоже в роли «Харона», перевозчика душ умерших... Для той, которая способствовала его появлению на свет.

А разве я знала имя врача, что мне дал возможность родиться на белый свет? Нет. Все мы, люди - единое целое, связаны друг с другом невидимыми нитями. Не уступил незнакомому старику место в метро или чертыхнулся в его сторону, - живём в суете и раздражении! - а на самом деле, может быть, отнёсся по-хамски к человеку, который когда-то спас твоего отца от смерти или выручил мать в тяжёлую

минуту.

И наоборот: льстим, преклоняемся перед тем, чьи родные, возможно, на крутом повороте судьбы предали твоих близких, просто мы об этом не знаем...

Вот она, наконец, и визитка Гюльзады! Главное, чтобы та была на работе»...

Людмила Аркадьевна тяжело поднялась с кресла. Её грузное тело и варикозные ноги еле слушались. «Старость неизбежна, - только когда молод, об этом не думаешь. Красота с годами линяет, вянет в потоке дней. Пока в расцвете лет - тебя учат, как жить, добиваться успеха, но никто не учит уметь стареть. Все стыдливо молчат. Каждый справляется, как умеет. Тоскливо. Ох, тоскливо».

Невольно мысли о смерти с необъяснимым суеверным холодком пронеслись в сознании. Она подошла к окну и стала набирать номер Гюльзады. Гудки шли за гудками, наконец Людмила Аркадьевна услышала запыхавшийся голос Жар-птицы.

- Алло, Гюльзада-ханум, это Людмила из Москвы, да, да... Ну, как вы поживаете, всё ли в порядке? Как здоровье?

Её лицо осветилось тем внутренним светом, появляющимся, когда получаешь весточку о тех, кого давно не видел, но любишь. Знаешь, по крайней мере, что они существуют где-то рядом.

- И слава Богу, главное в нашем возрасте - здоровье, - продолжала она. - Как Егор Борисович?... На симпозиуме в Риме?

Лёгкая улыбка тронула её губы:

- Да, я очень рада его успехам, недавно прочитала огромную статью о его исследованиях. И поверь мне, при случае всегда говорю, что знаю вас обоих лично. Этакое детское хвастовство на старости лет, а почему бы и нет?! Как мои дела? Да всё идёт по-старому... Ой, батюшки, неужели и про меня заметку читали...

Она расхохоталась, потом нахмурила брови и потускневшим голосом продолжила:
- Гюльзада-ханум, я вообще-то беспокою вас по очень... важному делу. Мне нужна ваша помощь. Помните, в коммунальной квартире, где Борис Егорович жил, была медсестра Раиса Владимировна? Да, да, значит, помните... Так вы знаете, она... она умерла, прямо в самолёте... у Ильи, да... Перед смертью какой-то женщине помогла... Илья вынужденную посадку сделал, чтоб женщину спасти и отправить в больницу. Но сама Петухова до Москвы не долетела... Что? Она и Бориса Егоровича от инфаркта спасла! Боже, какая... была женщина! Помните, я при нашей первой встрече в обморок упала?... Я ведь тогда с Ильёй в положении ходила, так она мне его сохранила... Да, вот такое переплетение судеб... Я вам очень благодарна. Значит, вы прямо сейчас и поедете? Спасибо, спасибо, я вам продиктую номер телефона Ильи, он всеми ритуальными делами здесь занимается. И, пожалуйста, держите меня в курсе. Да, и передавайте большой привет Борису Егоровичу. Да... Да... До свидания.

У неё запершило в горле. Отключив мобильник, женщина разрыдалась. Она не стала себя сдерживать, в этот момент Люська - Людмила Аркадьевна оплакивала молодость, несбывшиеся мечты и всех тех, кого уже не было на этом свете. Горевала, что можно умереть в самолёте, а не в своей постели, без родных и любимых. .. Она чётко представила себе лицо Петуховой и... Махмуда.

Людмила не вытирала слёз, а слизывала их с опухших, с упрямым изгибом губ.

Наступило как бы болезненное облегчение от горечи прошлой жизни. «Любовь и смерть, и... смерть любви», - подумала она.

Внезапно, именно сейчас, сердце Людмилы Аркадьевны ощутило облегчение, как будто потоки слёз смыли все наваждения и ошибки молодости. А горечь её слёз не обожгла, не разбередила старые раны, а скатилась в тихую гавань Прощения, где на приколе стояли с опущенными алыми и белыми парусами яхты её бывших надежд и мечтаний, где на палубах колыхались тени людей, чьи лики сохранились в её памяти и кто был давно ею прощён.

Невидимый флёр приподнялся, взметнулся, и она увидела, что и Махмуд тоже занял своё место среди этой когорты...

«Вот и всё. Ах, Раечка Владимировна, спасибо... Своим уходом расплавила такую боль. Светлая твоя душа, наверное, и не ведает, в чём помогла мне, грешной.»

Она медленно отошла от окна, вышла на середину уютного офиса и, глядя на своё отражение в зеркальной стенке книжных полок, приподнялась на носках. Еле держась на цыпочках - благо её туфли на низком каблуке были достаточно мягкими, - попыталась сделать пару шажков.

«Давно я не вставала на каблуки, уже и не помню, когда это было в последний раз. Расползлась, вес никак не могу сбросить. А что если сделать... липосакцию или как её там называют. В общем, как пылесосом высосать весь жирок, подтянуть лицо и... начать абсолютно новую жизнь. Кто знает, сколько времени мне Господом отпущено, так, по крайней мере, выглядеть прилично»...

Опустившись на полную ступню, Людмила подошла ближе к полкам и стала внимательно рассматривать лицо. Указательным пальцем правой руки легко прикоснулась к морщинам на нижних веках.

«Глубокие», - сказала вслух и решила, что если хорошо подумать, то она, пожалуй, вспомнит, когда и почему каждая из них появилась...

Неожиданно дверь распахнулась, и в комнату вихрем влетела дочь Светлана. За ней шёл её сокурсник по университету Борис.

- Мама! Мы получили!

- Здравствуйте, Людмила Аркадьевна, - попытался вставить фразу Борис, но Светлана, перебив его, продолжала с неумным восторгом:

- Мы выиграли с Борькой! После окончания едем на стажировку в Гарвард! Ты представляешь?! Представляешь?! Да после Гарварда я могу получить работу в любой первоклассной адвокатской конторе! - девушка бросилась на шею к матери и, обнимая, не прекращала выплёскивать новости.

- После диплома сразу же едем! Мам, мы решили отпраздновать и сейчас рванём в ресторан, а потом в ночной клуб, ты не беспокойся, Борька, как всегда, за мной присмотрит.

- Доченька, поздравляю! Новость-то какая! Ребята, вы просто молодцы!

- Мам, ну, мы поехали, ладно?! Ты меня не теряй, завтра созвонимся, хорошо? - девушка чмокнула мать в щеку и замерла, - потом быстро спросила: - Мамочка, ты плакала, у тебя глаза красные, что-то случилось?

- Нет, нет, я материалы разбирала, глаза устали, - ответила Людмила Аркадьевна.

- Правда-правда?

- Да, да, правда. Боря, ты уж, пожалуйста, следи за ней, а то у неё прививки от куражу нет, до сих пор формулы не открыли, а ей бы надо не одну прививочку сделать. Темперамент отцовский.

- Мама, я ведь отличница и хорошая, послушная дочка!

- Хорошая, хорошая, но всё равно будь осторожна.

- Не беспокойтесь, Людмила Аркадьевна, я буду с ней, - сказал Борис.
- Ребята, чаю хотите с печеньем?
- Нет, мамуля, спасибо.
- А почему нет? Я бы выпил стаканчик. Сама говорила, что у Людмилы Аркадьевны лучший чай во всей Москве, и подают его в серебряных подстаканниках, а не в чашках. Хочу попробовать, Света, ну, пожалуйста!
- Нет, в следующий раз, не выдумывай, точно такой же чай ты пил у мамы на кухне, - обрезала его Светлана.

Людмила с обожанием наблюдала за невинной перебранкой молодых людей. Уверенность в себе и красота молодости впечатляли, она чувствовала, что ей не надо тревожиться за их будущее. Эти дети знают, чего хотят.

Внезапно она увидела, как Борис рывком, вскинув руки кверху, бросается к ней и в полёте накрывает её и Светлану своим пальто. Он валит их на пол, который качается в грохоте взрыва. Дребезжат стекла, книги с шумом валятся с полок. Крики и душераздирающие вопли доносятся с улицы. Слышны хлопки выстрелов.

- Что это? Господи, что это? - с перепугу и от неожиданности кричит Светлана.
- В этот момент Борис прыжками кинулся к окну:
- Машину взорвали! Прямо у входа в нашу контору! Кошмар! Люди валяются кругом. Несчастье-то какое! Не поднимайтесь!

Людмила Аркадьевна вцепилась в дочь, притянула к груди и закрыла её голову своими руками. Сердце колотилось нещадно, казалось, вот-вот вырвется наружу:

- Спокойно, спокойно! - скороговоркой повторяла она снова и снова, всё крепче прижимая к себе Светлану.

Её тело содрогалось в ритм с сердцем. В комнату вбежала охрана, секретарша тихо подвывала и охрипшим голосом бессвязно что-то говорила. В этот момент Людмиле Аркадьевне было важно только одно: Света жива, а всё остальное... Лежала она неудобно, пошевелилась: «Кажется, всё кончилось», и, увидев испуганные глаза дочери, прошептала:

- Всё обошлось, детка, не бойся...
- И, обращаясь к охране, спросила:
- Что произошло? Вызвали милицию? Чья машина?
 - Пока не знаем, а в милицию уже звонят, - короткий ответ охранника прозвучал чётко.
 - Хорошо, разберитесь! Света, Боря, выходите из здания через чёрный ход, проводите их.
 - Мама, а ты как?
 - Я должна остаться. Уходите немедленно.

Опираясь на руку охранника, женщины быстро поднимались с пола. Борис подхватил Свету, и чуть ли не бегом они устремились через приёмную в сторону «чёрной» лестницы.

Остаток дня прошёл в сумасшедшем темпе. Людмила Аркадьевна только и успевала, что отвечать на вопросы следователей, звонить по телефону, давать распоряжения о срочных ремонтных работах. Окна первого этажа были выбиты, вестибюль завален штукатуркой, изуродованной мебелью, окровавленными тряпками, бумагой... Три человека, сотрудники её компании, серьёзно ранены, один - убит. Более десятка человек, обычные прохожие, тоже пострадали. Эксперты работали над опознанием останков четырёх тел, находившихся в машине.

Поздним вечером, уставшая от столь напряжённого, насыщенного событиями и новостями дня, Людмила возвращалась домой. За окном машины мелькала яркие отсветы рекламы. Город жил обычной, бурной ночной жизнью.

По пути она попросила шофёра отвезти её на дачу. Ей хотелось побыть в тишине, а, может быть, почувствовать себя в безопасности в старом, доставшемся по наследству, бабушкином доме. Хотя от него остались только мастерски резаные ставеньки и, пожалуй, атмосфера уюта. Всё остальное - стены, крышу, веранду, - пришлось заново отстраивать.

Только выехав за кольцевую, Людмила Аркадьевна почувствовала, что немного расслабилась, нет, скорей подвяла. Ей хотелось развевется. И плакать, плакать...

Внезапно, краем глаза, она увидела на обочине дороги маленькую съезжившуюся фигурку, освещённую фарами машин. «Господи, ребёнок! Один! На дороге, ночью! Или мне померещилось?!» Машина неслась на большой скорости.

- Остановись, остановись! - сказала она шофёру, - сдавай назад, там на обочине, по-моему, девочка сидит. Может, что случилось? А вдруг замёрзла, на улице такой холод - зима на дворе.

Водитель резко затормозил.

- Людмила Аркадьевна, Вы уверены?

- Не знаю, но... лучше посмотреть поближе.

Дав задний ход, машина медленно поехала. Людмила опустила окно и, высунув голову, вглядывалась в темноту, слегка пошмыгивая носом от морозного воздуха. Наконец, она различила во тьме очертания фигуры:

- Да, это девочка...

Машина остановилась напротив сидящей на корточках и укутанной тряпками девочки. Ярко-красная шапочка с двумя помпончиками, натянутая поглубже на лоб, была наивна и как-то неуместна в трагически-сгорбленной фигурке ребёнка. Девочка мелко-мелко дрожала от холода. При звуке остановившейся машины она не подняла головы и даже не пошевелилась.

- Деточка, ты что здесь делаешь? Почему. ..

Звук детского голоса резанул слух и вверг женщину в ужас.

- Тё-ё-тень-ка, не бейте меня, не бейте, пожа-а-луйста!! - кричала девочка, пытаясь закрыть руками и спрятаться под тряпками.

Людмила Аркадьевна пошатнулась, потом рванулась к ребёнку, присела на одно колено и зашептала:

- Ш-ш-ш, я не буду тебя бить, не буду, кушать хочешь? Хочешь конфетку, яблочко?

Она нервно пыталась обхватить плечи ребёнка, но девочка отчаянно боролась, извиваясь и крича.

- А-а-а-а!!! - неслось в тёмное небо.

Женщина отпрянула и замерла.

- А-а-а-а!!!

Людмила ждала... Шофёр, переминаясь с ноги на ногу, в нерешительности стоял неподалёку.

Постепенно вопли стихли. Наконец, Людмила Аркадьевна услышала своё дыхание. Ребёнок, сбросив тряпки, глянул на неё большими голубыми глазами.

«Хорошенькая», - промелькнуло в голове у Людмилы и, обращаясь как бы к шофёру, она очень громко сказала:

- Гриша, горячего... чаю... с молоком!

Делая акцент на каждом слове и многозначительно глядя на него, она пыталась

дать ему понять: поддержи, говори что-нибудь, и он понял. Растягивая слова, сказал:

- С бу-тер-бро-да-ми, колбасой и с сыром, можно с пи-ро-жен-ны-ми...
- Да, да, с пирожными было бы замечательно. А девочку тоже угостим?
- Конечно! Детка, а ты какие пирожные любишь?

Молчание не было долгим.

- Я... я колбасу ливерную люблю и чипсы...

- Чипсы?! Нет проблем, чипсы тоже найдем, - как можно спокойнее ответила Людмила Аркадьевна. - А тебя как зовут?

- Меня... Люськой.

- Люськой! - с улыбкой сказала женщина. - Так ты моя тетка! Меня тоже в детстве звали Люськой.

- Правда?

- Да-а, правда. Ты можешь меня называть... м-м-м... баба Люда. Знаешь, у меня внук есть, он ещё маленький и почти не разговаривает, но очень любит молоко, а ты любишь молоко?

- Только не горячее, а холодное, - был ответ.

- Вот и хорошо... Тогда так и договоримся, мы все поедем ко мне на дачу, она здесь недалеко, печку затопим. Будет тепло, тепло... Мы с Гришей чай пить будем, а ты холодное молоко и...

- Чипсы! С колбасой!

- Тогда вставай, давай, я тебе помогу, а то совсем закоченела. Вот и замечательно. А ты где живёшь, Люся?

- Там, - махнула девочка, в сторону далеко стоящих многоэтажек.

- А родители... не потеряют тебя, не заругают, что ты со мной поедешь? - пыталась уяснить ситуацию Людмила Аркадьевна.

- Не-е... Папка в тюрьме умер, а мамка спилась и пропала.

- А с кем же ты живёшь и... где?

- В подвале, с ребятами. Петька у нас самый старший, он за мной смотрит. Но я сегодня денег не добыла, и он пригрозил, что меня продаст..., - начиная шмыгать носом, сказала девочка.

- Как продаст?... Ты же не собака! Куда продаст? Кому?

- Дяденькам...

- Он так сказал?

- Да...

- А сколько денег тебе надо?

- Много.

- Как много? Сто рублей? Пятьсот?

- Ну... хоть сколько.

Шофер, неловко засовывая руку в карман, вытаскивал деньги. Людмила, краем глаза заметив его движение, жестом остановила.

- Знаешь что, Люська, ты не переживай за деньги, я тебе дам немного, но сначала мы поедем на машине ко мне, поедим, а потом про деньги всё обсудим, хорошо? - продолжала Людмила Аркадьевна.

- Хорошо..., - задумчиво и по-взрослому ответила девочка.

- Тогда пошли.

«Главное - не вспугнуть... Увести... Накормить. .. Умыть... Потом разобраться со всем этим... Имею ли я право?... Может... детдом? Со мной будет жить, удочерю...», - мысли возникали сами собой. От них и всего происходящего Людмила Аркадьевна

мёрзла...

Глубокой ночью, обхватив подушку, она пыталась уснуть. Но сон не приходил. Людмила Аркадьевна с закрытыми глазами настороженно прислушивалась к звукам дома. В голове - сумятица. Картины событий прошедшего дня с сумасшедшим ритмом, вскачь проносились в её воспаленном сознании.

«Ну и жизнь... Кошмар какой-то. Спаси, сохрани и помилуй, Господи... Что же делать. Что делать?... Петухова умерла... Неизвестная женщина с самолёта в предынфарктном состоянии... Светкин Гарвард... Взрыв... Трупы на улице... Ребёнок на дороге... Ужас просто... Я думала, Люське плохо станет от еды, вроде ничего, спит... В ванную еле-еле её затащила - не хотела мыться. Вся в синяках... Одежду надо будет выкинуть и купить ребёнку новую... До чего дожили... Страшно подумать...».

Неожиданно она услышала: чоп... чоп... тук-тук-тук.

Привстав с кровати и затаив дыхание, Людмила напряглась всем телом.

«Что это?!» - мурашки пробежали по коже. - «Нет, показалось...». Чоп, чоп... Тук-тук-тук-тук. Звуки раздавались из комнаты, где она уложила девочку. Выскользнув из-под одеяла, с прерывающимся дыханием, осторожно ступая босыми ногами по полу, Людмила Аркадьевна тихо вышла в коридор и подошла к приоткрытой двери в комнату девочки.

В полосе света от ночника она увидела картину, повергшую её в изумление: Люська, накинув клетчатый плед на свои худенькие плечи, осторожно ходила в красных старых модельных туфлях Людмилы Аркадьевны. «Лодочки» были на высоких каблуках, и девочка пыталась с ними справиться. Её светло-русые длинные волосы разметались в стороны, порозовевшее личико сияло радостью и лукавством.

Тук-тук-тук... Чоп-чоп... Девчушка остановилась перед зеркалом. Сделала реверанс. Покрутила головой... Повернулась боком и внимательно посмотрела на себя в отражении. Сняла плед, обернула его вокруг себя: получилось подобие длинного платья. Она выпрямила спину, поддерживая одной рукой плед, другой подняла волосы кверху...

«Принцесса! - подумала Людмила Аркадьевна. - Вырастет - красавица будет...». Женщина осторожно отступила назад и вернулась в свою комнату, решив не разрушать маленькую радость ребёнка.

Через какое-то время по шорохам она определила, что Люська, наконец, легла...

«Как странно судьба вторгается в нашу жизнь... Что стало с женщиной, из-за которой Илья сделал вынужденную посадку?... Жива ли? А теперь эта девочка...» - была последняя мысль, с которой Людмила Аркадьевна уснула...

Глава седьмая

ПРОБУЖДЕНИЕ

Кружевная зыбкость утреннего сна пророчит пробуждение, причём, порой не знаешь, где очнешься: в своей ли постели или чужой, обласканный или избитый. У

каждого своё утро...

Люська стояла с большим кухонным ножом и большой круглой картофелиной в руках и смотрела на Людмилу Аркадьевну. Ей хотелось нажарить картошки на завтрак этой вчера ещё не знакомой женщине, но все ножи, как на грех, оказались тупыми, и Люське надо было спросить свою спасительницу, где лежит точилка. Она внимательно рассматривала лицо спящей и, переминаясь с ноги на ногу, не знала, что делать. Внезапно ресницы Людмилы Аркадьевны дрогнули, глаза открылись и, с криком рванув спасительное одеяло к горлу, она буквально подскочила на кровати.

- Ты что? Ты что делаешь? - вне себя закричала женщина.

От неожиданности девочка резко вплеснула руками и картофелина взлетела вверх, а нож устремился вниз и сверкающим острием, наподобие рапиры, вертикально вонзился Люське в ногу и закачался. Картошка, громко стукнувшись о пол, бодро катилась под кровать. Люська взвыла от резкой боли. Вопли обеих потрясли стены небольшой спальни.

Кровь брызнула из раны на ноге девочки. Расширенными глазами Людмила Аркадьевна смотрела на случившееся. Увидев кровь, она рывком бросилась вперёд и, свесившись отяжелевшим телом с кровати, выдернула лезвие из ступни ребёнка. Барахтаясь, наконец, выпросталась из-под одеяла, подхватила девочку и в развевающейся ночнушке пронеслась на кухню. Плюхнув ребёнка на стул, Людмила Аркадьевна суматошно искала бинты и бутылочку с йодом в аптечке. Люська с подвывом и струями слёз раскачивалась на стуле и, крепко зажав рану, с ужасом смотрела на кровь, просачивающуюся сквозь худенькие пальцы.

Людмилу Аркадьевну трясло мелкой дрожью. «Кошмар, кошмар, а не утро!!» - роились мысли.

- Не надо йод! - вопила Люська, увидев бутылку с жидкостью, которую Людмила Аркадьевна шарахнула на стол.

- Надо! - жёстко сказала женщина.

- Не надо!

- Надо! Убери руки! Быстро! - прикрикнула Людмила Аркадьевна.

- Я картошки на завтрак хотела вам пожарить, точилки не нашла, - ревмя ревела девочка.

- Да ты с ума сошла, с ножом к спящему человеку подходить! Хоть бы подумала немножко! Чёрт знает что! Бред, просто бред, а не жизнь! - кричала Людмила. Она силой разомкнула ручки ребёнка и залила рану на ноге йодом. Люська завизжала.

- Фууууу, - как бы сдувая боль, Людмила Аркадьевна успокаивала девочку и, в спешке, неуклюже срывала упаковку бинта. Наконец, справилась и крепко перевязала Люськину ступню.

Через несколько минут волнение улеглось, и они тихо сидели и изучающе смотрели друг на друга. Молчание длилось недолго.

- Знаешь, Люся, а мне никто и никогда не жарил картошку на завтрак... Обычно по утрам, когда дети были маленькими, я сама готовила, собирала на стол и звала семью... Не могу сказать, чтоб мои дети не заботились обо мне... Нет, они меня любят..., - тихим голосом начала Людмила Аркадьевна.

- Я хотела... хотела сделать для вас что-то... хорошее.

- Спасибо, деточка...

- Извините, что всё так вышло...

- Да, получилось... странновато.

- Вы меня выгоните, да?
- Почему ты так решила?
- Я... вас перепугала, наверное, вы не сможете меня простить.
- Страху я, конечно, натерпелась, но сейчас ведь уже всё прошло. Я думаю, наверное, скоро мать начнёт тебя искать и...
- А я ей не нужна, тётя Люда... Я никому не нужна.
- Ну что ты такое говоришь?! Нужна, ещё как нужна! Вот мне, например... Кто мне картошку жарит по утрам? Никто!

- Я же не ваша дочь, и не родственница... Я - никто.
- Люсенька, гм... Знаешь, что? Живи со мной. Вдвоём, авось, не пропадём.
Горестный вздох девочки прошелестел в мирной тишине утра и словно завис под потолком. В её, казалось бы, просохших глазах опять появились слёзы.

- Тётя Люда... я с детства хотела быть... балериной, всегда смотрела спектакли по телевизору, когда в доме ещё телек был... А читать и писать я еле-еле могу... Я...

- Люсенька, - Людмила Аркадьевна глубоко глянула в глаза девочки и увидела безысходность и нечто ещё, что захлестнуло сердце и заставило биться быстро-быстро. Невидимые нити в одно мгновение прочно связали их обеих.

- Дорогая моя, всё поправимо, я тебе помогу. Научишься и читать, и писать. И в школу балетную... найду возможность тебя устроить.

- Таких, как я - не берут.
- Возьмут. Ты... у меня... красивая... И фигурка у тебя стройная, ножки длинные. У тебя, Люся, получится. Придёт время, будешь танцевать на сцене Большого Театра. Представляешь?! Выбежишь в балетной, белоснежной пачке... на пуантах... в «Лебедином озере» - и станцуешь.

- Вот так? - девочка соскочила со стула и, невзирая на боль в ноге, приподнялась на цыпочках и закружилась по кухне.

Людмила Аркадьевна смотрела на Люську и пыталась прозреть то будущее, что ждало впереди этого ребёнка.

В просторной кухне загородного дома утренние лучи солнца, прорвавшись сквозь паутину морозных узоров на оконных стёклах, осветили порхающую девочку и стареющую женщину...

* * *

Тем же утром, за сотни километров от Москвы, на больничной узкой койке, Лидия Сергеевна пробивалась сквозь вязкую путаницу сознания в тщетной попытке открыть глаза. С изумлением она поняла, что ресницы бывают очень тяжёлыми и стоит большого труда разомкнуть их и приподнять, дать свету прикоснуться к зрачкам и увидеть...

В течение 48 часов Лида была дважды на грани смерти: сначала в подвале, где нестерпимой боли, казалось, не будет конца, а потом на операционном столе в районной сибирской больнице. Хотя у неё в жизни всегда было так: то пусто, то густо. «Нет... я не хочу ничего видеть. Голова кружится и слабость невероятная. Где я? Мне было так хорошо... Я летела в беспредельности... Нет... на самолёте... в Москву...»

- Пить... - Едва выдохнули полуоткрытые губы самое жгучее желание измученного тела, которое, невзирая ни на что, боролось за жизнь.

- Пить...

Внезапное ощущение влаги на растресканных сухих губах отразилось в её сознании образами весны и каскадом шумной капли, сверкающей на солнце. Рас-

пухшим языком она с радостным трепетом слизывала капли. «Как вкусно...», - мысль оборвалась.

- Ещё... пить, - прошептала она.

В ответ Лидия Сергеевна услышала скрип открывающейся двери и мужской голос:

- Как у нас дела?

- Доктор, она очнулась и просит пить, - донесся до её сознания Жорин баритон.

- Вот и хорошо, просто отлично, от-лич- нень-ко! Значит, жить будем.

Лидия Сергеевна услышала шорох шагов и почувствовала, что кто-то трогает её руку.

- Милая моя, а ну-ка посмотрите-ка на меня! Открывайте, открывайте глазки... Вы что же мне здесь сцены устраиваете? Помирать собрались? Нет, знаете ли, со мной такие шутки не пройдут. Я вас, сударыня, даже с того света всё равно вытащу. Вам помирать рановато, молода ещё... Тоже мне, инфаркты здесь развели...

Шутливый тон старого хирурга напомнил Лидии Сергеевне её отца, который в детстве частенько подтрунивал над ней, и вдруг Лидии захотелось улыбнуться, сострить что-нибудь в ответ, но вместо этого она приоткрыла глаза и, с трудом приподняв руку с края кровати, погрозила пальцем в сторону доктора.

- Посмотрите-ка на эту даму: она мне грозит! Жорж, - обратившись к телохранителю, сказал доктор, - а вы замечательная сиделка, больше суток не спите, по-моему, вам пора отдохнуть.

- Нет, я - ничего, перед утром успел подремать, не беспокойтесь. Знаете, доктор, а у неё сегодня день рождения...

- О... Поздравляю вас от всей души. Поздравляю! У вас... настоящий день рождения-я! Живите долго и счастливо!

- Спасибо, - еле слышно прошептала женщина...

Немного погодя, закончив обход, врач вполголоса говорил что-то медсестре в коридоре, только отдельные слова доносились до Лидии Сергеевны из полуприкрытой двери палаты. Жора тихонько встал со стула и осторожно вышел. Лёгкий щелчок поворота дверной ручки, и... Лидия осталась одна. В покойной тишине мерное урчание мониторов успокаивало, ведь новость о собственном дне рождения смутила её и на мгновение даже привела в замешательство. Лидия Сергеевна попыталась привести мысли в порядок и вдруг вспомнила, в каком платье хотела встретить торжество, где и с кем... и осознала - как всё это теперь не имеет значения! Истинно - суета сует...

Все приглашённые гости были важными в политике или нужными в её бизнесе людьми. Друзей же, настоящих друзей, в списке не было. Да их и не осталось, растерялись по жизни... Мысли - ясные и холодные. Печали не было, не было и сожаления... Так, факты... Просто правда... Ничем не прикрытая и понятная. Всё её окружение будто «подсело на иглу», только наркотик - деньги. Сильный наркотик.

Когда же символ «деньги» вошёл в её собственную жизнь? Ах да, девятнадцать копеек за мороженое пломбир. Самое любимое с детства... Родители выдавали двадцать, одна копейка всегда оставалась... Однажды потеряла двадцатикопеечную монету и расстроилась до слёз... Какое древнее прошлое! Как будто того времени и не было... Потом пыталась заработать много денег...

Хм..., а что же врач Жоре кричал? Ах, да... «Твоими зелёными ты не купишь ей жизнь, и если ей суждено умереть - она умрет, никакой столичный профессор, ни

твои баксы не помогут! Я сделаю то, что должен сделать, и точка. Убери свои деньги!»...

Жора плакал... Голос вибрировал... Я слышала... Столько лет работает у меня... Всего один год, когда я уехала открывать офис в Нью-Йорке, он не был рядом со мной: визу не дали.

На Манхэттене я арендовала роскошную квартиру, наняла брокера на бирже... Шёл «доткомовский» бум... слово-то какое странное. Это так говорили о внезапном взрыве роста компаний, производящих компьютерное обеспечение или продающих «нечто» через Интернет... Которые даже регистрировали названия фирм с точкой, - по-английски «dot» и «com» на конце. К примеру: «Goliy.com», если произнести по-русски, будет «Гольий-дотком». Смешно... Со временем большая их часть оказалась мыльными пузырями, и весь маркет грохнулся. Стоимость акций таких компаний была завышена в 20-30 раз, и однажды они исчезли, инвесторы разорились... и я попалась.

Нет, в начале мои прибыли росли как на дрожжах... брокер добросовестно покупал и продавал акции от моего имени... Тысяча прибавлялась к тысяче... А затем, в течение трёх дней... пуф... Нет, я оставила кое-какие акции, и они в течение времени поднялись, но историю своего фактического банкротства я никому не рассказала, даже Жоре...

Уважать себя имею право, опыт набрала житейский и, как в детстве, из-за потери не 20 копеек, а тысяч - не плакала, не стонала... Приняла к сведению... Офис так и не открыла.

А ещё Жорж не знает о моей калифорнийской истории... Это было 22 декабря, за три дня до поездки в Германию, после которой я очутилась в Новосибирске... Боже мой, за неделю столько всего произошло... Я отправилась в Штаты одна, решила проветриться... Остановилась в Калифорнии у Джона на его ранчо... Неподальку маленький уютный городок. Вокруг холмы с виноградниками. Было очень тепло и солнечно... В то утро 22-го, где-то в одиннадцать утра, закончив завтрак и удобно устроившись на большом кожаном диване в гостиной, открыла лаптоп и стала проверять электронную почту. Ничего важного не было, кроме сообщения от брокера в Нью-Йорке о моих акциях, что пошли на повышение...

«Лишняя прибыль - никогда не лишняя», - обрадовалась я.

В комнате пахло хвоей, в углу стояла огромная под потолок ёлка, под ней куча упакованных в яркую бумагу рождественских подарков. Джон уговаривал меня остаться на Рождество, но я обещала встретить праздник в Германии с Гансом, моим партнёром, так что у меня уже был билет на самолёт на 23 декабря. Туда же, в Германию, в Ганновер, должен был приехать и Жора.

В принципе, рождественские каникулы - не для решения деловых вопросов, но Ганс пообещал, что в его доме я смогу встретиться с важными для меня людьми и в комфортной приватной обстановке обговорить кое-какие нюансы и, может быть, даже подписать контракт.

Неожиданно ёлочная игрушка, с шумом прокатившись по веткам, упала на пол. Ёлка закачалась, хрустальная ваза слетела с каминной полки и разбилась вдребезги. Я вскочила на ноги, пол подо мной «поплыл».

Послышался крик Джона: «Землетрясение! Всем на улицу! Дети, быстрее!». Из комнат, выскочив в коридор, мчались его сын и дочь. Уже на улице, взявшись за руки, чтобы удержаться от качки, я и Джон скороговоркой давали детям указания:

что делать, если поверхность земли начнет «разрываться». Где-то истошно выла собака, кричали люди, напротив дома соседский мальчик, игравший в мяч, звал мать.

Деревья качались. Толчки становились всё сильнее. Мой взгляд привлекла машина, стоявшая в открытом гараже, она двигалась: вперёд, назад, казалось, она вот-вот поедет. Внутри у меня всё подобралось, не было страха, оставалась только тревога за детей Джона... «Без паники, без паники», - повторял мой приятель. Мы стояли в кругу, крепко схватив друг друга за руки. Нас качало, но ощущение такой близости давало уверенность – всё обойдётся. «Не очень-то весело водить хороводы в землетрясение», - подумала я в тот момент.

Наконец, земля перестала ходить ходуном, мы успокоились. Попытка Джона дозвониться родным и знакомым оказалась тщетной: телефоны были отключены, электроэнергия - тоже. Мы ждали нового толчка, по теории - следующий может быть через двадцать минут, во всяком случае, я так слышала - но толчки больше не повторились. Спустя несколько часов мы узнали, что землетрясение было более 6 баллов по Рихтеру и вызвало разрушения. А два человека даже погибли.

К вечеру напряжение спало, и я решила поехать поиграть в индейское казино. Мое желание сбежать из дома сильно удивило Джона. Он был ошарашен такой неадекватной реакцией на происшествие, не мог её понять, требовал, чтобы я осталась.

По телевидению дикторы настойчиво просили население принимать меры предосторожности и по возможности сидеть дома.

В самом деле, почему я уехала? Может, мне просто хотелось ощутить радость жизни. И что я жива, Бог его знает!... Не могу до сих пор понять своего поступка...

С каким самозабвением я играла на автомате. В атмосфере казино, с его музыкой вечного праздника и звоном сыплющихся монет, ничего не напоминало об утреннем землетрясении. Люди смеялись, за карточными столами слышались шутки и разговоры. Мой автомат - интересный, на «бонус» приходили «поезда», и если можно было поймать несколько из них в одну строчку, то выигрыш получался довольно большим.

Пятнадцать тысяч долларов стояло на джек-поте. Я выигрывала и проигрывала, к позднему вечеру в моём кармане вместо двухсот долларов уже лежало три тысячи. В какой-то момент мне надоело и стало скучно, я собралась домой. Встала, пошла в буфет и решила выпить холодненького, в горле пересохло... Несколько минут спустя, когда я проходила мимо тех же самых автоматов, на одном из которых играла, моё внимание привлекла какая-то взбалмошная женщина: она в этот момент с возмущением стукнула кулаком по ни в чём не повинной в её проигрышах машине и перебралась к другой. Почему я села на её место, не знаю... Сделав максимальную ставку, нажала на клавишу, выскочили «поезда», небрежным движением я остановила все пять и... выиграла 15 тысяч долларов! Первый раз в жизни... Люди вокруг меня кричали во весь голос, поздравляли с удачей. Но я не раздвела их восторгов. Вот отец мой был заядлым игроком, и он любил выигрывать. Я такой страстью не страдала, поэтому приняла свой выигрыш хладнокровно.

Вернулась из казино с суммой 18 тысяч долларов наличными и, смеясь, рассказала Джону об удаче. На следующий день спозаранку, в семь часов утра, я проснулась от телефонного звонка брокера из Нью-Йорка. Новости были не из приятных. Мои потери на маркете составили 18 тысяч долларов(!), которые я должна была немедленно отправить на счёт или выйти из позиций.

Я хохотала: шальная удача как пришла, так и ушла.

... Это же был знак сверху! Глупая я, как это сразу не поняла?

Ведь потом был успех в Германии и... Новосибирский кошмар... Значит, просто штормит по жизни... Бросает из огня да в полымя... Какое жуткое прозрение... Но почему именно я? Почему именно меня? Выходит - судьба?

Наверное, мне вовсе другая миссия на роду написана, а я поперек гребу, и всё не туда... Несчастливая я, вот что!

... Где же Жора, мне так пить хочется...

Лёгкий стон Лидии Сергеевны прорвался сквозь тишину больничной палаты, устремился к двери и беспомощно истаял, исчез...

В коридоре Жора медленно отхлёбывал горячий чай из кружки и смотрел через замёрзшее окно на улицу. По тротуару женщина катила на санках ребёнка, за ней двое мужиков тащили на плечах большое круглое бревно, по дороге неслись грузовики и легковушки. На другой стороне улицы, прихлопывая от утренней стужи сапожками, стояли девочки с портфелями.

Жора почувствовал прикосновение к плечу, обернулся, но рядом никого не было. Ощущение чьего-то присутствия не прошло. Насторожившись, он двинулся в сторону палаты, где лежала Лидия. Открыв дверь, сразу понял, что она не спит. Подойдя ближе к кровати и посмотрев на похудевшее лицо женщины, Жора спросил:

- Лидия Сергеевна, вы меня звали?

- Да, звала... Жора, дай воды, пожалуйста.

- Я сейчас вам губы смочу. Потерпите немного. Скоро вам разрешат и пить, и есть. Ничего, Лидия Сергеевна, прорвёмся, вы у нас сильная.

- Сильная, - тяжёлым шёпотом с хрипотцой ответила, будто эхо, Лидия Сергеевна.

Сильная? Вовсе нет. Просто предел выживания у неё выше, чем, возможно, у других. Воспоминания высветляют эпизоды недавнего прошлого, доказывая старую истину: не сдаваться, ведь волны успехов и провалов делают жизнь увлекательной, так сказать, закаляют... Чёрт бы всё это побрал!

Да, да, мысли укладываются в некую мозаику, показывая: она живёт и будет бороться за свою стезю, какая уж она есть - до конца. Невозможно отказаться от жизни, желание жить - в крови, бьётся в каждой клетке тела. Не пришло её время уходить... Жить бы в деревне простой бабой, кур выращивать, картошку садить. Лидии Сергеевне стало смешно и горько... Кому-то ведь тоже не всегда везёт. В газетах таких страхов начитать можно: людей в рабство продают, женщин за океаны вывозят... пытаются, мучают...

- Спасибо, Жора... За всё... За все эти годы..., - неожиданно сказала Лидия, глядя на него.

- Да что вы, Лидия Сергеевна, работа моя такая.

- Работа?! - как стон вырвалось из груди женщины. - Врёшь ты всё... Ведь ты меня любишь!?

Как ни странно, её прямой вопрос не застал Жоржа врасплох:

- Выходи за меня замуж, - неожиданно и твёрдо сказал он.

- Жора, ты из жалости мне замуж предлагаешь? И не стыдно тебе? - с возмущением ответила она, задыхаясь от напряжения. Ей самой было странно, что думать обо всём на свете не составляло никакого труда, а вот говорить сейчас было ох как

нелегко.

- Я тебя люблю, Лида, и люблю давно. Сама ведь знаешь...

- А... я... - она не нашла слов.

Слова, которые Лидия уже готова была выпалить, растаяли, разлетелась в прах от внезапного Жориного признания... И не только его, но и её собственного, ещё невысказанного. ..

Лидия Сергеевна изумилась сама себе, вся эта сцена крайне смутила её, и она забарахталась в мыслях, пытаясь найти защиту... Да... он никогда не называл её на «ты», только однажды, давно. После каких-то очередных неприятностей, когда она расплакалась, уткнувшись в Жорино плечо, он пробормотал «Лидочка, не плачь». Но чтобы вот так с ней разговаривать, это на него не похоже! Просто неприлично и...

Но это были мысли *Лидии Сергеевны*, а если услышать, что думала Лидочка, девочка, мечтавшая в детстве о счастье, то мысли звучали бы совсем другие. Они металась и рвалась наружу, в простор жизни, к тому, по кому она скучала, привыкла чувствовать его рядом изо дня в день, неосознанно ревнуя ко всему на свете, считая его частью себя.

- Жора, медсестру позови... А сам походи погуляй, - «сбежала» Лидия Сергеевна в словесное убежище, спрятавшись от собственной внезапной слабости.

- Хорошо, Лидия Сергеевна, - чётко произнесла её имя, отозвался Жора и быстро вышел из палаты.

Прикрыв за собой дверь, он понёсся по коридору, с остервенением теребя пуговицу на врачебном халате: «Идиот, на что ты рассчитывал?! Нашёл место и время говорить о любви! Ты ей – не ровня, она твой босс! Забудь!!! Господи, она вся растерзанная, ей бы сил побольше, мужик не вынесет того, что она пережила»...

Вдруг, вспомнив о Лидином дне рождения, Жора поспешил в кабинет старшей медсестры.

Вскоре к Лидии Сергеевне вошли нянечка и медсестра.

- Причешите мне волосы и... лицо протрите, пожалуйста, - тихим голосом попросила Лидия.

- Не волнуйся, милая, всё сделаем, как надо, - ответила пожилая нянечка.

Обе женщины недолго хлопотали над Лидией Сергеевной. От прохладной воды и чувства, что её привели хоть в какой- то порядок, ей стало намного лучше. Выходя из палаты, медсестра и нянечка столкнулись в дверях с Жорой.

- Лидия Сергеевна! Смотрите, какой подарок я вам принёс, - сказал Жора, показывая Лидии небольшой горшок с цветком.

Она с изумлением окинула взглядом подарок и вскрикнула:

- Геранька! С красными цветами! Такая же стояла у нас на кухне, на окне, мама её очень любила..., - она медленно протянула руку и легонько прикоснулась пальцами к цветам. Озорство встрепенулось в её глазах, и от запаха герани слегка вздрогнули ноздри.

- Ой, я, кажется, надломил один стебелёк, - забеспокоился Жора.

- Не волнуйся, геранька - она необыкновенная, сломанный стебель надо воткнуть в землю - он не погибнет, выпустит корешки и разрастется. От других цветов герань тем и отличается... Жора, это самый неожиданный и прекрасный подарок. Мне никто ещё не дарил герань на день рождения, ни разу... Правда...

- У меня в Москве другой приготовлен, но мне хотелось сделать вам что-нибудь приятное. Сейчас, сегодня...

- Спасибо, дорогой... Мне цветок нравится, поставь его рядом на тумбочку. Жора увидел, что лицо её оживилось, и она как-то воспряла духом.
 - А сейчас утро или вечер? - спросила Лидия.
 - Три часа дня.
 - А... день... Где мои вещи?
 - Здесь у кровати, ваша сумка и книжка, а багаж в Москву уехал. Вам все наши привет передают. И поздравления...
 - Переживают за меня?
 - Конечно, все волнуются...
- Она замолчала, затем нахмурилась. Казалось, напряжённо о чем-то думала.
- Жора, а книжка...
 - Вот она, - говоря, Жора вытащил книжку из сумки.
 - Может, почитать вам? - спросил поспешно.
 - Да... я только не помню, где я остановилась, по-моему... Нет, не помню... просто открой на любой странице и читай.
- Жора подтащил поближе к краю кровати стул, сел и, сосредоточившись, распахнул наугад книгу «Мифов Древней Греции».
- М...м...
 - Читай то, что между строк написано...
 - Это же дневник! А я, когда читал в самолёте, не видел записей.
 - Не на той главе открыл... Поэтому и не заметил.
 - Интересно...
 - Очень... Чужая жизнь между строчек...

Глава восьмая

«ПЕРСЕЙ СПАСАЕТ АНДРОМеду...»

- Знаешь, Жора, - продолжала Лидия Сергеевна, - папа учил, учил меня... всегда «читать между строк» - в характерах людей и в жизненных коллизиях... Но я так и не смогла до конца научиться... Тяжёлая это наука. То прозрение приходит поздно, то... смирения перед истиной не хватает... Столько ошибок сделано! А сколько неправильных решений принято! Не поправить и не изменить. Правильность выбора даётся как дар. Выбор - наша свобода и заточение. Судьба предрешает, но Всевышний оставляет за тобой право выбирать. Сами себе проблемы создаём. О результатах плачем, стенаем, виним обстоятельства, но не себя...

Читай, дорогой, извини за философствования. Да, я тебе не сказала... Дневник пишет некая Даша Белоцерковская - девочка из питерской коммуналки. Она описывает детство, людей, с которыми сталкивалась в жизни, юность и первую любовь... Непонятно только, зачем она выбрала именно «Мифы» для своего дневника? Почему не делает записи в обыкновенной тетради? Может быть, знала, что никто эту книгу не возьмёт с полки и не станет читать? Если её воспоминания написаны недавно, значит, была уверена - никому из домашних эти «Мифы» не интересны. И, выходит, живёт не с теми, с кем хотела бы.

Как ты думаешь, Жора? Или она одинока? Совсем одна - никому не нужная и ни в ком не нуждается. Сама по себе, живёт этакой отшельницей...

- Даже не знаю, что вам и сказать, - ушёл от ответа Жора, - но вот она пишет про какого-то генерала.

- А, генерал Архангельский... это её отца лучший друг...

- Понятно, - Жора слегка откашлялся и начал читать записи таинственной незнакомки, которые чётко выделялись между строк наугад открытой страницы.

* * *

Я - «без-пяти-минут-молодой-специалист» Дарья Белоцерковская, не предупредив о своём приезде, возвращалась домой с преддипломной практики - хотелось сделать приятный сюрприз домашним. Как всегда, дверь открыла Изольда Вениаминовна:

- Дашенька! Вернулась! Ещё больше похорошела, красавица ты наша!

Обняв старушку, без стука распахнула дверь в нашу квартиру:

- А вот и я!! - торжественно оповестила свою обитель о собственном прибытии.

Отец и мать, сидевшие за столом, резко обернулись и бросились ко мне.

- Дашенька приехала, наконец-то дома! - вторили друг другу родители.

Но что-то было не так...

- Что случилось? Мам? - повернулась я к матери, и успела заметить, как она скорбно поджала нижнюю губу.

- Папа? - я посмотрела на отца.

- Даша, несчастье... Оба друга... В один момент! И генерал, и художник. До сих пор поверить не могу.

- Когда?

- Три дня назад. Вон телеграммы на столе.

И я увидела два сразу узнаваемых листка, одиноко лежавших на поверхности столешницы.

- Да что же произошло? - спросила я, осторожно опуская дорожную сумку на пол и присаживаясь на стул. - Ты писал мне недавно о встрече ветеранов в Мурманске и... твой генерал был так счастлив. ..

- После этого всё и случилось.

- Инфаркт?

- Да, вечером уснул, а утром, в день своего рождения, не проснулся... 9 Мая все однополчане праздновали, ездили на болота и траншеи. Они заросли, но кое-где можно было даже осколки от снарядов увидеть. Генерал сразу нашёл свой блиндаж. Столько лет прошло, а он помнил. Втиснулись мы туда... Архангельский мне на плечо руку положил. Долго стояли молча, потом он сказал:

- Не держу зла ни на кого, душа больше не горит от обиды... Погоны здесь с меня сдирали. Разжаловали за невыполнение приказа. А приказ-то какой был, знаешь?! Бросить танковую бригаду и пехоту в болота. А для меня было ясно: заживо сгубить людской состав и технику. Помнишь, мы в обход выступили. Высотки в результате взяли, но ведь не десятки тысяч погибли, сообрази! Не десятки тысяч!!! Не мог я утопить своих ребят только потому, что кто-то в Генштабе решил - надо через болота напрямик идти. Уважаю себя за свой поступок. Если б сделал, как приказали, может, не пожимал бы руки однополчан сегодня...

Вот здесь буржуйка стояла. Мой ординарец Василий любил чай заваривать с разными травами. Из Сибири был, лес знал, как свои пять пальцев, погоду предсказывал лучше всех синоптиков. Бывало, придёт и скажет: через два дня холодно

будет и снег пойдёт... Последний раз я его видел в Алма-Ате в 56-м году. Нашёл меня, не знаю как...

После лагерей и отсидок осел я в Казахстане... Учеником слесаря устроился на авторемонтный завод. В халупе у старой казашки комнату снимал. Однажды вечером она мне кричит, что гость пожаловал. Вышел я - а по дорожке Василий идёт. Со слезами обнимались, я так просто... как баба в голос рыдал. Вася до Берлина дошёл. После победы все эти годы меня искал. Вытащил он бутылку водки, разлили, и говорит мой Вася:

- Товарищ генерал, разрешите обратиться!

Я за сердце схватился, давно я уже таких слов не слышал.

- Да что ты, Василий, в самом деле...

- Товарищ генерал, извините, раньше не мог прийти. Я вот тут... привёз.

И вытаскивает из вещмешка нечто, завернутое в рубаху. Разворачивает, и я вижу... парусник! Золотой кораблик, небольшой, сантиметров двадцать в длину. В полумраке комнаты золото так и засияло, даже паруса из золота были выкованы. Меня холодный пот прошиб. Ну, думаю, обоих за решётку засадят, а Вася хладнокровно говорит:

- Мне его в Германии, за тушёнку и хлеб, бабушка отдала. Я сначала и не знал, что он весь из золота. У вас пилка для металла найдётся?

Я, честно говоря, обмлел. Но пошёл, пилку принёс.

- Напополам разрежем, одну половину мне, другую, товарищ генерал, вам. На жизнь, авось, хватит.

- Василий!

- Товарищ генерал, пчёл разведёте, медок - он всегда нужен, обживётесь - и всё пойдёт ладом. Верьте мне, товарищ генерал!

- Пчёл? Мёд? - озадаченно повторял я за ним.

Пилили мы кораблик долго, оба - в поту. Я на всякий случай крючок на дверь накиннул и шторы на окне поплотнее запахнул... Вася золотые опилки аккуратно подбирал... Разлили мы, под конец, водку: в одной руке у каждого по гранённому стакану, а в другой по полкораблика. Чокнулись, крякнули, опрокинули одним махом стаканы и... Так началась моя новая жизнь. А Василий в 59-м умер от ран, сын у него остался, летом всегда ко мне с семьёй приезжает. И, выходит, у каждого из нас есть особый, незабываемый поступок в жизни...

- Даша, тогда Архангельский впервые рассказал мне эту историю. Воспоминаний было много... Обелиск там поставили, скромный, недалеко от окопов, генерал на колени перед ним встал и прощения у солдат погибших просил, что не всех смог спасти... Войну проклинал...

Вернулся в Алма-Ату - и вскоре его не стало. После похорон на поминках, представляешь, читали мою открытку, я послал ему, вслух читали: «Друг мой, поздравляю тебя с днём рождения, желаю здоровья... Твоё благородное сердце и доброта спасли много людей. Генералами по духу рождаются, а не...», - отец не выдержал, заплакал.

- Папочка, не плачь, - утешала я отца. - А художник?

- Доченька, жена Архангельского его на похороны звать пошла, стучала, стучала в дверь мастерской, но никто не открывал, потом ей сказали, вроде как художника не видели уже несколько дней. Она забеспокоилась. И что?!! Он умер в мастерской, один среди картин! Никто его не хватился. Так, мёртвый, с кистью в

руке на полу и лежал. Тюбики с красками вокруг разбросаны. Нашли у него две картины, в бумагу завернутые, на полотнах надпись сделал, одну в дар Архангельскому, а другую - мне. Знаешь, какой сюжет на обеих? Закат солнца в пустыне... Оранжево-зелёный и оранжево-голубой...

Моих лучших друзей в один день схоронили, рядом на кладбище положили. Не смог я приехать на похороны, билет на самолёт не достал. На девять дней поеду.

- Может, так и лучше, - сказала я, - ты их будешь помнить живыми, такими разными, неуживчивыми друг с другом... Странная у вас была дружба.

- Крепкая, настоящая, мужская. Да, они по житейским мелочам никогда не встречались и трёпом пустым не занимались, но душой каждый из них знал - в тяжёлый момент друг выручит. Понимаешь, можно точно знать, что именно вот этот человек, даже если ты его видишь раз в десять лет, тебе поможет: сообщишь ему о беде - и не будет тебе ответа «нет».

Долгое молчание заполнило комнату скорбью. От лёгкого дуновения ветра шторы на окнах слегка колыхались. Из открытого окна с улицы доносились звуки утомлённого за день города. Жизнь менялась, даже декораций в комнате стало меньше, и она казалась пустой. Бабушки давно не стало, а сестра с мужем уехали в Москву. Осталась моя «берёзка», за которой я, устроившись на постели, не могла уснуть. Думы шелестели, наподобие газетных страниц, куда были вписаны события последнего времени, что причудливыми узорами сплетались с воспоминаниями детства.

Когда я была маленькой, отец рассказывал мне байки. По-моему, он придумывал сюжеты спонтанно, вдохновенно сочиняя их на ходу. В моем детском сознании они не всегда укладывались «по полочкам», и только со временем их значение приобретало должные очертания.

На мой вопрос «Почему возникают белые ночи?» отец рассказал сказку о любви: Ночь и День были влюблены друг в друга и неистовой страстью взбаламутили Время. И люди не могли определить: когда им вставать, когда работать, а когда ложиться спать.

Мир погряз в хаосе безвременья, и Солнце взъярилось и разлучило возлюбленных.

Светило строго определило часы появления Дня и Ночи. Веками они не могли встретиться. Казалось, в предрассветный час День мог увидеть свою желанную, но восходящее Солнце прожигало лучами темноту ночи и изгоняло её прочь. Единственное, что Ночь могла сделать - это оставить следы своего глубокого горя от разлуки, её слезы - росу, на полях и лугах...

В конце концов, Луна не вытерпела и решила помочь влюблённым. Однажды весной позвала она Солнце в гости и предложила поиграть в шахматы. Великое светило не любило проигрывать, и игра затянулась на много дней. Солнышко ввремя не осветило Землю и, наконец, День встретился с Ночью.

Бросились они друг к другу в объятья и слились в страстном порыве. Вот так у людей появились Белые ночи... Порой чудо или трагедия соединяют судьбы, навечно или на одно мгновение...

Ох, беспокойно, тошно на душе... Лёша принял окончательное решение: он едет работать по распределению в Магадан, чутьё-де ему подсказывает: лет через двадцать именно там будут вершиться большие дела. Где золото, нефть - там и деньги, и перспективы.

Самое ужасное - то, как он представил своё решение: либо я его жду, либо обретаю свободу. Да разве же можно ставить любви ультиматум? Всё моё есте-

ство возмутилось. Ведь я-то ждала, что он предложит мне замуж, а не станет предъявлять ультиматумы!

От раздумий меня отвлекли крики отца, опять воевавшего во сне. Мать, как всегда, успокаивала его торопливым шёпотом... О чём я думаю?! Друзей отца хоронили, ушли из жизни прекрасные люди, а я драму влюблённой истерички разыгрываю! Жить надо, жить... В гробу ведь даже и не поплачешь... Если судьбе угодно, чтобы я была со своим любимым, значит - всё равно, когда и где, - я соединюсь с ним...»

Жора перестал читать и вопросительно посмотрел на Лидию Сергеевну.

- Не устали? Продолжать читать или нет?

- Читай, Жорж, читай. Я внимательно слушаю,- ответила Лидия.

Я на отлично защитила диплом. Людка вышла замуж. Алексей уехал. Ни писем, ни звонков. Больше месяца я ему писала до востребования, но ответа так и не получила...

Время течёт до боли медленно. Я плачу по ночам. Жду.

И тут я совершила непоправимое преступление.

Люська пригласила меня в компанию слегка развлечься, выпить винца, потанцевать. Там же, на вечеринке, я умудрилась уступить Харону... Что называется, бес попутал...

Два дня сама себя ощущала прескверно. Какая грязь! Танцевала перед ним, раздеваясь, «танец живота»... Извивалась как та змея подколотная, соблазняла для «подвигов»... На что надеялась? Что любовь к Харону может во мне пробудиться с первого раза? На что рассчитывала - что эта связь вычеркнет одним махом нашу с Лёшкой любовь? Не получилось. Ничего не объясняя Харону, сбежала... Хотя знала, чувствовала - он пылко и упрямо меня любил. Так я с ним больше и не виделась.

Но этой авантюры мне показалось мало, и я продолжила эксперименты... Встретившись случайно на бульваре с молодым - «подающим надежды» - художником, поплелась к нему в мастерскую, ничуть не задумываясь о последствиях...

А там... О, кошмар! На каком-то сомнительном ложе предавалась буйной страсти, выжигая внутри себя все чувства... а потом в крошечном, тёмном, обшарпанном туалете смывала с себя следы греха коньяком.

Мерзость - вперемежку с интеллектуальными разговорами об искусстве...

Но разве не трагедия, когда тебя отвергают? Не хотят твоей любви? А ты чувствуешь, что всё равно ещё трепещет необъяснимая связь с человеком, который от тебя отвернулся. Нет ей определения, неведомой этой нити, но ты твёрдо знаешь, что это - судьба.

Я Лёше о таком предопределении сказала, но он только посмеялся: «средневековые бредни», «грёзы барышни»...

Его никогда не покидало ощущение, что мы с ним из разных слоёв общества: я из интеллигентной семьи, артистической, а он... Постоянно говорил о моих «белых ручках», непригодности к трудностям жизни...

Но разве для любви имеет значение, из какого ты теста слеплен?

Так я тщилась найти оправдание для своих падений. Вполне сознавая, что грешна-то я не перед Лёшей, а перед собственной любовью. Так низко пасть в неистовстве мизантропии! Как же дальше жить? Ну, Дашка, натворила ты дел...

И вдруг решила: эх, где наша не пропадала, начну всё заново! Уеду в Сибирь, там меня никто не знает... Буду работать, найду хорошего парня, замуж выйду, детей нарожаю... Не сошёлся свет клином на Лёшке. Обойдёмся и без него...

...Только как хочется Лёшу увидеть, почувствовать тепло его рук, услышать голос, - упрямо ныла душа.

Жора прервал чтение и посмотрел на Лидию Сергеевну, она лежала с закрытыми глазами. Он решил, что она уснула, но Лидия сказала:

- Почему замолчал?
- Запись оборвалась, идёт текст главы «Персей спасает Андромеду».
- А... я знаю этот миф. Персей спасает прикованную к скале Андромеду от морского чудовища, женится на ней, но её первый жених требует вернуть невесту. Кажется, звали его Финей. И начал он войну, но Персей победил, показав врагам голову Медузы Горгоны. Потому что от её взгляда враги превращались в камень. И сам Финей стал мраморной статуей...

Я подумала - каждый имеет в запасе собственную Медузу. В силу обстоятельств мы сознательно отрешиваемся от врагов, от бывших друзей и даже от любимых, оставляя их окаменелыми в отрезках нашей памяти. Если подсчитать, то у меня самой - целый сад камней... И есть право: дать кому-то из них «живой воды» или нет; вернуть в свою жизнь - либо забыть навсегда... Вот, разве что - обиды остаются под сердцем, ноют... Люди именно от этого инфаркты и получают. Человеческое сердце может выдержать не всё и не всегда... А смерти всё равно: генерал ты или дворник, вор или праведник.

- Странно вы мыслите, Лидия Сергеевна..., - ответил Жора, перелистывая страницу за страницей. - О, опять записи пошли в конце главы! - воскликнул он.

- Читай, читай, пожалуйста, мне интересно.
- Так... не могу первую строчку разобрать, сейчас, подождите чуть-чуть... Гм... понятно.

* * *

Я родила сына Максимку.

Уже три года живу в сибирском небольшом городке, приатке военного, засекреченного завода.

Я попала сюда по особому распределению и вполне довольна назначением.

Степан Ильич Сычев был главным инженером завода, когда я его впервые встретила. Женат, в почёте... Однажды мы вместе с ним поехали в командировку в Москву и... Да, согрешили, как говорится ... И я забеременела.

Когда он узнал об этом, то развёлся с женой. Детей у них не было, он и женился на мне.

Степан старше на целых десять лет, относится ко мне как к маленькому ребёнку. Балует...

Моя семейная жизнь идёт спокойно, мерно. По плану.

Счастлива ли я? Обожаю маленького сынишку, уважаю мужа и честно отношусь к работе.

Все считают нас прекрасной парой и образцовой семьёй.

Всё хорошо, только иногда, ночами, закрою глаза и вижу, как, взявшись за руки с Лёшкой, катаюсь на коньках или в подъезде дома целую его распалённые губы. Дрожь пронзает тело, и... Тогда я часами не могу уснуть, придумываю нашу с

Лёшей встречу и мои первые приветственные слова...

Я оборвала все связи со старыми друзьями, закрыла их пеленой забвения, даже лучшей подруге Люське не звоню и не пишу писем. Из моей питерской жизни остались отец, мать и сестра. У неё двое детей - погодки, дочка и сын.

Впрочем, на новом месте я обросла знакомствами, в основном это сослуживцы мужа. Со временем я заметила, что, как и в юности, предпочитаю быть одна. В одиночестве нахожу покой и свободу для себя и время для моих нерадостных потаённых мыслей.

- А дальше полстраницы вымаранного текста, и я не могу ничего разобрать, - без всякой паузы сказал Жора.

- Так найди, где её рукопись продолжается, переверни страницу, посмотри, - нетерпеливо ответила Лидия Сергеевна, - интересно, Даша встретится с Лёшей или нет? Напишет ли она об этой встрече?

- Не знаю, не знаю, - шелестя страничками книги, торопливо ответил Жора, - кажется, есть продолжение...

- Я слушаю, я не устала, - упредила его вопрос Лидия Сергеевна.

- Хорошо. Итак...

Глава девятая

ВСТРЕЧА

В тот год стояла снежная и суровая зима, из-за бурана самолёты не летали, и я вынуждена была ехать поездом до Москвы, чтобы отчитаться в Министерстве...

Открыла дверь в купе литерного вагона поезда «Новосибирск-Москва», и мужчина с женщиной, стоявшие в проходе, резко обернулись.

Крик «Лёша» застрял у меня в горле. Я узнала его в первую же секунду. Сказать, что растерянность или изумление пригвоздили меня на одном месте - значит не сказать ничего. Пожалуй - столбняк, удар молнии, пронзивший каждую клетку тела! Спустя пять лет я увидела живым и невредимым человека, которого искала во снах, ждала наяву.

- Здравствуйте! Вы наша попутчица?! - бодрым колокольчиком прозвенел голос женщины.

- Да...

- У вас нижняя полка?

- Да, - отвечая, я заметила детские головки и озорные глаза, внимательно разглядывающие меня из угла купе. Две маленькие девочки сидели, тесно прижавшись друг к другу возле откидного купейного столика, на котором кучкой лежал традиционный дорожный набор: яйца вкрутую, варёная картошка, нарезанная колбаса и стояли две бутылки лимонада.

Застывший взгляд Алексея был красноречив - я словно отражалась в нём: молодая красивая особа в щегольской норковой шубке, с покрасневшими от мороза щеками, нервно сдёргивающая перчатку с руки. Указательный палец никак не хотел обнажиться, от лихорадочности движений мой чемоданчик со стуком соскользнул

на пол. Ни один нормальный человек, держа багаж в одной руке, не сможет ею снять перчатку с другой.

Я знала, что выгляжу нелепо. «Здравствуй, Даша», - говорили его глаза. «Кажется, вы мне кого-то напоминаете...», - отвечали мои. «Помнишь...». «О чём это вы?»

Молчаливый диалог прервался голосом его жены.

- Лёша, ну что ты стоишь, помоги! - прикрикнула женщина. - Это - мой муж, - кивнула она, - зовут Алексей, а меня Татьяна. А это - наши девочки, - показала она в сторону дочерей. Они погодки, светленькая - Аня, а младшую зовут Света.

«Ни одну из дочерей моим именем не назвал», - почему-то подумала я.

- А вас как зовут?

- Меня? Да... Наташа, - прозвучал мой ответ.

- Наташа, рада познакомиться. Скажите, пожалуйста, вы не могли бы уступить девочкам нижнюю полку, а то я побаиваюсь укладывать их на верхнюю, - знаете, вдруг поезд дёрнется, затормозит, да и мало ли что...

- Да, да, конечно..., я не возражаю.

- Вы бы шубу сняли, в купе тепло. Леша, выйди, Наташе надо переодеться.

Он послушно открыл дверь и вышел в коридор. Ни слова, ни жеста в мою сторону.

Я облегчённо вздохнула и присела на краешек полки, а чемодан так и остался стоять посередине. Бойкая Татьяна подняла его и поставила рядом со мной. Полувывернутая перчатка, застрявшая на указательном пальце, мешала, и я наконец-то её сняла. Обручальное кольцо блестело ярким золотом...

- Наташа, а ты - замужем? Ой, я как-то сразу на ты перешла, ничего? - смущённо спросила Таня.

- Ничего-ничего... Так проще, - промямлила я в ответ.

- Всё-таки двое суток вместе ехать будем. .. А у тебя дети есть?

- Есть, сын - Максимка, ему три года.

- Столько же и моей младшенькой. Да ты шубуними, в вагоне тепло.

Я сняла шапку, шубу и осталась в красном, вязаном свитере.

- Какой красивый рисунок! Ты сама вязала? - спросила Татьяна.

- Да... Рисунок из журнала «Работница», он мне понравился, и я связала свитер довольно быстро, ну, может, недели за две... Обычно перед телевизором вяжу.

- Вслепую?! Я так не могу. Правда, пыталась, но не получилось, пришлось распускать. Зато платья и костюмчики для себя и девочек сама шью, как заправская портниха.

- Да? Нет, таланта к шитью у меня никогда не было.

- Девочки, пошлите-ка мыть руки, - неожиданно оборвав разговор, Татьяна позвала детей.

Они молча слезли с вагонной полки. Мимо меня мелькнули их белые банты и широко распахнутые глаза, любопытно оглядевшие «тётю Наташу» с головы до пят.

«Странно, туалеты на стоянках закрыты, зачем детей увела?» - возникла мысль. И в этот момент мне так захотелось прижать детей к себе, вдохнуть запах их волос, поближе всмотреться в лица, - в лица дочерей моего любимого мужчины. Мне стало грустно до слёз.

Хочу научиться шить немедленно, сейчас, чтобы сшить им на лето сарафанчики с рюшками и кружевами. А потом поехать вместе на Чёрное море и наслаждаться. .. Максимка бы с ними играл.

Я резко встряхнула головой - что за бредовые мысли...

В купе зависла тяжёлая тишина. Дрожь сотрясала моё нутро, потайная, застаревшая боль привычно заныла глубоко в душе.

Итак, всё происходящее здесь называется «Драма NQ35 или Даша в купейном вагоне». А почему собственно NQ35? Какая разница?!

Папа бы сказал: в скупой декорации актёрам надлежит точно рассчитывать жесты. Задача актёра: тонко обозначить второй план и глубину драмы героя или героини... Собственно говоря, а кто же зрители? Его дети и жена...

Даша, а ты молодец: по жизни - с юмором, даже если он и чёрный... Стоп, кому дано понять - тот поймёт... Ну, что же делать?

Моя основная цель - доехать до Москвы. Самое лучшее - улечься на полку и спать. Двое суток?.. Едва ли смогу... Буду читать книжку, ходить три раза на дню в вагон-ресторан. Как можно чаще выходить из купе. Может, в другой вагон перебраться? Все места вроде проданы... Главное - держаться непринужденно и свободно, дорогая «Наташа». Это - моя сверхзадача. Итак, я неизвестная «тётя».

Роль поневоле...

Что ж, сыграем.

Жора сделал паузу, отложил книгу и включил свет в палате. Сумерки опускались на городок. В домах загорелись огни. Лидия Сергеевна терпеливо ждала.

- Жора, тебе не нравится?

- Лидия Сергеевна, ваша Дарья на мой взгляд - противоречива. Решила роль сыграть? Жизнь не кино и не театр. Дальше ничего особенного не должно случиться: у обоих семьи, налаженный быт. По - молодости у всех «любовь до гроба».

- Не хочешь читать?

- Лидия Сергеевна, мне ваши нервы и здоровье дороже, а я вижу, вы всё принимаете близко к сердцу, словно это ваша... сестра пишет. Да и пора лекарства принимать.

- Я не буду волноваться и лекарства выпью, - послушно ответила Лидия. - Жора, ну кто же на самом интересном месте останавливается?! Я от любопытства умереть могу.

- Не надо.

- Жора?!

- Я подсмотрел в тексте - дальше Даша пишет от третьего лица. Может, хотела написать рассказ или повесть, не понял я, но..., - с этими словами Жора показал Лидии Сергеевне открытую страницу, - видите, начинается со слов: «Дарья села на краешек...».

- Продолжай, продолжай!

- Какая же вы... неугомонная.

- Жо-орж!

- Ну, хорошо...

* * *

Дарья села на краешек откидной полки и медленно расстегнула замки у сапог. Ступни, обтянутые шерстяными носками, занемели, и, растирая их обеими руками, Даша задумчиво посмотрела на узор красной ковровой дорожки посередине купе. Веточки свивались с мелкими цветочками в прихотливую гирлянду и, казалось, должны тянуться по ней бесконечно, но край, спрятанный под столиком,

безжалостно обрезали на половине цветка и аккуратно оверложили.

«Странные люди, могли бы дорожку на сантиметр длиннее сделать и рисунок сохранить», - подумала Даша. «Разрушение гармонии - наипростейший способ сгубить душу», - частенько говорил отец.

Ещё папа любил утро и всегда повторял: «Помни, доченька, живи так, чтобы, открывая глаза, встречала утреннее солнце без горечи и отвращения ко вчерашнему дню, к своим поступкам. Солнечные лучи подживляют только тех, кто имеет право уважать себя». Мудрые папины уроки...

Вагон качнулся, и поезд медленно поехал, за морозными узорами на окне уплывали и здание вокзала, и провожающие на перроне, и бабки в белых передниках, одетых поверх тулупчиков, голосащие: «Пи-рож-ки-и горя-я-чие!». Девушка в шапке-ушанке, с заплаканным лицом, бежала рядом с вагоном: «Я буду тебя ждать!» - еле доносился её голос. На транспаранте мелькнула надпись «В добрый путь!».

- Путь... путь..., - шёпотом повторяла Даша.

Она резко поднялась, открыла чемодан и вытащила тёмно-синий с начесом спортивный костюм. Стянула с себя свитер, повернула твидовую юбку задом наперед и расстегнула застёжку. Пока стаскивала юбку через голову, сдвинула набок тугой узел вьющихся волос так, что шпильки разлетелись в разные стороны. Наконец, выпроставшись из множества одежек и оставшись только в тонком белье, чулках на розовых резинках и бюстгальтере, она опустилась на колени и принялась лихорадочно собирать с пола заколки. Вся грудка сброшенной одежды, включая шерстяные носки, пожалуй, весила килограмма три, ненароком Даша увидела пуговицу, которая держала правый чулок. Ну, конечно, перед самым отъездом клепка на резинке отлетела и Дарья приспособила пуговицу от старого платья, чей размер подходил, и зажим резинки её плотно держал. «Надо будет купить новый пояс в Москве, - подумала она, - стыд-то какой!»

Дверь внезапно распахнулась, замок защёлкнулся. Даша не успела среагировать, как почувствовала руки Алексея, обвившиеся вокруг неё. Они оба сидели на коленях, тесно прижавшись друг к другу.

- Дашенька...

Любовь взметнула их в пространстве, они воспарили как две одинокие чайки в полуштормовом небе, где-то в тридевятом царстве, в тридевятом государстве, над океаном. Их печальные крики прорезали лохматые чёрные тучи, затмившие уставшее солнце. Тяжёлые волны с грохотом неслись к прибрежным скалам и разбивались в мелкие брызги. Неистовство страсти втягивало их в гигантскую воронку и уносило в потоке безвременья...

В её сознании возник чей-то голос: «Море волнуется... Раз... Море волнуется... Два... Тра-та та-та-та... Замри!». Кажется, из детства, считалочка...

В дверь стучали!

- Наташа, Наташа, ты уже переоделась?

Одним рывком Алексей очутился на багажной полке над дверью. Даша лихорадочно обворачивала вокруг себя подвернувшуюся под руку юбку.

- Нет, нет, я ещё передеваюсь!! - Ответила в полном смятении, едва сдерживая дыхание и бешеное сердцебиение.

- А Лёша приходил? - тревожно звучал голос Татьяны.

- Нет, никто не приходил! - кричала Даша в ответ.

- Мама, в туалет хочу! - раздался детский голосок.

- Опять? Сейчас, сейчас пойдём, - ответила Таня.

Удаляющиеся шаги за дверью звучали в такт сверлящей Дашиной мысли: «Что будет? Что будет?». Но это был не страх. Сверху на неё вопросительно смотрел Леша.

Вся сцена казалась трагикомичной: полуголый растрёпанный любовник - между чемоданами и кошёлками прямо над её головой... За дверью его жена и дети. И сама она - со спутанными кудрями в отражении дверного зеркала, словно вспугнутое привидение.

Даша разразилась смехом. Плотнo прикрывая рот рукой, она сотрясалась от внезапных колик и... расплакалась. Мгновенно и нервно одев спортивный костюм, спешно впихнув разбросанную давеча одежду в чемодан, Даша выскользнула из купе и поспешила прочь по коридору.

«Главное уйти, уйти вовремя», - стучало её сердце.

- Дарья Белоцерковская! Дашенька! - неожиданно услышала она старческий, с хрипотцой, голос из открытой двери одного из купе.

Изумление отразилось в глазах, когда она увидела поднимающегося к ней на встречу профессора Говорова, палеонтолога из её любимой питерской коммуналки.

- Вот так встреча! Сколько лет, сколько зим! - с нескрываемой радостью восклицал профессор.

- Боже мой! Профессор Говоров! Григорий Васильевич! Какими судьбами?

- Да я в Новосибирский Академгородок ездил, к другу, он члена-корреспондента получил. Вот и тряхнул стариной, увидеться захотел. Знаете, Даша, время-то летит, а я старею...

«Пожалуй, ему за восемьдесят?! Хотя почти не изменился», - подумала Дарья.

- Вы прекрасно выглядите, и я бесконечно рада вас видеть! - искренне ответила она.

- Дашенька, проходите, присаживайтесь.

- Вы один в купе едете? - спросила Даша профессора, оглядывая пустые полки.

- Нет, просто мои попутчики - целое семейство - со свадьбы возвращаются. В двух купе едут, представьте себе, - мы не успели отъехать, как они, собравшись вместе, опять начали праздновать. Думаю, пьют, гм... дня три подряд, не меньше.

Только теперь она осознала, что из-за стенки доносятся смех с повизгиваньем и гул разговоров.

Даша мило улыбалась... Застывшая, театральная маска-улыбка скрывала ту Дарью Белоцерковскую, которая в этот момент чувствовала себя четвертованной на вертящемся колесе, воющей после пыток на дыбе, с кипящей и хлещущей во все стороны кровью из вскрытых вен и... обляпанной с ног до головы грязью... Всё попеременно... Всё...

Нет, скорей мультиличностью: одна так и застыла на гребне океанской волны, изнемогая от страсти, другая же неслась вместе с поездом, бодро набиравшим скорость, спасаясь в стремительном бегстве от супружеской измены и стыда.

Третьей... пришлось общаться с ни о чём не ведавшей Татьяной, четвёртой - с добрым профессором.

И... упрямое чувство оправдания.

Оправдания любви...

- Мне кажется, я видел вашего Алексея, не правда ли? Он тоже с вами едет?

- Я... Он едет со своей семьей. У него... жена и две дочери. По случайности я оказалась в одном купе с ними, - подчёркивая каждое слово, с придыханием, ска-

зала Даша.

- Ох!... А...

- Да... Странно. Нелепо.

Многозначительная пауза зависла в воздухе. Вдруг Говоров засуетился:

- Знаете, Дашенька, давайте-ка мы с вами почаёвничаем. Давно не виделись, будет о чём поболтать. У меня московские бублики есть и колбаска, даже шоколадные конфеты - а помните, как нам было весело перед вашим экзаменом? Тогда, у меня в комнате, я вам объяснял теорию Дарвина, разложив кучу научных талмудов, и показывал разные картинки. Вы так заразительно смеялись и даже гримасничали, будто маленькая обезьянка? Помните?

- Помню... Вы меня тогда просто спасли.

- Ну, полноте. Вы, Даша, свою пятёрку сами заработали.

В дверь просунулась голова толстой, опухшей, с тонко выщипанными бровями и красной помадой на губах, проводницы.

- Ваши билеты, пожалуйста, и по рублю за постель!

- Здравствуйте, - сказал Говоров.

- Здравсьте, зрсте, - был ответ...

- Могу ли я вас попросить о великом одолжении? - неожиданно обратился к ней профессор.

Проводница внезапно напряглась и хмуро глянула на приставучего старикашку.

- Я бы хотел поменяться местами со своей... дочерью. Понимаете, в этом купе молодёжь развесёлая едет, курят - дым коромыслом, а я - астматик! И мне покой по старости положен, я бы с превеликим удовольствием в соседнем купе с малыми детишками...

- Да мне-то какая разница, - буркнула та в ответ, - билеты давайте!

- Дашенька, где билет? - обернулся к Дарье Говоров.

- Сейчас принесу, - ответила молодая женщина, спешно протискиваясь к выходу.

В полуоткрытую дверь купе Даше было видно, что семья Алёши уже в сборе. Она глубоко вздохнула и, не дав никому возможности вставить хоть слово, лучезарно улыбаясь, в едином порыве выпалила:

- Ах, у меня такой сюрприз! Я встретила знакомых, они со свадьбы возвращаются и приглашают к себе, их сосед - пожилой мужчина, меняется со мной местами.

И тут Даша молниеносно сняла с вешалки шубу и шапку, схватила дамскую сумку с верхней полки и, поворачиваясь к изумлённой Татьяне, продолжала:

- Не волнуйтесь, мужчина будет на верхней полке, а чемодан я заберу попозже, - с этой фразой Даша вырвалась в коридор и юркнула в спасительную глубину профессорского купе.

Проводница, сидевшая с большой папкой со множеством кармашков для билетов, ошарашенно посмотрела на неё сквозь треснувшие очки.

- Вот мой билет, - не давая ей опомниться, сказала Даша, вытаскивая из сумочки билет и трёшку. - У вас сдача найдётся?

- Найдётся, найдётся, - ответила та, - а вам сколько стаканов чаю принести, четыре копейки за стакан?

- Че-ты-ре ста-ка-на, - важно протянул Говоров.

Она стала отсчитывать сдачу, но Даша её упредила.

- Ну что вы, в самом деле, такие мелочи, спасибо за помощь.
Баба пожала плечами, изобразила полуулыбку:
- Я прямо сейчас чай принесу, а потом с билетами разберусь.
- Спасибо, спасибо, вот и замечательно! - прихлопнув в ладоши, сказал профессор.

Даша с облегчением села, всё ещё держа вещи в руках.

«Просто детектив какой-то...», - подумала она.

- Дашенька, позвольте вам помочь, - мягко обратился к ней профессор, - дайте-ка сюда шубку, я её вон на тот крючок повешу.

Только теперь Дарья по-настоящему разглядела Говорова. Морщинистое лицо было усыпано старческими пятнами, но они не портили его черт, а придавали мягкость и мудрость. Совсем белые, седые волосы ещё больше подчёркивали благообразность лица старого интеллигента. Глаза понимающе улыбались сквозь тяжёлую роговую оправу очков.

- Не правда ли, как хорошо, когда «нелепость» улажена? Вам легче? Видите, как мы всё хорошо устроили.

- Благодарю вас... Вы опять меня спасли. Вот разве... насчёт оценки «отлично», в данном случае я сомневаюсь, - устало сказала Даша.

- Вам пока не дано знать вашей отметки. Бог рассудит. Уж не обессудьте, таков закон жизни, - тихо ответил профессор, - все «двойки» и «пятёрки» только в конце пути.

В это время в купе объявилась грузная проводница с чаем. Стаканы в подстаканниках мерно позвякивали в такт колесам.

Спустя несколько минут Даша и Говоров мирно пили чай и разговаривали. Неожиданно профессор, всплеснув руками, воскликнул:

- Дашенька, а вы, наверное, и не знаете, какие сенсации произошли в нашей коммуналке прошлым месяцем?!

- Нет, я давно из дома писем не получала. Редко сама пишу, всё занята... дела, заботы. Отец писал, что Изольда Вениаминовна умерла.

- Да. Ушла... Однажды утром дверной звонок заливался минут пять, никто дверь, по обыкновению, не открывал. А это из домоуправления пришли счётчики электроэнергии проверять. Я вышел из своей квартиры. Петухова на работу собиралась. В коридоре со мной столкнулась. Поняла, что я дверь открывал. Мы в глаза друг другу посмотрели и... Знаете, нас как током пронзило, бросились к Изольдиной двери. Стучали, стучали... Потом сорвали с петель, дверь у неё крепкая оказалась. Она на кровати лежит, руки на груди сложены...

Даша заметила, как у Говорова увлажнились глаза и в голосе появилась еле заметная дрожь.

- Проводили по-божески, всем двором. На похоронах было много народу. Родственников у неё - никаких. Весь нехитрый скарб - по своим распределили, мне отдали все документы, фотографии, письма, словари и книги. Мол, разберётесь со временем... Как-то вечером решил я пачку писем посмотреть и, может, адреса какие найти, людям сообщить. Только... все письма были без адреса, писала она их своему сыну. Два раза в год. Одно - в новогоднюю ночь, а второе - на его день рождения, 19 февраля... Ровно шестьдесят одно письмо... Последнее - прощальное, за день до смерти... Тридцать лет писала. Какая вера...

- Вы их все прочитали? - сдавленным голосом спросила Даша, взволнованная

услышанным.

- Нет... не все. Тяжело было читать. В одном из первых она писала, что болеет воспалением лёгких и находится в лагерном лазарете. «Сынок, тебе исполнилось три года. Я не вижу, как ты растёшь, но я знаю - ты очень подвижный малыш и часто разбиваешь коленки. Каждую ночь я слышу во сне твой голосок, и моё сердце разрывается от боли. Ты быстро запоминаешь стихи и картавишь. В моём роду все не выговаривают «р», даже я иногда грассирую. В лазарете холодно, и у меня высокая температура. Если умру, то запомни, - мама тебя очень любит».

Помню слово в слово это письмецо, написанное на рваном тетрадном листке. В последнем прощальном письме Изольда настоятельно советовала сыну найти отца по имени Джон Олсен. И писала, что про себя она сына зовет тоже Джон... Джонни... Просила прощения за всё...

- Неужели она действительно верила - он жив?

- Да, Изольда надеялась... Но это не всё... Дальше события развивались уж вовсе странно. После похорон Изольды Вениаминовны никто не мог сообразить, кому открывать дверь и, бывало, звонок заливался по несколько минут... За долгие годы все привыкли - это была её привилегия и ждали шарканья Изольдиных шагов... Само собой получилось, я заменил её, покойницу, и теперь сам открывал входную дверь коммуналки. При каждом звонке выбегал из квартиры и, как она, спрашивал: «А вы к кому?».

Мы готовились к сороковине, продукты закупили на поминки, запах компота обволакивал всю коммуналку. В воскресенье это было. Звонок не работал, электроэнергию ненадолго отключили. Вдруг настойчивый drobный стук в дверь. Прислушался: может, показалось... Но стук повторился. Отпираю замок, дверь распахивается, и на пороге стоят два высоких статных... негра!

Один - старый, седой, а второй молодой. Я от неожиданности присел и дверь пытаюсь захлопнуть. Только тот, который постарше, ногу в проём просунул и на ломаном русском кричит:

- Не закрой, я Изольда пришел!!
- А? Что? - ему отвечаю.
- Изольда живёт?

Тут меня осенило... «Проходите!» - говорю, а у самого дух захватило. Дышать не могу. Испугался, может приступ астмы начался. За горло схватился. Он меня под руку взял, что-то по английски лопочет. Я его понял, глазами показываю - со мной всё в порядке, потом оборачиваюсь и вижу - все обитатели коммуналки в коридоре молча стоят и на нас смотрят.

О, Дашенька, как же этот старик плакал... Джон Олсен... Отставной генерал... Он Изольду искал все эти годы, не мог найти, но каким-то образом узнал, что она сына родила, а от ребёнка её заставили отказаться. Он мальчика нашёл, но ему больше десятка лет пришлось продирается через разные инстанции, чтобы обнаружить своего сына в спецучреждении. И только при участии посольства смог в конце концов оформить документы на него... Я даже не спросил, каким образом Джон-старший достал питерский адрес Изольды.

Джону-младшему я в тот же день отдал все письма, он по-русски, конечно, читать умел, и английский знал, отцу переводил... Они читали вместе... каждое письмо... Забрали коробки с остатками Изольдиных вещей. А на кладбище долго стояли у

могилы. Деньги на памятник оставили. Один, всего лишь один месяц Вениаминовна не дождала до встречи...

- Значит, то, что она рассказывала - было правдой! - прошептала Даша.
- Да-а... да, невероятной, но правдой...
- А дальше?
- Дальше... Отец с сыном уехали... Через десять дней от них пришло с okazji послание - они благодарили всех за помощь.

* * *

- Это невозможно, Жора! Подожди, не читай больше, - воскликнула Лидия Сергеевна. - Слушай, мой Джон русский прекрасно знает, а покойный отец у него был генерал в отставке. Джон рассказывал мне, что его мать была русской, но в подробности никогда не вдавался!... Может... может... это и есть Изольдин сын?

- Лидия Сергеевна - это уж перебор, таких безумных совпадений не бывает, - сурово приземлил её рассудительный Жора.

- Ну почему не бывает, я думаю - бывает, - совсем уж по-детски настаивала Лидия.

В больничной палате назревала конфронтация, и, чтобы снять напряжение, Жора сказал:

- Знаете, мы из этого городка ни в какую Калифорнию не дозвонимся, так что всё равно не узнаем.

- Прости, Жора... Мне, наверное, просто захотелось, чтобы Изольдин Джон был мой Джон. Он негр, но с очень светлой кожей, и дети его тоже светлокожие...

Хочется в жизни сказок...

- Да, да, про принцесс и принцев, - закивал головой Жора.
- Ладно. Читай дальше, не буду больше тебя отвлекать.
- А вы не устали?
- Нет, нет.
- Хорошо. На чём я остановился?
- На том, как генерал и его сын благодарили...
- Да, да... Тяжёлый, однако, день выдался у этой Даши, я тоже хочу узнать, чем он закончится после её беседы с профессором.

* * *

Гудки поезда прервали грустный диалог профессора и молодой женщины. Очень отчётливо слышался монотонный стук колес.

Даша и Говоров молчали. Через некоторое время профессор Говоров деликатно зевнул, прикрыв рот ладошкой, сказал, что устал и, распрощавшись с Дарьей, ушёл в другое купе.

В глубокой задумчивости Даша расправляла постель. Забравшись под тонкое одеяло солдатского типа, она не могла уснуть и лежала с закрытыми глазами. Больше всего ей хотелось, чтобы соседи по купе как можно дольше продолжали свой праздник. Её воображение рисовало встречу профессора с Лёшей, ведь они знали друг друга. Что они скажут при встрече? И как Говоров будет забираться на верхнюю полку? Она волновалась за старика. С тех пор, как Дарья оказалась в поезде, случилось столько невероятностей, но... её разум отверг всякую попытку проанализировать события сегодняшнего дня. Головная боль наливалась виски. Кровь стучала в ритме вагонных колес.

«Надо забыть... Передохнуть...».

Некое видение прозрачной вуалью накрыло воспалённое сознание.

Полувидение-полуявь, оно разматывало свиток повествования, образы наплывали кадрами потустороннего сюрреалистического «фильма».

Тихая ночь забредала в опустевшие дома, шелестела обрывками старых газет. Люди давно отсюда ушли, здесь не были собаки, не мелькали по подворотням кошки. Мёртвый город - в забытой сибирской глуши. Изредка доносились гудки паровозов, в небе проносились самолёты, унося людей в утренние заботы, а ночь продолжала касаться сломанных детских игрушек и шуришала на полуобрушенных ступеньках зданий, около снесённых монументов, всё ближе подбираясь к лесу...

Мерцал вдали огонёк. В старой охотничьей сторожке доживала свой пасмурный век Она. Только ветер помнил её имя, только ушедшие годы таили её достижения, если таковые были. Себя она звала Старухой. Поднималась на рассвете и говорила себе: «Эх, Старуха, солнце встаёт, пора дровишки разжигать, травяного чаю попить. Лето на дворе, по ягоду идти пора, а ещё и сучья заготовить надобно.

... Чертова интеллектуалка, гляди-ка, по-деревенски заговорила, как будто и книг никогда не читала. Читала-то читала, но когда не с кем по душам побеседовать, деревенским говором легче с собой разговаривать, - теплее на душе. Окаянная моя жизнь, всё сгинуло...»

Она повторяла одни и те же слова каждый день. По вечерам иногда выла, уткнувшись в нечто такое, что в былые времена, может, и напоминало подушку. Весь скарб в теплушке был разнобойный, подобранный в брошенном городе.

Когда-то это был городок, какие раньше строили вокруг больших заводов или шахт, с детскими садами, магазинами, больницами, домом культуры, а потом завод закрыли, и жизнь в городе угасла. Северные надбавки перестали платить, никому нет дела до людей, вот они и сгинули, как-то в одночасье. Все снялись и истаяли в утренних туманах. А она осталась горевать на пепелище. Муж спился... Сына в армию забрали. А его зазнобушка ребёночка родила, бабке не показала. Сбежала неведомо куда, от стыда и людских толков.

Лес, тайга, летом не так уж и плохо, только зимой холодно и страшно. Умереть ей хотелось летом, не зимой - не любила холода и морозы.

Натянула старуха старые тренировочные с начёсом штаны, накинула тужурку на плечи, подвязалась платком, огляделась вокруг, зацепилась взглядом о вымпел ударника коммунистического труда, висящий на ржавом гвозде, подсчитала банки с тушёнкой, - вроде бы надолго хватит, целой башней стоят в углу, - и, криво ухмыльнувшись, резко распахнула дверь. Почувяв человеческий дух, мошкара лихо завилась вокруг неё, она лениво отмахивалась, переставляя ноги в больших резиновых сапогах. Эмалированное ведро мерно покачивалось в руках.

«От-шель-ни-ца, от-шель-ни-ца, - скрипела ручка, - куда денешься, не-по-дель-ни-ца».

Вдруг остановилась от толчка в сердце. На полянке берёзка стояла и вся искрилась росинками под солнцем. «Как у отца на декорациях!» - мелькнула мысль. И сам собой шквал воспоминаний захлестнул Старуху. Вспомнилась питерская коммуналка, где по коридору носилась на велосипеде с другими ребятами, и комната, где жила со своими родителями, с замужней старшей сестрой и бабушкой. Двадцать квадратных метров. Отец декоратором в театре работал, так что вместо тряпичных занавесок разделил комнату декорациями. Угол, где спали

родители, отгораживала стена, увитая плющом, а вход - с колоннами и аркой, а там, где сестра спала - мостик через речку перекинут, с перильцами и лилиями в воде. Поднимешь полог под мостом, и окажешься у сестрицы в уютной спальне, а к бабушке вела чугунная калитка с виньетки. И ещё отец берёзку на полянке нарисовал, завернёшь за деревце - там диванчик раскладной, на котором старая бабушкина пуховая шаль. Под ней зимой было так тепло, на полу стопкой лежали учебники, огрызок яблока, кукла - пластмассовый пупс, карандаши и ручки в стеклянной банке из-под майонеза, дневник с пятёрками... И голос отца: «Дашенька, кисточки помой, детка...»

Гомон студентов в университете, красный диплом и значок, нырнувший в шампанское после получения диплома. Лёшка, первая любовь, студент мехфака. Распределение - как разделение тела надвое, и ни писем от него, ни звонков...

Загс... Муж... Крик новорожденного сына...

И завывала старуха, заплакала, на колени в траву грохнулась, поползла, стеной, ведро с грохотом катилось, похоронно звеня, как колокол. «Лёша, Лёшенька!» - протягивала старая руки и ползла, ползла...

Ночь брела по мёртвому городу. К рассвету она потревожила верхушки сосен в чаще, чмокнула грязью в далёком болотце, стукнулась безмолвным криком о дверь сторожки в лесу, пробежалась по траве, зашуришила мышью в потёмках.

Заухал филин...

В поту, в ужасе, Даша очнулась от гудка поезда. Страшно ей было. По-настоящему страшно. Накрывшись с головой, зашептала молитвы, которым в детстве научила бабушка. «Надо же такому привидеться! Кошмар... Боже, боже мой! Господи, пронеси!».

Оставшееся время пути Даша избегала всяких встреч с Алексеем. Говоров частенько и дело заглядывал к ней, и они вместе ходили в вагон-ресторан, подолгу сидели за столом, рассуждали о новых фильмах и книгах или пили чай.

Глава десятая

«У КАЖДОГО ЕСТЬ СВОИ СКАЛЫ...»

Профессор Говоров стоял на платформе Ленинградского вокзала в Москве и с нетерпением ждал посадки. Ещё одна ночь в дороге - и он будет дома... Говоров любил Ленинград и знал ухмылки чуть не каждого бронзового и каменного льва Питера. Тут он задумался. Что же конкретно он любил в этом городе? Мелькнуло почему-то воспоминание, как он наблюдал за шаловливым ветерком, треплющим ленточки на бескозырьках моряков, косолапой, в раскачку, походочкой гуляющих по Невскому.

Припомнил чувство неискоренённого с годами любопытства, с которым часами бродил по залам Эрмитажа или сидел в публичной библиотеке, когда работал над очередной книгой. Но больше всего он обожал свою комнату в коммуналке, где запах старых книг напоминал об экспедициях на раскопки и о прошедшей молодости. Говоров даже ухмыльнулся: «Тоже мне, лев питерский! В старом зимнем пальто, вытертой ушанке, с выдавшим виды вещмешком за плечами. Что меня так волнует и

саднит? А... конечно...», - кивнул головой своим мыслям профессор.

В нагрудном кармане пиджака жгла записка с телефоном и адресом Алексея. Теперь жизнь решит, станет ли он, Говоров, связующим звеном между двумя молодыми людьми или нет. Прямо «бермудский треугольник» получается! Напишет ему Алексей или нет? Если да, то...

Его внимание привлекли нахохлившиеся голуби, степенно обходившие перрон вместе с прыгающими воробьями и собиравшие невидимые крошки. У одного голубя были длинные шпоры на лапках, и выглядел он величаво.

Вокзальный запах щекотал ноздри: смесь гари, мазута, пирожков и морозного воздуха, одновременно волнуящий и мерзкий. Толпа людей с чемоданами и мешками металась по перрону. Но голубям было всё равно, их не вспугнул даже медленно подъезжавший по путям поезд. Вдруг голубь со шпорами стремительно рванул в сторону движущегося состава и нырнул между вагонами. У Говорова дух захватило. А голубок, пролетев между крыш вагонов, резко взмыл в небо. «Ах, окаянный! Перепугал!», - всматриваясь в удаляющийся пернатый силуэт, подумал профессор.

«Симплегады, да, да... Симплегады. Все мы аргонавты, и у каждого есть свои скалы...», - возникшая ассоциация несколько не удивила Говорова.

* * *

В тишине больничной палаты шелест перевернутой страницы прозвучал слишком громко. Жора остановился и взглянул на Лидию Сергеевну.

- Вы знаете, что такое Симплегады? - спросил он её.
- Да, приблизительно.
- А записи оборвались как раз на главе с этим названием.
- Серьёзно?

«Герои видят, как расходятся и снова со страшным грохотом ударяются друг о друга скалы. Вспомнили герои совет пустить вперед голубя; если пролетит между скалами, то и «Арго» проплывёт невредимым мимо Симплегад... Стрелой летит голубь меж скалами. Вот скалы сомкнулись с таким грохотом, что, казалось, дрогнуло небо... Невредимым пролетел голубь меж скал, лишь кончик хвоста остался между столкнувшимися скалами... Волны кипят и клокочут кругом. Гнутя вёсла. «Арго» трещит... и закружился он, как утлый челнок. Уже сближаются скалы, сейчас столкнутся они. Гибель неминуема».

- Но в самый страшный миг богиня Афина Паллада помогла аргонавтам, одной рукой придержала скалу, а другой подтолкнула «Арго», и корабль проскочил между скал. Так спаслись аргонавты, - досказала легенду Лидия Сергеевна.

- Да... Интересно получается.
- Жора, поедem домой поездом. Не хочу здесь лежать. Не умру я по дороге. Я знаю. Не мой час ещё. Иди и купи билеты, завтра уезжаем.
- Ни в коем случае! Вас врачи не выпустят отсюда! Минимум десять дней постельного режима! Что за ребячество, Лидия Сергеевна!?
- Десять дней?! Ни за что на свете!
- Вам легче стало и...
- Ну да, только хвост зацепило...
- Здесь ваши команды не пройдут.
- А ты не спрашивал врача, потому сказать точно не можешь.
- И спрашивать не буду.
- Я... подписку дам, ответственность на себя возьму, и ты меня увезёшь

отсюда.

- Нет!!

- Ты забыл, на кого работаешь, так я тебе напомню, - вдруг тихонечко рассмеялась Лидия.

- Я... хочу, чтоб вы жили долго-долго...

- Ты ещё со мной намучаешься. Вот это могу тебе обещать, я женщина неординарная. Мою судьбу стандартной не назовёшь... А уж если глаза и губы подкрасить, то краше меня не найти. У меня дел по горло, столько надо решить. Разве сам не понимаешь?! К тому же я не желаю видеть тех молодчиков, они нас хватятся. Нам надо уезжать. Иди и договорись с доктором.

Жора с шумом бросил книгу на тумбочку и не сказал ни слова. Он внимательно смотрел на женщину, его возмущение и гнев можно было угадать только по заходившим желвакам. «Упрямая! Всё равно заставит! Если сам не сделаю, кого-нибудь уприсит, убежит. Черт, а не баба», - подумал он, встал и вышел из больничной палаты.

Вдруг у него возникла мысль, от которой стало весело: «В конце концов, у всех людей свои трудности. И тогда, в сущности, жизнь - что? Задачник под названием «Нерешаемые проблемы». Только у любого задачника в конце обозначены ответы, а у этого - нет. Зато он самый расхожий и для каждого - свой. Переиздаётся мгновенно - только порешал, что смог, а уж новый экземпляр - вот он.

Расхожее мнение гласит: нерешаемых проблем не существует. Чушь! Живём - маемся, из последних сил выбиваемся, у-ре-ша-лись. А для чего? Чтоб стыдно перед другими не было. Но человек - существо любопытное, если, как говорится, «подставить нож к горлу», то, откуда ни возмись, находится выход из положения. И вопли: «не могу больше! не получается!» - резко обрываются. Правда, иногда на поиск ответа какой-нибудь «задачки» уходят не часы, а годы, но это уж - как кому повезет...

Интересно, как долго мне придётся уговаривать доктора и сколько всё это будет стоить? Согласится ли поехать с нами? Любопытно, кто-нибудь ещё разгадывает сейчас головоломку, как и я? Но это всё - лирика. Вечереет - надо отыскать доктора...»

* * *

Жора был не единственный, кто думал, как найти наиболее разумное решение их с Лидией Сергеевной «задачки».

Далеко, на подмосковной даче, Людмила Аркадьевна готовила ужин и «ломала голову». День прошёл неспешно. Вместе с маленькой Люськой они объехали магазины, взяли большую елку, набрали новогодних игрушек, купили для Люськи тёплую куртку, сапожки, джинсы и свитерок.

Людмила Аркадьевна решила отпраздновать Новый Год с девочкой. В конце концов, праздник, который она устроит ребёнку, значил сейчас больше, чем проблемы на работе, и даже расследование взрыва. Людмиле уже сообщили, что сын нашёл родных Петуховой и сделал все необходимые приготовления...

Её занимала судьба Люськи и мысли о будущем текли сами собой, но она не знала, как ей поступить. С чего начать? В любом случае, надо отыскать мать или родственников девочки, а потом думать об удочерении. Прежде всего, она решила вместе с девочкой поехать в микрорайон, где её подобрала, отыскать дом и квартиру, поспрашивать соседей. Идея неплохая, только надо было Люське каким-то образом сказать...

Ужинали они молча, иногда девчонка с неммым вопросом исподлобья заглядывала в глаза Людмиле Аркадьевне. Наконец, женщина решилась и рассказала ей о своей задумке, и, к её изумлению, ребёнок залился слезами:

- Я не хочу туда, не надо мамку искать! - всхлипывала Люська и, зло вытирая слезы, продолжала:

- Она пьёт и на игле сидит, ничего не помнит и не знает, я её давно не видела. Не ищите её... баба Люда! Не отдавайте меня, я с вами жить хочу!

- Детка, поверь мне, я всё сделаю, чтобы ты осталась со мной, но по закону я обязана...

- Нет, - прервала её девочка, - не обязана, просто никому не говорите про меня, если скажете, то меня заберут, я лучше, лучше на улице жить бу-ду-у...

- Хорошо, хорошо, успокойся. Только, пожалуйста, хотя бы дом покажи, из машины, и номер квартиры скажи, и вообще как твоя фамилия?

- Соколова. А папка мне не родной был, пил и дрался, - продолжала с рёвом Люська.

- Как не родной? - Людмила Аркадьевна напряглась от мысли, что где-то существует родной отец ребёнка, и тогда все её планы могут резко поменяться.

- Мамка сказала!

- А... ты знаешь, где он?

- Да конечно же нет! Я его никогда не видела, - твёрдо, по-взрослому, ответила Люська.

- Так. Понятно. Не плачь, доедай и... знаешь, ещё не так поздно, и мы успеем проехать в «Пассаж», докупим одежду для тебя: платье на праздник, туфельки, - попыталась она отвлечь Люську.

- Они же дорого стоят!

- Ничего, не переживай. К тому же на Новый Год подарки положено покупать.

- Баба Люда, я вырасту, заработаю и потом вам всё отдам, - с чувством сказала Люська.

- Отдашь, отдашь, куда денешься, - улыбаясь, ответила Людмила Аркадьевна.

Люська сорвалась со стула и, шмыгая носом, спешно вытирая слёзы, схватила тарелки со стола и бросилась мыть посуду. Идея поездки в магазин была спасительной и отдаляла выяснение: кто она, откуда и где жила. Здесь была светлая, теплая кухня и ласковая женщина, там... тьма, куда Люська не желала заглядывать и отчего её мелко трясло. То и дело от волнения посуда выскользывала из её рук; хорошо, что ничего не разбилось.

Из большой комнаты шёл терпкий запах ёлочной хвои, в открытую дверь можно было видеть мигающие разноцветные лампочки. Эту ёлку, под два метра, Люська сама выбрала. Втроём, с шофёром бабы Люды, они затаскивали дерево в дом, открывали огромные коробки с блестящими игрушками, каких она отродясь не видывала и не предполагала, что такие существуют. Больше всего ей понравились фиолетовые сосульки-спирали и большие яркие шары. А Дед Мороз и Снегурочка были почти с её рост! Могли двигаться и говорить: «С Новым Годом! С Новым счастьем!».

Вчерашний вечер и сегодняшний день напоминал ей о Золушке, из старой потрёпанной детской книжки, правда, без принца, зато с бабой Людой, и девочке хотелось, чтоб эта сказка не кончалась. Она не смела поведать своей спасительнице о том, как однажды в алкогольном угаре мать таскала её за волосы, ругая

последними словами и приговаривая, что она, де, отродье Макса, гада, бросившего её и сгинувшего в Чечне. В который уже раз в её голове возникло слово «Чечня», очень странное, болючее и обидное, как будто оно было виновато во всех Люськиных бедах. Мелькнувшие воспоминания ещё больше разозлили девчонку и вдруг, обернувшись к Людмиле Аркадьевне, она сказала:

- Поехали, я покажу дом.

Люська помчалась в прихожую, лихорадочно пытаясь найти старые башмаки и ношеную-переношеную куртёшку среди обуви на полке и разных пальто, висевших на вешалке. Она нарочито не притронулась к своей новой куртке и отодвинула новые сапоги.

Людмила Аркадьевна, выйдя за ней, молча наблюдала.

- Люсенька, деточка, мы же все старые вещи с тобой вместе выбросили. Ну, не хочешь ехать, так не поедem!

Она силой попыталась притянуть ребёнка к груди:

- Всё! Всё, успокойся! Прости, прости, малыш. Всех нас, взрослых, прости.

Люське удалось вывернуться из рук женщины и, глядя на неё, нахмурившись, она громко, с хрипотцой, сказала:

- Не волнуйтесь, тётенька, мы не из лохов, на корм добудем, а супу и так привезут! Я домой хочу! К своим! Увезите меня! А то в милицию сообщу и вас посадят! Скажу, что вы меня украли или... или..., - не договорив фразы, она рванулась к двери, с силой распахнула её и, выскочив во двор, в носках побежала по снегу.

От неожиданного оборота событий Людмила Аркадьевна на секунду растерялась.

- Люська, стой! Людочка, остановись! - надрывая связки, закричала она во след, на ходу сбрасывая тапочки и впихивая ноги в сапоги.

Люська неслась по дорожке, затем резво свернула и побежала в глубину сада. Её яркий свитерок замелькал между деревьев. Утопая в снегу по колено, она вскоре выбилась из сил и села в снег, возле старой яблони. Здесь и нашла её запыхавшаяся Людмила Аркадьевна.

- Ты что?! Простудиться решила? Назло мне!? Да!? - чуть не плача, приговаривала женщина. - Я ж тебе добра желаю, сумасшедшая девчонка!

Она опустила в снег рядом с девочкой и горько, с обидой, разрыдалась.

- Дом номер 35, корпус 2, квартира 19, - медленно сказала Люська.

- Ну ведь можно ж было по-хорошему сказать, зачем убегать, Люся?

- Не знаю...

Люська брала в ладошки снег и прикладывала к разгорячённому лицу. Снежинки таяли на её щеках, смешивались с детскими слезами и мелкими ручейками текли на ворот свитера. На какое-то мгновение она замерла, а затем, раскачиваясь из стороны в сторону, заговорила монотонным голоском:

- Баба Люда, я такая несчастная, а у вас дома даже Дед Мороз разговаривает. Я не помню, когда в последний раз ела с тарелки, а вы ещё и нож с вилкой мне положили, в ста-ка-а-н молоко налили... В нашем подъезде на первом этаже жила тётя Женя, мать у неё деньги занимала, может, она вам что расскажет. Не ревите, пожалуйста, не надо... Я поеду... Я всё буду для вас делать. Я умная, я смогу. А если меня заберут...

- Никто тебя не заберёт, и... думай, что делаешь! Ты мне помочь должна, только вдвоём мы с бедой справимся, только вдвоём, понимаешь? Я ведь не обещала тебе

«кисельных берегов». У жизни свои законы, - отвечала Людмила Аркадьевна.

- Да знаю я, что такое жизнь, вам и во сне не привидится, - с тоскливой мудростью отвечала девчонка.

- Вставай! Давай из снега выбираться, а то замёрзнем, пошли в дом.

- У меня ноги промокли..., - сказала Люська.

- Ая... не могу подняться, сердце колотится. Вот умру прямо здесь, и будешь знать! - вытирая слёзы, приговаривала Людмила Аркадьевна.

Испуг промелькнул в Люськиных глазах, она протянула руки к женщине:

- Я вам помогу встать!

- Помогу, помогу...

- Да, тут такое дело... Если меня кто из моей... команды увидит... Я же деньги не принесла...

- Я помню, деньги отдадим.

Неуклюже, взявшись за руки, они выкарабкались из снега и, нахохлившись, в обнимку, спешно направились к дому.

- Люська, у тебя нос и носки... хлюпают одновременно, - вдруг сказала Людмила Аркадьевна.

На долю секунды девочка прислушалась и расхохоталась во весь голос. От её смеха на душе у женщины стало легче. «Кажется, обошлось», - подумала Людмила Аркадьевна.

Укутавшись в старую пуховую шаль и положив свою старую записную книжку на колени, Людмила перелистывала страницу за страницей, всматривалась в выцветшие почеркушки, мягко улыбалась, набредая на имена и телефоны прошлых лет.

- Ага! - неожиданно громко сказала она. - Нашла, наша!

- Что нашли? - вопросительно глядя на неё, спросила Люська, удобно устроившаяся на ковре возле ёлки и неспешно перебиравшая фиолетовые сосульки на ёлочной ветке.

- Заветный телефон! Очень был симпатичный молодой человек, друг его имел частное сыскное бюро. Да, фирма называлась «Частное сыскное бюро Егорова». А знаешь, пять лет тому назад это звучало смешно, словно из девятнадцатого века.

- И чем этот Егоров занимался?

- М... собирал данные о людях. Можно сказать: Пинкертон наших дней. Я думаю, он и поможет нам найти твоих близких. Знаешь, для начала мы соберём всю информацию, а потом будем думать как всё... правильно сделать, договорились?

- Пинкертон? Это кто?

- Хм... А вон на полке книжка стоит в коричневом переплёте, возьми и почитай.

Люська повернула голову и внимательно посмотрела на книги, ровными рядами расположившиеся на застеклённых полках.

- В школу бы тебя надо определить, хорошо, что сейчас зимние каникулы, есть время разобраться. Так, буду звонить, а ты, малыш, пойдёшь и телевизор включи.

- Я не знаю, как ваш телек включать.

- Дай-ка мне пульт, вот на журнальном столике лежит, я тебя научу им пользоваться.

Людмиле Аркадьевне понадобилось пять минут, чтобы объяснить девочке как обращаться с пультом и, забрав записную книжку, уединиться на кухне за

закрытыми дверями. Набрав нужный номер, она недолго ждала, на другом конце прозвучало: «... вне зоны досягания». Неудача её не расстроила, с первой попытки не всегда всё получается.

Подперев по-старушечьи щёки руками, Людмила Аркадьевна ощутила усталость, томная тоска разлилась по сердцу и на душе стало тяжело. Старые ходики мерно тикали в тишине кухни: тик-так, тик- так. Что-то будет? Вопрос завис без ответа. ..

Весь вечер она упорно набирала номер телефона до тех пор, пока не услышала знакомый голос.

Глава одиннадцатая

«СКАЗКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ...»

На морозном воздухе Жора громко кричал в мобильник у входа в больницу:

- Да, да, помню-помню, сколько лет-сколько зим, нет, нет, всё в порядке, ну... с переменным успехом... Номер Егорова?... Под руками нет, но я буду в Москве на этой неделе и его найду... да, конечно, помогу, какой вопрос... А девочке сколько лет?... Да... Я добро помню. Да... да. Я перезвоню, как только вернусь... Да вы что? Понял, понял... Обязательно созвонимся, до свидания.

Захлопнув крышку телефона, он пробурчал: «Ну и дела! Перестаёшь удивляться. Что за жизнь?! Уму непостижимо.»

В вестибюле, на лестничной площадке, совершенно случайно столкнулся с доктором, которого искал более часа. Объяснение вышло коротким, но бурным.

- Чёрт с вами! Поеду, не поеду, ведь не отступишься! Но только через три дня! Помрёт, сам отвечать будешь!

- Так я билеты беру?! - напирал Жора.

- Бери, бери, мать вашу всех так, - размахивая руками, негодовал доктор.

Как он мог не согласиться? Хоть предприятие рискованное - везти пациентку после инфаркта в Москву, да только таких денег, какие этот качок предложил ему - доктору с тридцатилетним стажем, не заработать и за пять лет! Хотят рисковать - пусть рискуют. К тому же, всю ответственность берут на себя...

Что ж, он приложит все усилия, чтоб больную живой довести до Москвы, а там уж - как Бог даст!

Доктора терзали сомнения, профессиональная честность и гордость твердили одно, а жизненная необходимость - другое.

- А ничего, что в новогоднюю ночь поедем, дома не заругаются? - на всякий случай спросил Жора.

- Перебьются, не последний Новый год! - коротко бросил врач и, сбежав по ступенькам, показал Жоре кулак - сам-де втравил, а теперь спрашивает.

Жорж покачал головой: «Да, деньги - великая сила, мощный рычаг, если его правильно приложить».

Достать билеты на поезд не составило труда, он управился за полтора часа и, вернувшись в больницу, первым делом помчался в палату.

- Лидия Сергеевна!

Женщина на постели пошевелилась и вопросительно глянула на него.

- Всё отлично, приказ выполнен! Врач поедет с нами, билеты в кармане на 31 число.

- Правда, он согласился? - слабым голосом спросила она.

- Ну, побушевал немного...

- Очень хорошо... Жора, я надеюсь, ты не сообщил в контору и не предупредил о нашем приезде?

- Нет, я ни с кем не разговаривал.

- Не надо. Едем без предупреждения. Кто-нибудь звонил?

- Да, был один звонок, но по личному делу.

- Жора, пожалуйста, вытащи из моей сумки ежедневник. Я должна тебе кое-что показать.

- Сейчас достану, - Жорж осторожно открыл сумку и, обнаружив книжку, передал Лидии.

Неторопливо, по алфавитной разбивке, она нашла нужную страницу и, указав пальцем на строчки, сказала:

- Перепиши эти адреса к себе.

Жора внимательно прочитал и спросил:

- А кто эти люди?

- Мои немногочисленные родственники.

- Лидия Сергеевна?!

- Да, на всякий случай, ты должен знать, кому позвонить и кого найти... Всё разделить поровну - это мой наказ... Теперь возьми ручку, будешь писать на бумаге, а не в своем «Palm», эта электронная штука не вызывает у меня доверия, - вдруг Лидия перешла на шёпот, - я продиктую тебе несколько телефонов: адвоката и банкира, их нет в моих записных, они у меня в памяти... Вырви страничку в конце книжки.

- Нет. Не надо. Никаких записей, по крайней мере, я смогу закодировать и...

- Ты что, забыл, да в России, может, самые лучшие хакеры на свете, вскроют любой компьютер, уже не говоря об этой штуковине.

- А бумажка? Средневековье какое-то! Ну, о чём мы с вами говорим?! Всё будет хорошо, перестаньте мне душу травить, спокойно до Москвы доедем, а там сами позвоните.

Лидия Сергеевна бросила на него странный взгляд, замолчала, потом, нахмутив брови, сказала:

- Знаешь, наверное, ты прав. Да, в Москве сама со всем разберусь. Я посплю, устала немного, - внезапно оборвав разговор, она закрыла глаза.

Жора, с записной книжкой в руках, смущённо потоптался на месте, не зная, что сказать или сделать, а затем всё-таки выписал адреса Лидиных родственников и, успокоившись, сел на стул возле кровати.

Лидия Сергеевна не спала, мысли плавно очерчивали круг избитых истин: «Меньше знаешь - крепче спишь... Спасение утопающего - в руках утопающего. ..». Она чувствовала себя добычей, брошенной на съедение монстрам из фильмов-ужасов. Но сердце билось и исправно толкало кровь по жилам, значит - выдержало, не позволило исчезнуть в небытии.

Огненными всполохами вдруг возникли и завибрировали звуки, лица, отголоски давно минувших событий... В груди засадило, ей стало жарко. «Сейчас моё сердце

разорвется на мелкие кусочки и все кончится, - почему-то с полным спокойствием и обреченностью подумала она, - главное, расслабиться и принять неизбежное... Молись, Лида...».

Жора прислушался - неужели почудилось? Нет... Губы Лидии едва шелестели: «Отче наш...». И он увидел, что её щеки порозовели, а на висках выступили капли пота. Жора полушепотом с тревогой спросил:

- Лидия Сергеевна, вам плохо?

Она не ответила. Жора рывком бросился к двери.

В палату вбегали медсестры, врач. «Только бы не второй инфаркт, только бы не второй...», - лихорадочно думал Жора, стараясь не путаться под ногами у озабоченно хлопотавшего вокруг Лидии медперсонала. В конце концов, его попросили выйти: «Вы здесь не помощник!».

Он вышел на улицу. Обжигая лёгкие морозным воздухом, старался не расплакаться, но не смог сдержать слёзы. Мимо прошел случайный прохожий и сквозь зубы процедил: «Здоровый качок, а плачет!» В ответ Жора успел только смахнуть слёзы и уйти в темноту, подальше от центрального входа в больницу.

Ему стало обидно - если мышцы накачены, значит, нельзя плакать, испытывать эмоции, тем более - показывать людям?

Может, у нас у всех - врождённая жестокость? Доброе слово вымолвить - сил не хватает? По душам поговорить - об этом люди давно забыли. Откровенно говорить - возбраняется?

«Впрочем, когда я сам в последний раз и кому душу открывал? Не помню, если и было, то очень, очень давно. Да и кому интересно, как я живу? Лида... Она ни разу не поинтересовалась за все эти годы, чем я дышу... Знает ли, что мой отец третий год в психиатрической? Нет. Ветеран труда, не выдержал старик... Мания преследования замучила. А мама... Только она меня и ждёт. Когда бы ни приехал: накормит, погладит по голове, ни о чём не спросит. Однажды сказал ей: не могу говорить, чем занимаюсь, и с тех пор мать не лезет с расспросами. Смотрит печальными глазами - молчит...»

В общем, в молчанку играем - «бережём друг друга». «Как живёшь, старина? Отлично!» - сказка нового времени. Сказочников развелось видимо-невидимо, а волшебников не стало - тех, что радость дарят. Я сам виноват. Оставался бы тренером, любил ведь молодых ребят тренировать, но, видишь, жизни роскошной захотелось... И что? Деньги хорошие, а счастья нет. Неправильно...

Телохранитель... Даже в критический момент со своей работой не смог справиться. Хоть и самому досталось. Думал - убьют, обоих убьют. Но Лида больше намучалась. Денег, что были наличными - не взяли... Она женщина, а как над ней издевались...

Чёрт, я и думать-то откровенно разучился - закаменело во мне всё»...

И вдруг Жора взвыл. Его крик ввинчивался в ночь, редкие прохожие вздрагивали, крестясь, в доме напротив к окнам подходили старушки.

Забились испуганные людские мысли в обшарпанных домах: «Убивают кого, что ли? Случилось что? Господи, никакого покоя!... Опять... Вроде не стреляют?! Житья нет! Кто там? Может, кто из своих?».

Но крик не повторился. «Сразу прикончили, или... обошлось!?» - гадали за стенами домов. Редкие фонари отбрасывали тусклый свет на опустевшие, с утоптаным снегом, тротуары.

До Жориного сознания донеслись голоса: «Ты что, мужик? С тобой всё в порядке? Умер, что ли, кто? Жена? Нет? Близкий человек? Друг? Нервы сдали... Валерьянки несите. Ну, пошли, пошли... Ребята, заводите его обратно в госпиталь. Вот так. Давай, садись. Стул поближе пододвиньте... Воды дайте... Ох, горюшко-горе!» Его трясли за плечо.

- Жора, она в порядке, ложная тревога, Жора, посмотрите на меня. Вы меня слышите?

Жорж поднял голову и встретился глазами со старшей медсестрой.

- Да слышу я, слышу.

- Ну ты, брат, даёшь, всю округу перепугал, - прозвучал мужской голос.

- Извините...

- Душа у парня не выдержала, - сказала пожилая женщина в пуховой шали.

- Перенапрягся, - констатировал молодой человек в тёплой тёмно-зелёной куртке...

- Спасибо... Спасибо за помощь, за доброту, - с благодарностью отвечал Жора, всматриваясь в лица окружающих.

Его взгляд успел зацепить жёлтые потоки на стенах вестибюля, разошедшиеся доски пола и облупившуюся краску на ножках стула.

- Да ладно, в жизни всякое бывает, - настороженно улыбаясь, протянул мужчина.

- Встать можешь? - спросила его медсестра.

- Конечно, - сказал Жора.

- Тогда пойдём, ваша подопечная ждет.

- Да, да...

Два следующих дня выдались спокойными. Поздно вечером в день отъезда доктор пришёл со старым коричневым саквояжем, набитым медикаментами, небольшим чемоданчиком и туго свёрнутым стёганым одеялом. Он выглядел сосредоточенным и хмурым. Поезд отходил в 22 часа 45 минут и на стоянке в этом городишке стоял только десять минут. Жора и врач заранее обсудили, каким образом они доедут до вокзала и занесут в купе Лидию. Каталка из приёмного покоя уже стояла возле стены.

За полчаса до прихода поезда оба присели на краешек её кровати и доктор, глубоко вздохнув, сказал:

- Помолчим перед дорогой, как положено.

Пауза была недолгой.

- Ну, с Богом!

Врач подтащил каталку поближе к кровати, Жора положил на неё тёплое одеяло, и, взявшись с двух сторон за концы простыни, они осторожно перенесли Аиду на импровизированное ложе. Укутав её поплотнее, врач покатил каталку по коридору, а Жора, собрав Лидины вещи и оставшийся скарб, состоявший из саквояжа и чемодана доктора, поспешил им вослед. Во дворе больницы стояла наготове машина скорой помощи.

Поезд опоздал на двадцать минут, и ожидание казалось бесконечным. Когда же состав подошёл к перрону, у вагона столпились люди. Хорошо, что Жора договорился с проводником и тот открыл вторую дверь вагона, но носилки, на которые они переложили Лидию Сергеевну, невозможно было развернуть в узком проходе. И Жоре пришлось, встав на колени, бережно взять Лиду на руки, словно ребёнка, и

медленно, протискиваясь в коридор, по стеночке, добраться до купе.

Пассажиры пятились назад по коридору, чертыхаясь и охая, а доктор, размахивая в воздухе саквояжем, кричал из-за Жориного плеча:

- Назад, назад, не видите, что ли, больного несут!

За спиной врача шёл водитель неотложки, у него на шее болталась сумка Лидии Сергеевны, а в руках завязанная в большой узел простыня с шубой и вещами Лиды, а также с наскоро купленной сменой одежды для Жоры.

В тускло освещённом купе Жора осторожно устраивал Лиду на нижней полке. Поезд трянуло, и состав начал медленно отъезжать от станции. В коридоре кто-то громко топая, истошно кричал: «Вася, братан, с наступающим! Колян, шампанское купил? А селёдку прихватил?»

Жора, перехватив взгляд водителя, стоявшего в дверях купе, спешно вытащил стодолларовую бумажку:

- Спасибо, друг, поспеши, поезд отходит!

- Вам спасибо, с Новым годом! И... счастливого пути!

Наскоро попрощавшись, он протопал к тамбуру и на ходу спрыгнул с подножки, а на платформе, обернувшись, махнул вслед уходящему поезду. «Ну и дела..., - подумал парень, нервно комкая купюру в кармане, - месяц можно жить спокойно с такими деньгами».

В купе доктор выглядел взволнованным и суетливым. Первым делом - измерил давление Лидии Сергеевны. Вытерев пот со лба, открыл свой саквояж - на откидном столике появились баночки, бутылочки, ампулы, упаковки с одноразовыми шприцами. Наконец, вытащил бутылку шампанского и четыре стеклянных фужера.

- Всё-таки праздник, - как-то виновато промолвил он и, подмигнув Жоре, опять засунул руку в саквояж. Пошелестев целлофаном в глубине, вытянул пакет, из которого торчали палки сухой колбасы, галеты и мандарины. Запах мандаринов напомнил о детских новогодних подарках.

- Ну, вы просто Дед Мороз! - воскликнул Жора и посмотрел на Лидию Сергеевну.

За всё суматошное время посадки она не произнесла ни одного слова, только посматривала на всех с участием или закрывала глаза. Лида лежала на двух матрасах, закрытая под самое горло одеялами. Неожиданно дверь купе отодвинулась, и в ней показалась кудрявая старшая медсестра из госпиталя.

- Вот так сюрприз! - удивлённо сказал Жора.

- Это моя жена! Не захотела без меня Новый год праздновать, да и помощь в дороге никогда не лишняя, - смущённо объяснил доктор.

- Ой, как хорошо, что вы с нами поедете! - вдруг воскликнула Лидия Сергеевна.

- Добрый вечер, как себя чувствуете? - спросила женщина.

- Хорошо, Елена Дмитриевна. Пусть мужчины выйдут, мне с вами поговорить надо, - сказала Лида.

Жора и врач поспешно ретировались и, выйдя в тамбур, закурили. Какое-то время стояли молча, потом в один голос сказали:

- Теперь бы доехать!

Из следующего вагона ввалилась толпа молодых, гогочущих ребят.

- Мужики, сигареткой угостите? - спросил один. Другой поинтересовался:

- А вы что же не празднуете?

- Рано ещё, до Нового года полчаса осталось, успеем, - ответил Жора, протяги-

вая пачку сигарет.

- При чём здесь Новый, мы старый год провожаем! - ребята стали наливать водку в пластиковые стаканы, которые вытащили из карманов.

- Спасибо, ребята, да не надо, неудобно как-то, - произнёс доктор.

- Давай, давай, дедуля, за здоровье вместе со всеми.

Водка забулькала, полилась по пластику, все подняли тост и, стукнув стаканами, выпили за уходящий старый год.

- А теперь и за наступающий! По второй, по кругу! - сказал самый высокий и красивый из ребят.

Человек шесть толпилось в тамбуре, от них веяло неуёмной силой и энергией юности.

- Ну, мы пошли дальше, мужики, - молодёжь с шутками и смехом отправилась дальше по вагонам.

- Молодо-зелено, - с чувством прошептал доктор.

- Пожалуй, и нам надо возвращаться, - заметил Жора.

Они вернулись в купе. Елена Дмитриевна уже хлопотала над импровизированным праздничным столом.

- А вот и мы!

- Наконец-то! Так и Новый год можно пропустить! - с наигранным возмущением бросила медсестра в сторону мужчин.

- Да мы? Да никогда! - обняв жену, сказал врач.

- А в вагоне просто столпотворение, слышите, как народ разошёлся? Поют, кричат, друг друга поздравляют, - послышался голос Лидии Сергеевны.

- Праздник - он и есть праздник, дорогая вы наша, - ответил Жора, пытаясь в спешке открыть шампанское, которое ему вручила раскрасневшаяся от напряжения Елена Дмитриевна.

- Аккуратно открывай, не испугай женщин, - требовательно сказал доктор.

- Всем приготовиться, открываю! - и пробка вылетела с шумом из бутылки.

Врач и медсестра торопливо подставляли фужеры, но шампанское, пенясь и весело булькая, обдало всех брызгами. Радуюсь, как дети, они пытались поймать струю напитка в бокалы. Даже Лидия Сергеевна заулыбалась и протянула руку, несколько капель упали ей в ладошку, и она слизнула их, причмокивая губами.

- Девушка, девушка, а вам спиртное не обязательно в таких бо-о-ль-ших количествах, - погрозил пальцем доктор и подал Лидии наполовину заполненный фужер, - только пригубить, хорошо?!

- Нет, я напьюсь назло врагам! - улыбаясь, ответила Лида.

В коридоре кто-то истошно вопил:

- С Новым годом!

- Дамы и господа! С Новым годом! С новым счастьем! - торжественно произнёс Жора.

Четыре бокала с искрящимся шампанским дружным звоном оповестили о начале скромного торжества. Поздравления и пожелания друг другу наполнили купе весёлым гулом, потом завязалась беседа на разные, ни к чему не обязывающие, темы. Врач рассказывал анекдоты, все смеялись... Колёса стучали: новыгдм-новыгдм-новыгдм... Ту-ту-ту-у-у!

Поезд нёс их в новую жизнь, в новое неизвестное, которое мы называем просто - будущее.

Очутиться, быть и дышать в самом эпицентре людской неуёмной радости – вот что, наверное, помогает больше всего превозмочь несчастья и боли. Через какое-то время все заметили, что Лидия Сергеевна мирно спала. Во сне она чему-то улыбалась. Ей не мешали уснуть музыка, возгласы опьяневших пассажиров, разговоры и смех в соседних купе, шутки доктора, от которых и Жора, и медсестра Елена хохотали без устали.

На следующий день все обязанности по уходу за больной распределились сами собой. Строго по часам Лиде давали лекарства, измеряло давление. Из вагона-ресторана приносили горячую еду. После обеда – обязательный сон, под шум продолжавшей гулять и праздновать публики.

Ближе к вечеру стало поспокойней. И опять Жора с врачом оказались в тамбуре.

– So far, so good, – вдруг по-английски произнёс доктор, чем крайне удивил Жору.

– Вы что, английский знаете?

– Приходится, – неспешно протянул врач, – у меня сын с женой и внуками в Америке живут. Знаете, странная история получилась. Он в Новосибирском университете учился. Заканчивал как раз в момент перестройки. Случайно в кафе познакомился с американцем. Когда тот узнал, что мой сын программист, пригласил к себе на работу, и не куда-нибудь, а в Лас-Вегас.

– Да что вы!

– Да, да. Представляете, 90-й год, ему грозило направление в область, а здесь такая возможность подвернулась...

– И он поехал! – подытожил Жора.

– Сначала ему пришлось долго уговаривать декана факультета, чтобы в «направлении» на работу написали: Лас-Вегас, Америка. Декан был в полном недоумении, такого еще не бывало. Однако сын у меня – кого хочешь уговорит... Мальчишка рос с детства толковым. Уломал-таки... Вполне возможно, что это «целевое направление» – шедевр «невнятного» времени! – где-нибудь в архиве подшито. Вот смеху-то... Ведь в те времена много люди не знали, многое слышали в первый раз...

Нам с матерью сын ничего не рассказывал, но однажды, после защиты диплома, пришёл с молодой девчонкой и представил как свою невесту. Это была первая новость, затем вытащил направление и говорит: «на работу мы едем в Америку, я программистом в Лас-Вегасе буду». Леночка моя от неожиданности расплакалась, сквозь слёзы еле простонала: «Как в Америку? А мы? Что же нам без тебя здесь делать, на старости лет одним оставаться?». У нас в семье кроме сына детей больше нет. Успокоили мы её, поговорили... Сыну свадьбу сыграли, сноха тоже программистом оказалась. И поехали они в Москву визу получать.

Я с Леночкой был уверен, что вся эта авантюра с Лас-Вегасовским направлением не пройдёт. Но не тут-то было. В посольстве покрутили бумажку от института, почитали приглашение от работодателя – тот заморский товарищ его прислал, – проинтервьюировали ребят, и через десять дней они получили визы. Не прошло и недели – мои молодожёны улетели в Америку. С тех пор там и живут, двоих детей воспитывают, мальчика и девочку.

– В Лас-Вегасе?

– Нет. В Лос-Анджелесе... В Лас-Вегасе фирма, в которую они приехали работать, вскоре обанкротилась.

- А как же ваш сын? - начал Жора.
- Устроился в другой компании, переехал в Калифорнию, детьми обзавёлся... Внуки на двух языках говорят... Вот и приходится тоже по-английски изъясняться.

- Да, интересно получилось... - сказал Жора, - домой приезжают?
- Приезжают, но редко. Мы с Леной хотели поехать на Рождество, но не смогли, зато в Москву попадём. Я ведь окончил Второй медицинский, с женой в Москве познакомился, она в медучилище училась и подрабатывала в роддоме. Там на практике с ней и встретился...

Знаете, Жора, Леночка счастлива, что со мной поехала. У неё в Москве лучшая подруга живёт, больше двадцати лет дружат. Познакомились в роддоме, Лена ей помогала при родах. Они сдружились. Леночка иногда с её детьми сидела. А после окончания института меня направили в наш город, с тех пор я и работаю на одном месте вот уж тридцать лет, и Лена со мной, как говорится, и днём, и ночью.

В Москву заезжаем не часто, поэтому рады возможности... Думаю, с нашей подопечной, Лидией Сергеевной, всё будет нормально. Но по приезде постарайтесь её в Склифосовского определить.

- Не знаю, с вами я смог договориться, вы всё поняли... правильно. А там могут быть сложности, ещё милиция ввяжется, и тогда проблем не оберёшься. Я думал, может, вы в Москве с нами останетесь. Знаю, Лидия Сергеевна не будет возражать и...

- Серьёзные проблемы, Жора?
- Да, но я до конца всего не могу знать и не имею права знать, а помощь ваша очень бы пригодилась.
- Надо подумать...
- Отпуск без содержания на месяц, или даже на десять дней, возможно взять? - спросил Жора.
- Я поговорю с Леной, что-нибудь решим.

Постояв немного в полном молчании, они вскоре вернулись в купе и застали женщин, тихо обсуждающих рецепты китайской кухни. Повернувшись к Жоре, Лидия воскликнула:

- Жора, думаю, я утомила Елену Дмитриевну; может, ты посидишь и прочитаешь мне, а доктор и Елена Дмитриевна сходят в вагон-ресторан, отдохнут от меня.

- Кстати, я прихватил свежие газеты и пару журналов, хотите? - спросил врач.
- Нет, нет, у нас книга заветная есть, - ответила Лидия Сергеевна, - спасибо.
Свет от лампы у изголовья отбрасывал тени на лицо Лиды, и Жора заметил серебряные нити у неё в волосах. «Седина! Несколько волосков, кошмар, всего-то прошло немного дней, но... какая же она красивая», - подумал он.

Вскоре Жорж, устроившись поудобнее на краю её полки, открыл книгу и спросил :
- Начнем с места, где остановились, да?
- Нет, прочитай мне про Одиссея, хотя... Посмотри, закончился ли дневник, или «продолжение следует»?

- Сейчас посмотрю... Нет, пока записей больше не вижу; может, дальше будут.
Заглянул в оглавление и нашел главу о странствиях Одиссея.
- Изложено по поэме Гомера «Одиссея». Итак...

«Много тяжких бед, много грозных опасностей претерпел Одиссей, возвращаясь из-под Трои на Итаку. Всех спутников потерял он в пути, все погибли они, никого не

пощадил злой рок...»

Более часа Лидия Сергеевна внимательно слушала истории далёкого прошлого о странствиях героя. Неожиданно, перевернув очередную страницу, Жора воскликнул:

- О, смотрите-ка, опять Дарьины записи! Удивительный у неё почерк, каллиграфический, так сейчас уже никто не пишет. Почитать?

- Да, конечно, мне интересно, как разворачиваются дальше события её жизни.

В это время в купе вернулись попутчики, и прямо с порога доктор, услышав последние слова Лидии, с лёгкой иронией спросил:

- Неужели кто-то живёт ещё более насыщенной жизнью, нежели вы?

- В госпитале мы читали дневник, написанный между строк в книге, которую я случайно, а, может быть, и не случайно, купила в Новосибирске, - ответила Лидия Сергеевна. - Как и у каждого из нас, в жизни женщины, написавшей дневник, было много увлекательных и горьких моментов.

- Роман в романе?

- Не совсем. Пожалуй, роман в легендах и мифах, - улыбнулась Лидия.

- Расскажите-ка, расскажите-ка, теперь и мне любопытно, - сказал доктор.

Вкратце, иногда перебивая друг друга, Лидия и Жора рассказывали о Даше. Немного погодя, чтению внимали три слушателя, с нетерпением ожидавшие продолжения истории женщины, с которой ни один из них никогда не встречался...

Глава двенадцатая

«ЕСЛИ ВАШЕ СЕРДЦЕ ОСТЫЛО...»

Дашины записи продолжались со слов:

«Примитивность» нашего семейного бытия означала для меня, окружающих людей, друзей и родственников - формулу счастливой жизни.

В самом деле - чего же ещё желать?

Каждое утро в течение многих лет проходило по одному и тому же сценарию. Спрыгнув с кровати, я быстро неслась умываться, чистить зубы, одеваться на ходу, поднимая сынишку с постели, приводя его в порядок и потом, с шутками или слезами, что зависело от многих составляющих, бежала в детский сад, а через несколько лет в школу (до второго класса я водила Максимку сама).

Следующим пунктом моего утреннего марафона была работа, а вечером обратно по тому же кругу: с работы за Максимкой, домой, иногда через продуктовый магазин или кулинарию, ужин, телевизор, новости...

И так - годами...

Каждое лето мы с семьёй уезжали в Ялту или Сочи, иногда - в Ленинград, встречались с моими родителями и сестрой. Н-ский городок, в котором мы жили - засекреченный стратегический объект, и даже мои близкие за все годы смогли приехать ко мне в гости только один раз. Оформление документов занимало много времени, поэтому проще было нам самим ездить к родственникам. Мы никогда не касались в разговорах нашей работы - об этом не принято было говорить, - подписка о неразглашении обязывала молчать 25 лет.

«Закрытые», мы имели свои преимущества: огромные зарплаты, по тому времени многим недоступные, лучшие продукты, импортную одежду, санатории и дома отдыха по всему Союзу, в любое время года.

... Осень начиналась с походов в лес за грибами и ягодами, соленья огурцов и помидоров, варки варенья. Запомнилась наполненная огурцами ванна и моё раздражение: «До каких пор это консервирование будет продолжаться?». Каждую осень мои ладони были практически ошпарены - сотни банок закручены. Рецепты достались от бабушки. Наши друзья считали, что мои соленья самые лучшие.

Зимой, если погода позволяла, ходили на лыжах, иногда муж уезжал на охоту с друзьями. Помню, один раз и я ездила к дальней сторожке, в тайгу. И чувства, возникшие при виде этой избушки, были странные - мороз по спине пробежал. Только красота заиндевеливших деревьев и искристого снега, чистый воздух и ещё полудикий кот, живший в сторожке, умиротворили и успокоили меня. Дорога к зимовью - на удивление простая: каких-то несколько километров от города - и ты в непроходимом лесу.

Так уж повелось, что зимними вечерами я вязала свитера, размеры и цвет которых с годами менялись.

А по весне белила стены квартиры, гасила известку и добавляла синьки, то чуть-чуть, то побольше... Ставила подснежники в маленькие стаканчики...

Много лет мы жили мирно и... смирно, налаженно: с супругом не ссорились, друг на друга по пустякам не дулись, часто интеллигентно дискутировали о новых фильмах и книгах, на премиальные делали покупки в дом или для себя, иногда ходили на концерты заезжих артистов, отмечали юбилеи и дни рождения... Случались и горестные события, и мы ездили на похороны или на поминки, провожали покидающих город друзей или уходящих на пенсию коллег...

Со временем мы всё реже и реже появлялись в Ленинграде, из обитателей моей «детской» коммуналки - кто был постарше, почти никого не осталось, а нас, молодых, развела жизнь и разность интересов.

Профессор Говоров пережил многих, он ушёл из жизни в 97 лет, я не смогла приехать на похороны, только не спала всю ночь, лежала с открытыми глазами, не проронив ни слезинки. Новость обнажила глубокие раны...

Пятнадцать лет прошло после встречи с Говоровым в поезде. Пятнадцать лет пролетели, будто не было ничего.

Спустя месяц после смерти Говорова получила посылку по почте, вскрыла и обнаружила письмо от профессора и пачку писем, обвязанную бечевкой.

«Дорогая Дашенька! Спасибо за Ваше внимание в течение всех прошедших лет. Время ухода для меня наступило. Я готов уйти, и хочу сказать Вам, что моя жизнь была интересной и насыщенной. Да, я много чего сделал. У меня были талантливые ученики, я написал более 50 книг и учёных трудов. Я познал радость и горе, прошёл через много испытаний. Я состоялся. Наверное, не каждому человеку дано это сказать. В свои лета я могу себе позволить спокойно произнести: «Я устал от жизни». Когда меня не станет, не горюйте обо мне, благословите мою душу и простите... Единственное, что осталось исполнить - это невольное обязательство, которое я взял на себя... Дашенька, если Ваше сердце «остыло», то уничтожьте Алёшины письма, не читайте, если же Ваши чувства к этому человеку сохранились - его письма у Вас в руках. Ваш выбор, Дашенька! Я не смог отдать их раньше, считал - не имею права.

За десятилетие вы оба ни разу не попросили ни адреса, ни телефонов друг друга, но что-то в Ваших и Алёшиных вестях ко мне говорило, «это написано не только для Говорова». Я знаю многое о жизни двух людей, любивших когда-то друг друга. Пишу Вам, и передо мной лежат два пакета с письмами, не достигшими адресата. Сегодня я отправлю две бандероли в разные концы страны. Господи, спаси и благослови Вас. Прощайте, Дашенька, будьте живы-здоровы. Профессор Говоров».

Мои руки тряслись. Мне казалось, я сейчас задохнусь, и обморок скосит меня на затоптанный пол маленькой почты, где я знаю по имени каждого работника. Я забрала посылку и уехала в парк. Села на скамейку и долго смотрела на пачку с письмами Алексея. Наконец, взяла и развязала бечёвку, потом опять завязала и бросила пакет в стоящую рядом урну. Откинувшись на спинку скамейки, прислушалась к зову внутри... Возникнет!? Нет!? Зов - чего? Сердца? Души? Не было мыслей, не было чувств...

Я ждала чего угодно: книги, фотографии, но не этой бандероли...

Любознательство, единственная живая вибрация, возникшая в душе, заставило меня вытащить из мусора пачку и вскрыть письма.

Я начала читать и передо мной раскрывалась история когда-то любимого мужчины..

Но в какой момент моей жизни я так жадно читаю эти строки?! Почему именно сейчас!?

Я нахожусь в той поре, когда для меня уже ничего светлого не существует и не может существовать. Мои сетования счастливого человека по поводу «примитивности жизни» развеялись как дым два года тому назад. Я бы рада вернуть ту многолетнюю монотонность и покой, но уввы...

Сегодня, 17 апреля 1996 года - я одна... Вдова... И - мать без вести пропавшего солдата в Чеченской войне...

С ужасом понимаю, что воспоминания о той сумасшедшей встрече с Алексеем в вагоне, а также благообразном лице профессора Говорова в купе, внезапно переносят меня в сновидение-пророчество, что я увидела, лёжа на верхней полке поезда Новосибирск-Москва. Я, казалось, давно о нём забыла, но сейчас, когда держу в руках письма Алексея, зыбкие, страшные картины-видения мгновенно приоткрыли мне истину, которую я не могла принять и объяснить в то время...

Ах, какое безрассудство! Не вникнуть в суть провидения! Какой жуткий, не восполнимый ничем обвал всей жизни, тяжесть которого давит на грудь, плавит мозг, иссушает слезы. Почему я ничего не смогла предугадать, остановить, задержать?! Почему? Если бы я...

Ах, сынок, зачем же тебе надо было ввязаться в эту драку, попасть в КПЗ, а мне взять потом на себя ответственность и, вытаскивая тебя из тюрьмы, отправить в армию. Я так виновата, так виновата, лучше б ты получил по заслугам, но остался жив... А так...

В ноябре забрили моего мальчика, а в конце декабря 1994 года...

Я сначала даже не смогла понять, что это означает - «без вести пропавший», хоть и читала в книгах об Отечественной войне, да в фильмах видела... Вот не думала-не гадала, что мне придётся держать в руках это грозное оповещение, а потом ночами уговаривать себя, вопреки всему верить - мой сын найдётся. Молить Всевышнего о чуде...

Ходила по Максимкиным друзьям, спрашивала о девушке, с которой он

встречался, может, сын ей писал... Но она уехала. Я, грешным делом, хотела, чтобы... она «нагуляла» от него. Даже незнакома была с ней - а хотела. Максим ни разу её в дом не привёл, не познакомил.

Муж мой запил, а через год сгорел. Похоронила. В старуху превратилась - люди шарахаются, знакомые устали утешать... Всё во мне уничтожено... И вокруг меня...

Город умирает.

Людям годами, месяцами не платят зарплату, и они покидают насиженные места..

На улице всё больше пустых домов, осколки разбитых стёкол на тротуарах, зияющие пасти окон. Будто «всеобщий погром» или нашествие прошли огнём и мечом по Н-ску - закрыт завод, опустошены детские сады, заколочены двери школ.

Гласно перестроили, согласно угробили...

Захудалый бизнес - и тот отвернулся, какая уж прибыль в умирающем городе...

Один шорох остался от старых газет и вздохи измученных душ, уходящих на поиск лучшей доли...

Города-мертвецы - символ прошлого, предостережение для будущего, сколько их по стране разбросано...

А бездомные брошенные собаки собираются в стаи, уходят в тайгу, дичают...

И вдруг, словно молния рассекла мои раздумья - сверкнуло решение! Я знала, куда ехать - на зимовку! Туда мы с мужем однажды на охоту ходили, там меня никто не найдёт, да и кому я нужна... Всех разогнала, от всех отказалась. Горе и я - вот всё, что осталось. Рифма...

Не дочитав писем, я положила их в сумку и помчалась к себе на квартиру собрать пожитки и - бежать, бежать...

У Жоры перехватило дыхание, и он остановился:

- Лидия Сергеевна, а...

- Жора, это всё страшно... И я думаю... Нет... таких совпадений в мире не бывает, хотя кто знает...

- Что? Что? - произнёс доктор.

- Знаете, мне в Новосибирске, в приватной беседе, замгубернатора предложил восстановить Н-ск. Там гигантские производственные площади пустуют. Бесплатно отдавал... Его бы будущие налоги устраивали... Из 14 тысяч населения осталось, может, человек двести, а то и меньше, только те, кому ехать было некуда в 90-е годы. Тяжёлая была пора, скрывать нечего, для людей тяжёлая. По Дашиним описаниям, город похож на то, что я своими глазами видела. Мы смогли проехать туда, - ответила Лидия.

- Боже, сколько всего произошло за последние годы, - протянула медсестра, - бедная женщина, это не дневник - это исповедь... одна из многих...

- Я узнала её историю с самого начала... Но не предполагала, что так всё обернётся, - глухо звучал голос Лидии Сергеевны под мерный стук колес.

Молчание, набухшее печалью, медленно обволакивало купе. Через некоторое время доктор задумчиво произнёс:

- Лидия Сергеевна, такие, как вы, богатые и деловые, может, и поднимете страну. Не забывайте простой народ. Мы все - и есть Россия.

Лида не ответила, а Жора, выдержав небольшую паузу, перевёл взгляд на следующую страницу и начал читать дальше.

* * *

Мне понадобилось три дня, - продолжала Даша, - чтобы уволиться с несуществующей работы, закупить побольше продуктов, завязать в тяжёлые узлы необходимые вещи, взять любимые книги, альбомы с фотографиями, старое ружьё с патронами, попросить грузовик у почтовиков и, закрыв на два ключа дверь своей квартиры, - с коврами, хрусталём, задёрнутыми плотно портьерами и отголосками былых счастливых мгновений и печалей, - исчезнуть из людского поля зрения, раствориться во времени.

Очень скоро я обвыклась на новом месте, обустроилась, и только тогда, спустя несколько дней, при свете керосиновой лампы, открыла очередной «Авиаконверт» с обратным адресом Алеши. 103 письма... Бисерным, знакомым почерком... Я изложу его историю по памяти...

Алексей Кириллов - сын секретаря Ленинградского обкома партии. Отец имел персональную «Волгу», ответственную работу и множество связей. Человек он был понимающий, курировал военно-промышленный комплекс. Вечно занятый, отец знал, как руководить людьми, допоздна задерживался на работе, сидел на совещаниях. В день защиты диплома Алёши он вырвался в обеденный перерыв, чтобы поздравить сына.

В столовой накрывала на стол домработница Нюра. С порога Алексея ждали объятия отца и матери.

- Сын, поздравляю, горжусь, горжусь, - рокотал Кириллов-старший.

Мать, со слезами на глазах, расцеловала в обе щеки сразу повзрослевшего сына.

Во время обеда Алёша возбужденно рассказывал о защите, смеялся - один из ватмановских листов проекта неожиданно слетел, спланировал на пол, и ему пришлось, не прерывая презентации, вешать его обратно. Сейчас этот казус, от которого он на защите диплома похолодел, казался анекдотичным...

Отец разлил коньяк и, прерывая Алёшу, произнес выразительный тост, а потом попросил жену и Нюру оставить его с сыном одних для мужского разговора. Женщины ретировались, унося с собой посуду и остатки еды.

- Лёша, давай поговорим о будущем, я ведь не знаю, когда ещё выпадет свободная минута, - очень серьёзно начал отец.

- Я думаю, ты прекрасно понимаешь, как трудно было выправить тебе направление в Магадан. Только благодаря Ершову тебе прислали вызов. С ним мы - давнишние приятели, он поможет тебе встать на ноги. В начале будешь работать инженером на карьере, через год подашь в члены партии, пройдет пару лет - максимум! - поставят начальником. Ершов - большой человек в Магадане и области. В Москве, наверно, - и отец многозначительно показал на потолок, - к нему прислушиваются... Если всё пойдёт так, как я думаю, лет через десять ты займёшь его место.

- Пап, ну, что ты беспокоишься, я же практику там проходил, уже знаю, что к чему. Я ж горняк.

- Практику... Да, мне доложили, знаю я твою... практику. Горняки-сопляки, дважды напился до состояния изумления в общаге, чуть не подрался...

«Вот черт...», - только и успел подумать Лёша.

- Кстати, куда Димку направили?

- Димка едет в Нижневартовск, в глухомань.
- Глухомань, говоришь... Нет, друг мой, это - природные ресурсы. Лёшка, запомни, что я тебе скажу, не для разглашения, для тебя скажу: через десять лет жизнь резко поменяется. Очень разные и... противоречивые процессы идут в стране и в партии. Ко всему надо быть готовым. Кто руководит ресурсами - нефтью, золотом, металлами, - тот руководит всем. Золотой телец - без него нельзя. Заметил - даже твоя мать совсем сдурела, без конца золотые изделия покупает, то кольца, то цепочки. Всё боится, на «чёрный день» собирает, как будто мало ей, что сейчас имеет... Так что... Думай о будущем и работай на будущее.

- Я понял, - ответил Алёша.
- Жениться пока не рекомендую.
- Пап...
- Не ре-ко-мен-ду-ю, - твёрдо произнес отец.
- Мы с Дашей любим друг друга.
- Знаю, но не время. Подожди год-другой. Ждала же Пенелопа Одиссея, - с недоброй ухмылкой сказал Кириллов-старший.

- Отец, вообще-то - это моё личное дело, - раздражённо ответил Алексей.
- Лёша! Она девушка хорошая, из интеллигентной семьи и...
- Пап, не надо, я сам решу.
- Сам, не сам, но без моего благословения...
- Пап, я понял.
- Вот и хорошо... Ты у меня всегда был толковым парнем, - сказал отец, про себя подумав, что у Ершова взрослая дочь, и они с ним уже давно порешили, как детей познакомить и, дай Бог, поженить. Уедет сын, забудет про Дашу, замотается, а рядом под боком будет приличная девушка...

Взглянув на часы, отец бодро встал и, взяв пиджак со стула, сказал:

- Ну, мне пора, сегодня задержусь, матери скажи, чтобы не беспокоилась.

И с этими словами уехал.

* * *

Магадан встретил Алешу резкими порывами ветра. Утомлённый дорогой, он спускался по трапу и увидел стоящего неподалёку у чёрной «Волги» человека с картонкой и его именем на ней. «Неужели меня встречают?!», - от ощущения собственной значимости Лёша как-то сразу подтянулся и напрямик направился к встречающему.

- Здравствуйте, я Алексей Кириллов.
- Здравствуйте, как долетели?
- Нормально.
- Да, дорога до нас длинная, проходите, садитесь в машину, - угодливо сказал мужчина и открыл дверь.

- Мой багаж?

- Не волнуйтесь, всё будет в порядке.

«Волга» неслась по городу со скоростью ста километров в час.

- А куда мы едем? - спросил Алёша встретившего его мужчину.
- К товарищу Ершову домой, - был короткий ответ.
- А-а-а..., - протянул Алексей.
- Товарищ Ершов в нашей области - бог и царь, вам повезло; а вы с какой целью в Магадан?

- Да так, по делам, - ответил Алёша, как настоящий сын номенклатуры, с дет-

ства усвоивший правило: уметь молчать, когда надо, и давать односложные ответы вовремя.

- Погода у нас ещё не устоялась, - дипломатично был переведен разговор на нейтральную почву.

- Да, ветрено..., - поддержал тему Алеша.

Дома у Ершова его встретили радушно: застолье, разговоры, дружеские хлопывания по плечу, воспоминания о совместных приключениях Ершова и Кириллова-старшего, пристальные взгляды хорошенькой и полногрудой дочери хозяина.

- Да, Алёша, пока останешься у нас, места хватит, в общежитие не поедешь, и не думай - нечего тебе там делать, а потом квартиру дадим, и всё будет путём, - приказным тоном говорил Алексею хлебосольный хозяин.

А затем события развивались как по писаному. В первые месяцы Алёша ещё ходил на главпочтамт получать от Даши письма, но в последний раз, спустя полгода, перед самой свадьбой, взял несколько её писем и, не читая, разорвал в клочья. Не смог он за всё это время ответить Даше, не сумел правды сказать. Татьяна Ершова была на третьем месяце беременности и свадьбу готовили на всех парах... Ершов-старший был вне себя от счастья, план удался, и отец Алёши остался доволен.

Торжество проходило в присутствии двухсот гостей, в лучшем ресторане Магадана. На свадьбу приехали руководители со всей области, директора оленеводческих совхозов из округов. Со всего Севера руководящие работники подтянулись, поздравляя молодых и товарища Ершова с таким важным событием. Кириллов-старший с матерью подарили на свадьбу детям сервиз «Мадонну» и деньги. Подарки от всех были весомыми: двухкомнатная квартира в центре города (молодым специалистам положено... при наличии «правильных» родителей), польский гарнитур, ковры, хрусталь, настенные часы, увесистые конверты с деньгами.

Алёшино сердце зашлось-заколотилось только один раз, когда в ЗАГСе Татьяна надела на его палец золотое тяжёлое обручальное кольцо. В тот момент ему захотелось, бросив всё, бежать куда глаза глядят. Но... церемония пошла своим чередом, и скоро гости в ресторане неустанно кричали: «Горько! Горько! Горько!»

Молодожёны жили хорошо, добротнo, в мире и согласии. Подрастали две дочери. Карьеру Алеша сделал. Может, не так быстро, как хотел Кириллов-старший, хотя на место Ершова сын не пошёл сознательно. Нюх у Алёши был хороший, вовремя понял, чем надо заниматься.

На Севере золотодобывающие артели, чудом уцелевшие в советское время, оставались осколками частной предпринимательской деятельности ещё со времён царей. Мало кто знал вообще о их существовании. Старатели мыли золото, сдавали государству. Вопросы учёта и контроля были всегда во главе угла, но в последние годы в этих краях всё больше и больше появлялось кавказцев, особенно чеченцев, а они как-то умели «размыть» границы правил, напечатанных «чёрным по белому». Так что, из рук в руки, золотишко ручейками утекало в неизвестном направлении. Многие считали вполне справедливым иметь свою долю в старательном деле и... Алексей её имел.

Где-то в середине перестроечного времени у него состоялась любопытная встреча с одним известным геологом, у которого с Алексеем было «шапочное знакомство» через директора главного геологического управления Магаданской области.

Они встретились в пойме, шёл нерест, и всё кишмя-кишеало лососем. Что называется, голыми руками брали рыбу. Конечно, не обошлось без рыбнадзора, но ребята были знакомые и всё быстро уладили.

Вскрывая рыбу на квартире у геолога, мужчины подсаливали свежую икру и запивали её коньяком. Разговор быстро вошёл в нужное русло. Оказалось, геолог нашёл крупную жилу в труднодоступном месте, так что, при наличии необходимого оборудования, золото оттуда можно было просто грести. Найти свою золотую жилу, «Дайку», или открыть новое месторождение - мечта любого геолога и, порой, она сбывается.

Дайка была могучей, с обеих сторон утеса, но поднять такое дело геолог в одиночку не мог. На карте он не обозначил находку. Местонахождение жилы стало его личным секретом и надеждой на безбедное будущее.

Обговорив все детали, они решили, что с полгодика надо подождать, прежде чем вплотную приступить к делу - Алексею нужно было собрать достаточно денег, чтобы реализовать проект. Выпив на прощанье по стакану коньяка, они «хлопнули по рукам».

По дороге домой Кириллов отметил для себя несурезицу человеческого существования: в доме у геолога почти пусто, разве только большой обеденный стол, четыре стула, этажерка с книгами и рюкзаки, валяющиеся на полу, в приоткрытую дверь спальни видна узкая панцирная кровать - вот всё убранство двухкомнатной хрущёвки. И при этом - карта с золотоносной, богатейшей жилой, хранящейся лишь в памяти у геолога. Неотмеченные координаты - настоящее достояние, ведь стоимость жилы баснословная...

Алексей уже прикинул, каков будет суммарный выход от разработки дайки - до конца жизни всем хватит и ещё потомкам достанется. Но для начала необходимо повернуть какое-нибудь дельце, чтобы набрать нужную сумму для раскрутки внезапно привалившей удачи...

Глава тринадцатая

В ЛОДКЕ ХАРОНА

Алексей ехал в своем любимом надёжном «Газике» и думал об отце.

Кириллов-старший вовремя и со всеми почестями ушёл на пенсию. Персональный пенсионер союзного значения, отец не сидел дома. Быстро сколотил трудовой коллектив в одном из министерств, сделал несколько исследований, отчетов, получил крупную сумму и, невзирая на стенания матери, купил полдеревни домов, два «Жигулёнка» и кусок земли на заливе под дачу.

Накопленное на всех сберкнижках до начала инфляции успел снять и закупул тоннами «всякую ерунду», по словам матери. Да, отец - грамотный человек. Экономист по образованию, он понимал, что вокруг происходит неладное.

Алексей - начальник крупной карьеры, так он предпочитал себя называть, - уже знал, что инфляционный процесс идёт полным ходом, бартерные сделки - мода и необходимость «сезона». Его партнёры из США и Японии - понимающие люди... В оффшорных зонах - кое-что припасено... С продажей золотого песка из «подведомственных» ему одному артелей проблем не возникало - налаженная связь с

кавказцами себя оправдывала.

А руководит ими тот, с кем Лёша познакомился ещё в ленинградское время, через подругу Даши. Звали его Хароном, все контрабандные переброски золота проходили именно через него. Пару раз Харон приезжал сюда лично, и почему-то в его присутствии у Алёши всегда возникало чувство глубокой настороженности и тревоги – но ведь не из-за той же давнишней драки в юности, в самом деле... Просто не нравился ему Харон – весь, какой есть! – но что поделаешь, партнёр он стоящий, никогда не подводил...

Алексей поймал себя на том, что опять думает о Даше. Столько лет прошло, но любовь подспудно всё тлеет. Более того, иногда казалось, возгорается вновь, становится всё глубже и необъяснимее. Этакая несбыточная мечта, к которой стремишься и не можешь достичь.

От одного воспоминания о случайной встрече в поезде его бросило в жар, всё внутри вздыбилось, не отпускало... Нет, конечно, он пытался Дашу забыть, и было у него много женщин – от себя-то нечего скрывать.

Иногда Лёша брался за ум и пытался жить по-честному с женой Татьяной, уговаривая себя быть достойным мужем и хорошим отцом. Он любил своих девочек, но всегда был занят и не мог уделять им должного внимания. Больше всего его заботило обеспечение их будущего – кто знает, какие ещё политические пертурбации загромают на небосклоне. Союз распался, вместо «парада планет» зазвездился «парад суверенитетов». Хоть Магадан и далеко от Москвы, но новости и новшества сюда доходили быстро.

Сколотить капитал на безбедную старость себе и дочерям – вот что стало его единственной целью. Алексей любил бизнес, любил и авантюры... Знал как уважить необходимого в деле человека.

Бригада талантливых эзков, настоящих умельцев, вытаскивала из моржовой кости уникальные сувениры, и за бесценок всегда можно было сделать шикарный подарок нужным людям, а это в бизнесе никогда не лишнее.

Шахматы, ручки для ножей были украшены такой резьбой, что дух захватывало от осознания уникальности такого дара у падших людей. За бутылку водки мастера воскрешали неповторимый мир древнего искусства. Никто не узнает их имен, а красота изделий ещё десятки лет будет восхищать. Убийца и мастер, бандит и умелец – в одном лице, такое сочетание бездны и сияния казалось Алёше непостижимым.

Перемены коснулись и этой публики. Теперь среди эзков – необычные разговоры: те, кто попал сюда из других республик, превратившихся в независимые страны, бьют себя в грудь, кричат о международных правах заключённых. Недавно главный бухгалтер, сетуя на нехватку зарплаты для рабочих, пошутил: его, дескать, самого тоже можно приравнять к иностранцам, потому как он из Латвии и предпочитает брать зелёными, а не рублями... Намёк был ясным, придётся думать, как бухгалтерию умаслить... Человек он проверенный, со стажем, работу знает хорошо, понимает, где и какие проводки надо сделать... Но вот мало ему того, что получает... Больше надо. Всем надо больше...

- Поворачивай в спортивный зал, – велел Алёша шофёру.

И вдруг, неожиданно для себя, впервые почувствовал, насколько изменился его голос с годами. Властность была его основной интонацией! От мягкого, учтвого питерского интеллигента – ничего не осталось. Он уже и забыл, когда его голос был нежным или радостным. Рывкать матом теперь привычнее, чем говорить «от сердца к

сердцу», требовать «к исполнению» - легче, чем спокойно просить. А что он, собственно, хотел бы? Здесь мягкотелым быть - не положено, сожрут с потрохами - моргнуть не успеешь. Выживает только сильный!

С этой мыслью Алексей Михайлович Кириллов спрыгнул с машины и стремительно вошёл в вестибюль спортивного зала. В этой обители он чувствовал себя комфортно. Запах боксёрских перчаток, пота... Бьёшь по груше - справа, слева... Ноги пружинят в такт каждому удару, а кровь бежит по жилам быстрее - всё это давало ощущение полной свободы, внутренней собранности, и называлось просто - быть мужчиной!

Шорох угодливых слов обволакивал его:

- Хозяин приехал! Быстро - чтоб везде полный порядок!
- Алексей Михайлович, добрый вечер, Вы в спарринге хотите или как...
- Алексей Михальч, банька готова, ужинать будете после тренировки?

Шепоток прямо в уши:

- Галинку или Светочку вызывать?
- А на ужин ушицу из белужки? И виноград уже припасли к шампанскому, и икорка на льду! Настойку из брусники отменную принесли...

- Алексей Михайлович! - басом пророкотал массажист с огромными руками, профессионализму которого могли бы позавидовать столичные специалисты. Только один он знал как «утюжить» поясницу хозяина горячими камнями, метод у него был необычный. Вот и он свою нотку добавил к общему жужжанью:

- Я, Алексей Михайлович, папиросок из лечебных трав наделал, если захотите, можно точки поприжигать!

- Потом! Всё - потом, сначала потренируюсь, - резко бросил Алёша в гущу лебзящего роя.

«Прилипалы, подхалимы, - а ведь приятно! Хозяин, он и есть хозяин - сдохнут, но всё для него сделают... Конечно, пока хорошо платит. Деньги, не дай Бог, кончатся - и холоуи улетучатся, захлопочут над другим».

От этой мысли Лёша поморщился.

Через пару часов Алексей сидел распаренный в просторной комнате отдыха, смотрел на покрасневшую Галинку и удовлетворённо думал, что спарринг провёл правильно и мальчишка-боксёр бился яростно, но умно. Впрочем, он сам приучил не подставлять ему боксёров для мордобоя. Лёше необходим был честный бой - на ринге для него существовал спорт и только спорт.

С разбитым носом и синяком под глазом, паренёк унёс сто долларов в кармане. Не каждому боксёру в Магадане удавалось попасть на спарринг с Кирилловым, тренеры специально готовили ребят, и они знали: биться надо до конца, внакладе не останешься - заплатят, и хорошо. Многих Алексей знал по имени, но сегодняшний паренёк был новый, и свежесть восприятия в поединке подбавила адреналина в крови, и Алёша был счастлив.

Регулярные заезды Кириллова в спортивный зал были известны всему городу, обычно к трём часам ночи крепко подвыпивший Алексей Михайлович вызывал своих поделников туда же. Все, кому хотелось от него что-то урвать, попросить об одолжении, спешили прибыть сюда.

В добром расположении духа Кириллов по-царски одаривал даже тех, кому кто другой и копейки бы не дал: назначал на должности, пригревал чьих-то подросших

детей - устраивал их в институты, отправлял за границу; непонятные, неизвестно откуда появляющиеся «друзья», от которых обычный человек бежал бы, куда глаза глядят, набивались в партнёры, ловили взглядом каждый его жест, и если находили правильный подход, урывали свой кусок пирога...

Он знал за собой такой грех, но ничего не мог поделать. В такие минуты ему становилось жалко всех и вся, хотелось помочь каждому.

Безусловно, были у него и преданные люди, те, с кем связывали тайны и секреты его бизнеса, где на поверхности были очерчены лишь верхушки айсберга. Но таких людей было мало, и Алексей встречался с ними на трезвую, холодную голову: задачи там решались кру-у- пные, и в этот круг входили только избранные... Его ценили за неординарные идеи, умение работать сутками и выходить из сложных ситуаций с победами и прибылями.

Для него не было проблемой получить лицензии на использование недр или взять пай в строительстве аффинажных заводов, где, собственно, и получали разного рода драгоценные металлы...

Словом, его боготворили и уважали. Подчиненные понимали: за невыполнение поставленных задач им не сносить головы. Партнёры - ему открыто доверяли.

Одним из главных качеств Алексея Кириллова было доброе сердце. Жадность и стяжательство не стали его вторым «я» в круговерти денежной феерии.

Сокурсники по институту «крепко стояли» на нефти, он - на золоте, поставках нефтепродуктов и продуктах питания, свою дружбу они не прерывали. Словом, всё было в ажуре.

Даже живущие по «трассе», так называют местные Магаданскую область, знали, откуда берутся мазут, бензин, спиртные напитки и мандарины для детей... У Кириллова. Поселения вдоль трассы зачастую были раскиданы на расстоянии нескольких сотен километров друг от друга, а в стороне от них - громадные, необжитые, горно-таёжные массивы.

У него большое поле деятельности... Да, гремели и взрывы, бывали и выстрелы...Всего в жизни хватало.

Благотворительная деятельность господина Кириллова громогласно восхвалялась в печати и «кулуарах», он вёл дружбу с теми, кто сидел в Областной Думе и в Совете Федерации, особенным доверием пользовался у членов комитета по делам Севера и малочисленным народам, но сам в политику не лез, отнекивался, хотя влиять - влиял, как и подобало человеку его ранга и положения.

Алексей прижился в Магадане, столице Колымы, и даже полюбил этот город. Ему нравились белые магаданские ночи, очень напоминавшие ленинградские. Оба города находились на одной 60-й параллели, только зимы в Магадане были длиннее и холоднее, лето короче и ветер в конце зимы мог сбить с ног.

Четыре сопки, между которыми расположен Магадан, по осени радовали глаз разнообразием красок, багрянец и золото щедро заливали всё вокруг. Зимы были лютые. Новогодние ёлки Алеша научился мастерить из хвойного стланика не хуже коренных магаданцев и очень этим гордился. Способ был простой: к шести прикрепляешь нарезанные ветки, да поплотнее, чтоб самодельная ёлка получилась пышной, и если всё сделать аккуратно, то не отличишь от настоящей. Запах от таких ёлок шёл дурманящий, праздничный. Но возился он со стлаником лишь в первые годы жизни в магаданских краях, потом стало не до того.

Он любил лыжи и весной, в апреле-мае, в самое удивительное время года, когда ещё лежит снег, но уже тепло, выходил на лыжню и загорал под весенними горячими лучами, но к 90-м годам эта мода быстро исчезла, уж больно обнажёнными были мишени.

Ещё он увлекся рыбалкой в бухте Гертнера и ездил с семьёй на берег Нагаевской бухты смотреть на корабли.

Алексей часто бывал в командировках по всему Дальнему Востоку и Северу, и по крайней мере раз в месяц вылетал на «материк». В Питере, теперь уже Санкт-Петербурге, завязывал знакомства с политической элитой. Не было ничего странного в том, что Питер был насыщен энергией нового времени, она бурлила внутри всего общества. Появлялись новостройки, новые имена, новые экономические программы, блистательные авантюристы и мафиозные бонзы.

Думая обо всём этом и ухмыляясь про себя, Алексей молча выслушивал шепелявого – очередного, - просителя и разглядывал свои отполированные ногти.

Внезапно в комнату отдыха вошёл новый посетитель. Лёша напрягся, легко подбросил своё мускулистое тело, затянутое в шёлковый халат, и дал знак всем выйти. С открытыми объятьями потянулся навстречу пришедшему. Пятнадцать человек только что окружали его, а теперь их будто вымели в одно мгновение.

Хмель как сдуло с Алексея. Он не любил внезапных появлений «ходовков Харона». «Где? Что случилось? Почему без звонка?» - мелькнули тревожные мысли.

- Исмаил Махмудович, какими судьбами, почему не предупредили, мы бы вас встретили! Сюрпризы, сюрпризы! - восторженно-удивлённым голосом изрёк Алексей.

- Извини, дорогой, без звонка являюсь. Как поживаете, Алексей Михайлович? - поинтересовался новоприбывший.

- Да всё отлично, как и положено. Кофе, чай, коньяк с дороги?

- Чаю, да покрепче, и от коньяка не откажусь.

Алексей сам разлил коньяк и добавил в чашку крепко заваренного чая тому, кого назвал Исмаилом Махмудовичем.

- Алексей, брат, дело есть, и большое дело, поэтому меня Харон срочно к тебе отправил.

- Прямо с порога и о делах? У нас так не принято, сами знаете. Покушайте, в баньку сходите, массажик, а потом о делах.

- Нет, Алексей, хочу доложить о результатах как можно быстрее.

- Да что за спешка такая?

- Дело вот в чём... Харон сидит на переговорах с солидными людьми по поводу нескольких предложений, куш хороший можно снять; первое - поставки оленины в Европу. Кажется, блюдо называется в ресторанах «Венишиан» или «Венициан», не знаю точно, только люди за оленину платят большие деньги. И продавать будем через рестораны, которые мы можем контролировать, так что и с поставок, с опта, будем иметь, и с розничной продажи тоже. Речь идёт о миллионах, контракт многолетний. Босс просил, чтобы вы лично контролировали сделку в Якутии.

Алёша приподнял брови от удивления; у него хватало расторопных ребят, кто мог этим заниматься без его участия.

- Да, да, Харон помнит, у вас были связи в Якутии. И только вы можете повернуть этот контракт. Он просил передать: всё фифти-фифти, как всегда... В Москве нашли одну бабу, у неё новейшие установки по вакуумному пакетированию,

вам придётся с ней состыковаться. Женщина она толковая, второе образование - экономист, к ней пошлите своего человека - нужен контракт, отправка пакетов должна идти через неё, - продолжал скороговоркой Исмаил Махмудович, - вся схема отработана, по всему маршруту будут помогать наши люди.

- Понял...

«На оленях утром ранним мы отчаянно помчимся...», - вдруг пропел Алексей Михайлович. Исмаил удивлённо взглянул на него.

* * *

- Жора! Остановись, - громко вскрикнула Лидия Сергеевна.
Жора от неожиданности вздрогнул.

- Что случилось?

- Нет... неудобно лежу, можно меня приподнять? - обратилась она к доктору.

- Сейчас, сейчас, - ответили медсестра и врач.

Вдвоём они поудобнее устроили Лидию и спросили: может быть, она голодна или ей нужно поспать, однако Лида отказалась от сна и еды и попросила читать дальше.

Слова из песни об оленях, упомянутые в книге, ввергали мысли в сумбур. Второй раз в жизни наивные строки ворвались в её судьбу, когда в полубреду в её сознании гремел бравурный «олений» шлягер той поры. А теперь возникли параллели, сравнения, пока еле ощутимые, бессвязные - так, контуры всего лишь...

Жора, выдержав паузу, продолжил чтение...

* * *

- Ну, за здоровье! - поднял Алексей бокал с коньяком.

- Да, за здоровье! - кивнул Исмаил, махом опрокинул коньяк и удовлетворенно крякнул. - У-у, хорош...

- Закусывайте, вон сколько всего на столе, поешьте, всё же с дороги, - потчевал Алексей Михайлович.

- Но это только одна сделка; вторая - необходимо срочно взять лицензию на разработку алмазного месторождения... мг..., - Исмаил лихорадочно порылся в кармане, затем в портмоне; отыскав сложенный вчетверо лист бумаги, он развернул его и показал Алексею.

Алексей Михайлович покачал головой, взгляд чиркнул по записке. Выражение его лица никак не изменилось.

- А... третье - немедленно провести закупку в военных частях армейского обмундирования и военной техники, оплата в зеленых, количество обозначено, пункт отправки тоже, - продолжал вестник Харона, тыкая пальцем в записи.

- Так, Исмаил Махмудович, я уже предупреждал: ни с алмазами, ни с оружием работать не буду. Почему опять вышли на меня с этими предложениями?

- Алексей Михайлович, поймите - это сверхприбыльно и... сверхважно!

- Сейчас 4 утра, я должен отдохнуть и подумать. Сколько времени даётся на размышление?

- О, Алексей Михайлович, дорогой, у нас не так много времени, я должен звонить боссу, - с затаённой угрозой упорствовал Исмаил.

- Позвонишь и скажешь, что я думаю. ..., - кратко, но жёстко отрезал Алексей.

- Да, да, конечно, Алексей Михайлович.

Исмаил удалился из спортзала с гордо поднятой головой.

- Приходи в офис к двенадцати дня, там и поговорим, - вдогонку крикнул Алёша и подумал, что ходок перешёл границы дозволенного, или Алёша теперь не в партнёрах ходит, а в подчинённых? Странно всё это. Приказы мне раздают, схемы без меня отрабатывают. Где-то слабинку дал, но где? В чем?

Дома, не успев отпереть ключом дверь, он столкнулся с заплаканной и растрепанной женой. «Ну, начинается», - с привычным раздражением подумал Алексей.

- Алёша, Светлана из дому ушла! Я тебя всю ночь искала, просила, чтобы ты домой перезвонил! Какого чёрта! Ты почему..., - рыдания прервали Татьянины слова.

- Подожди, подожди, что значит ушла? - встревоженно сказал Алексей.

- Да ты вообще знаешь, как твоя семья живёт, что с нами происходит?

- Я вкальваю 24 часа в сутки, чтобы вы нужды ни в чём не знали, сколько раз это повторять! - в негодовании взревел Алексей Михайлович.

- Я тебе говорила, говорила... Светка стала встречаться с каким-то парнем, она мне его даже не показала, сказала - не твоё это дело, мамочка, а теперь и вовсе из дома сбежала, собрала вещи в спортивную сумку и уехала. Наверное, к нему.

- Кто такой, почему не знаешь, ты же мать! Где искать будем? А Аня? Она знает о сестре? Спит? Нет? Имя у этого парня есть?

- Пап, не кричи, соседей разбудишь, - медленно, спросонья, произнесла старшая дочь, выходя из своей комнаты в коридор.

- А ты куда смотрела, старшая сестра, называется, что за парень?

- Светка с ним встречается с тринадцати лет.

- Что?!!!

- Что, что ... Разве не заметно было по ней? Он её в кафе-мороженом приметил. У него «Мерс» и денег навалом. Она говорила мне, тот её ужасно любит, балует ..

Подарками закидал... Шквалом неслись её слова. Алексей никак не мог сообразить, что его малышка, младшая дочка, с кем-то встречается го-о-д! И... и... спит?! С мужчиной?! Ушла к нему?!

- За что мне? Всё? Это?!

- За то, что дома не бываешь! Воспитанием детей не занимаешься, похерил всю нашу жизнь! - с воплями и кулаками набросилась на него жена.

- Эй, эй, эй, утомонись, - сдержал её Алексей и, отодвинув от себя, прошёл в кухню. Татьяна и Аня рванулись следом.

- Ищи, кровопиец, свою дочь, ищи, пока не поздно!! Я ведь ни на кого не посмотрю, я вас всех на чистую воду выведу! - в истерике всхлипывала жена.

- Сядь. Успокойся. Ты тоже садись, - твёрдо сказал Алексей. Обе притихли и послушно сели к столу.

- Как он выглядит? Как его зовут?

- Папа, его зовут Руслан, он на кавказца похож. Высокий, под два метра, и крупный... Борец, что ли, - ответила старшая дочь, - он всегда её поджидал в машине, на той стороне улицы...

- И ты никогда с ними не была?

- Нет, Светка всегда отнекивалась, да и... Ты же знаешь, она упрямая.

- Таня, ты его видела? Разговаривала? - обратился он к жене.

- Я же тебе русским языком, с самого начала, сказала, что НЕТ!! Свобода, демократия, вот и дочь туда же... «Я взрослая, - что хочу, то и делаю...».

- Почему... раньше...
- Почему... Лёша, думала... Вдруг парень хороший! В кино, в кафе... Можно же девочке сходить ?!

- Доходились... Странно, почему охрана мне не доложила?
- Докладывали тебе, ты внимания не обратил..., - продолжала Татьяна.
- Не может быть такого, уж о своих детях я знаю!... Да уж... Оказывается, не всё ... Чёрт.

Алексей взял телефон и набрал нужный номер. Ждал он недолго.

- Срочно ко мне! - процедил в трубку Алексей Михайлович и, обернувшись к женщинам, сказал:

- Идите спать. Я разберусь.

Несколько минут он сидел задумавшись, подперев голову руками. Вскоре появился начальник личной охраны. Выяснилось - когда-то в спешке Алексею действительно докладывали, но его реакция была вялой. Ребята подумали, что Руслан, с кем связалась Светлана - член группировки Харона и, возможно, Алексей Михайлович и сам не был против такой связи, потому всё спустили на самотек.

У Алексея заныли зубы: ему хотелось сначала отколотить самого себя и начальника охраны, а потом стреляться с Русланом, совратившим его ребёнка.

- Где живёт, знаете? Найдите и приведите дочь.

- Найдём, Алексей Михайлович...

Алексей уткнулся теменем в крестовину окна. «Случайных совпадений не бывает, - думал он. - Об отказе от поставок оружия и разработки алмазов он объявлял дважды, теперь его вынуждают согласиться и козырем у них - младшая дочь. Или он работает на Харона, или не видать ему дочери...»

Душа горела...

Время шло, Алексей не заметил, как наступило утро.

К двенадцати часам дня он понял, что его голова полна отборного русского мата, который переплавлялся в новые слова-образы, видоизменялся со скоростью света, приобретал чудовищные формы, обновлялся и возникал вновь в том чистом виде, когда всё можно было выразить всего лишь тремя словами... Тем не менее, Алексей без усталости и остановок говорил по телефону...

С вальяжным видом он встретил Исмаила в кабинете и по-деловому сразу же начал разговор.

- С точки зрения бизнеса - все предложения хороши, Вы знаете, что я был категорически против продажи оружия и разработки алмазов. Но! - изменения в экономике и политике государства позволяют теперь заняться и этими направлениями. Мне нужно время, чтобы всё обдумать, а вот с оленьей - это просто, можно хоть завтра приступить, я уже всё обговорил и получил «добро» на сто процентов.

- В таком случае, давайте Харону позвоним и.., - попытался прервать его Исмаил Махмудович.

- Я сам с ним поговорю, - отрезал Алексей.

- Хорошо, хорошо, Алексей Михайлович, тогда я...

- Да, можете быть спокойны, если вам что-то понадобится - мой шофер к вашим услугам, и секретарь выполнит любые просьбы, - неожиданно подвёл он к концу визит Исмаила.

Исмаил Махмудович, кивая головой и как-то съёжившись, откланялся и вышел из офиса.

Алёша набрал нужный номер по «вертушке». На том конце ответил приятный мужской голос.

- Харон?! Это - Алексей. Да, да, Магадан беспокоит... Всё хорошо, дорогой... Жена и дети - нормально... Ну, ты знаешь, старшая скоро школу закончит, а младшая, младшая... мг... ма-ло-лет-ка..., - с акцентом на каждом слоге сказал Алексей, давая понять, что всё это может значить с юридической точки зрения. - О... они же все теперь самостоятельные, свобода, брат, она всем голову кружит, и детям нашим тоже. Как твоя семья? Всё в порядке? Отлично... Замечательно. Так, теперь о деле... Мне необходимо время...

Телефонный разговор - уникальный вариант общения. Он может быть началом новой страницы в жизни человека или окончанием целой эпохи, первым вхождением в «ад» или взлётом надежд...

Телефоны знают о нас всё - как мы смеёмся, плачем, сплетничаем, рассуждаем о мировых проблемах, назначаем стрелки, отказываемся от встреч, желаний; они фиксируют наши уговоры и осуждения, согласия и протесты, поощрения и отрицания, и то, что мы порой не можем сказать человеку в лицо, с лёгкостью произносится в телефонную трубку.

Разговор Аёеши с Хароном начал отсчёт его спуска с того Олимпа, что был им выстроен в течение нескольких лет, на зыбкую стезю неизвестного...

Глава четырнадцатая

ТЕНЬ ЗВЕРЯ

Лидия Сергеевна, Жора, доктор и его жена наконец-то благополучно добрались до Москвы. Лидия чувствовала себя вполне сносно, к тому же время пробежало относительно быстро за чтением дневников Даши Белоцерковской.

Всё больше Лидия Сергеевна Калугина задумывалась над мистическими совпадениями и узлами жизненных сплетений в человеческих судьбах. Было ощущение, что купленная на рынке книга подводит её к чему-то очень важному...

Но к чему? Неожиданно для себя самой, на пути к дому, она попросила Жору найти Харона через его друга Егорова и «Частное сыскное бюро»... Жора был искренне удивлен её просьбой.

- Вы шутите, да? Зачем вам нужны сведения о каком-то мифическом человеке? Насколько я знаю, это имя никогда не «пересекалось» с вашей деятельностью.

- Пересекаться - не пересекалось, но появилось в очень э-э... любопытное время. Найди все сведения, всю подноготную, все связи. Задание понял? Действуй! У нас мало времени, - закончила она.

- Добро. Будет сделано.

Уходя от Лидии, Жора случайно заметил горшок с геранью на маленьком столике и удивился - никак не мог вспомнить, был ли цветок в поезде или нет, только сердце

ёкнуло от радости - значит, она не бросила, не оставила его подарок в госпитале...

Егоров, щуплый, жилистый, бывший в приличном чине кагэбэшник, постукивал пальцами по столу и с улыбкой ворчал:

- Жорка, ну почему ты мне всегда подкидываешь странные дела? Посуди сам, - я должен пойти «не знаю куда» и найти тебе «не знаю что». Даже начальных сведений по обоим делам - с понюшку табака.

- Ну, не прибедняйся, ты - бог сыскного дела, вся Москва знает, - возражал Жора.

- Не льсти, хитрюга. Смотри, от чего я должен плясать: имярек - Харон, чеченец, в прошлом жил в Ленинграде, работал с золотом, раскручивал дела в Магадане. Живёт, может быть... в Москве.. Сведения, почерпнутые из... книжки!

- Продавал оружие! Что, разве мало, для умной головы как твоя, - закончил за него Жора.

- Фамилию дай.

- Нет у меня фамилии, зато имя-то какое у мужика, максимум десяток наберёшь в своей картотеке, не больше. Я ж тебе всё, что было сказано об этом «мифе» в книге, выписал. Егоров, соглашайся, ты же знаешь, мы хорошо заплатим.

- Заплатите, не сомневаюсь, не первый год работаем. Я вам столько за это время компромата насобирал, и обижать вы меня - не обижали. Но! Чтобы я искал человека из книжки, да ещё из «Мифов Древней Греции» - такое и во сне не привидится... А второе дело? Найти родителей бездомного ребёнка!... Хотя, с этим, наверное, попроще...

- Девочка тебе расскажет больше, чем кому-либо, ты у нас мастак языки развязывать. С Людмилой Аркадьевной встретишься, я тебе телефоны её записал, привет от меня передай, она моя давняя знакомая. Богатая, с положением, дизайнерскую контору держит. Крутая женщина. Понимаешь, Людмила хочет удочерить девочку.

- Да, да, я понял.

- Егоров!! Соглашайся!

- Ладно, уговорил... Сколько у меня времени?

- По-первому - 24 часа, по-второму - постарайся быстро сработать, хорошо?!

- А почему спешка такая?

- Егоров, с каких пор ты стал вопросы задавать? - засмеялся Жора.

- Хорошо, приходи завтра после обеда, думаю, я нарою тебе кой-какой материал.

- Отлично, подъеду. Ну, пока, до встречи.

Жора не стал возвращаться к Лидии Сергеевне, только отчитался по телефону, он знал, что она в безопасности, к тому же сопровождавший доктор был рядом с ней. Врач и медсестра согласились остаться в Москве на десять дней и присмотреть за Лидой.

На следующий день Егоров встретил его хмуро. Протянув пачку бумаг, сказал:

- Слушай, Жора, а «миф»-то твой - личность интересная... опасная.

- Рассказывай, я слушаю...

- Живёт - как за семью печатями, просто так не подберёшься, в окружении все родственными связями связаны, чужих нет. Дела крутит - голова кругом! Там не только миллионами, там... сотнями их, а, может, и миллиардами пахнет. Связи - выше некуда... В Москве наездами, в основном сидит в Европе... Я с вопросами сунулся к своим, а мне по-дружески посоветовали забыть навсегда, что такой

человек существует! И тихо пригрозили...

- Ты сказал, кто тебе работу заказал?

- Да... у меня выхода не было.

- Чёрт...

- Но, ты знаешь, Жора, я не люблю, когда меня пугают. Я не деньгами богат, а друзьями. Я к разведчикам ходил, к федералам, есть у меня ребята хорошие, в базы данных заглянул... Они на этого «мифа» давненько материалы собирают, только схватить его никак не могут - ускользает, сволочь... Сам выходит чистым из воды, а после себя оставляет море крови, да только доказать, что он в этом замешан - невозмож-но... Лет десять занимается нелегальным сбытом алмазов и золота за границу, а не только продажей оружия и парфюмерии. Размах у него - огромный.

Всех перебил или сильно напугал, кто нос сунул в его дела. Финансирует операции за счёт крупных финансовых институтов и благотворительных организаций, отмывки - высший пилотаж, не подкопаешься... Откупится от кого угодно...

С женщинами долго не общается, часто их меняет, женат, но семья живёт отдельно. Встречается с детьми раз в году, в разных местах и странах.

Несколько дней назад в Новосибирске были переданы важнейшие материалы на него, но, как ребята мне сказали, им не хватает связующего звена, и, Жора, сам понимаешь... Я... Мне необходимо знать, в связи с чем ты запустил это расследование. Я обещал передать, куда надо, все нити, связанные с Хароном. Дело серьёзное, мне необходимо поговорить с твоей «генеральшей», кажется, так вы её меж собой называете, вашу Лидию Сергеевну?!

- Так...

- Дальше - больше, Жора... На твою шефиню не так давно запрос в органы поступил, от источников... близких к этому «мифу». Она у тебя птица большого полёта. Мне сказали, что она финансированием крупнейших по стране проектов занималась, почти все - аккуратно, до последней буковки сделаны. Умная баба, ничего не скажешь - большой поддержкой в верхах пользуется, да только почему Харон к ней интерес проявил? И в связи с чем за тобой слежка? Мои пацаны вчера определили. Ты даже за поворот от моего офиса не успел отъехать, а я уже знал - из одной криминальной группировки ребятки за тобой увязались.. Что происходит, Жора? На чём засветились?

- Точно не знаю...

- Говори, Жора, говори... Я вам помогу, во всяком случае - постараюсь.

- Даже не знаю, с чего начать..

- С самого начала, парень, начинай с начала...

- После поездки в Германию мы были в Новосибирске, там, прямо в аэропорту, нас взяли, милиция... Держали сутки, в каком-то подвале, отдельно. С меня им поиметь нечего, били, но потом поняли, что я ситуацией не владею. Лиду пытали... Что она им сказала - я не в курсе. Лидия Сергеевна ничего мне толком не объяснила. Понятно - в правоохранительные органы мы не заявили. Думаю, она пообещала что-то, а конкретно что - не моё это дело, я не вправе ввязываться в её бизнес...

Жора рассказал обо всех событиях и мытарствах последних дней. Когда он замолчал, Егоров, плотно сжав губы, покачал головой, а потом тихо произнёс:

- Странно. Очень всё странно... Такое ощущение, что «миф» из книжки может и в... главного кукловода превратиться... Поехали к Лидии. Немедленно.

В доме у Лидии Сергеевны Егоров первым долгом включил музыку на всю

громкость. Звуки симфонического оркестра заполнили квартиру в одно мгновение. В это же время Жора вполголоса сообщил Лидии суть происходящего. Ничего не было удивительного в том, почему они втроём шёпотом, под Чайковского, стали обсуждать, как быть дальше. Современные прослушивающие устройства настолько мощны, что, возможно, их разговор кто-то и мог уловить и зафиксировать даже в музыкальном сопровождении, но им ничего не оставалось делать, как немедленно начать разбираться с создавшейся ситуацией.

Прошло какое-то время, и Егоров понял, в связи с чем произошли столь трагические события, почему Лидия попала в такую переделку. То, что она называла «финансированием алмазов», на самом деле было хорошо продуманной цепочкой перераспределения средств: мощные инвестиции в Якутские проекты, косвенно связанные с разработкой и обработкой камней, создавали возможность постоянного «отката» денег; затем эти деньги пускали на приобретение по дешёвке краденых необработанных алмазов; далее их поставляли на частные ювелирные фирмы, а уж затем вывозили за рубеж готовые либо ювелирные изделия, либо просто бриллианты. Скорей всего, Лида оказалась в одной упряжке с министром, который уговаривал её пойти на этот риск. Однако она отказалась от этого дела, невзирая на будущие бешеные прибыли. Но просто отказаться, просто уйти тоже было нельзя – ибо она владела слишком важной информацией...

Откровенность министра едва не стоила Лидии жизни, и в Новосибирске после пыток она обещала – вернуться в Германию, а оттуда – в Швейцарию, и выбить финансы под Якутские проекты. За всем этим стоял Харон и его группа.

– С чего всё началось, Лидия Сергеевна, когда вы познакомились с министром? – спросил Егоров.

– Началось-то с моей встречи с Женей Усмановым, лет десять тому назад. Я занималась мелким бизнесом, познакомилась с ним, когда он приехал из Магадана в Москву в командировку. Женя проводил меня домой, ну... разговорились, и он предложил мне хороший контракт на поставку оленины в Европу, а также встречи с важными людьми. Через его связи меня и вывели на будущего нашего министра. А с Женей у нас сложились, как бы это помягче сказать, определённые личные отношения. Мне, откровенно говоря, льстило, что мои многочисленные и несчастливые замужества его ничуть не смущали. Мы часто проводили время вместе. Иногда он подбрасывал любопытные идеи, и если мне было интересно, то я бралась за проекты. Однако в доле его никогда не было, по крайней мере официально...

Но этой осенью я с ним разошлась. Всё надеялась, что будем вместе, но не получилось. Он знал об алмазном деле и предупреждал – отказываться нельзя, но я на это не среагировала, считала – сама себе голова...

– Дайте мне, пожалуйста, его координаты, я хочу проверить.

– Конечно.

Лидия Сергеевна протянула руку за чёрной записной книжкой и, полистав, предложила:

– Вот, перепишите – это все его телефоны и адреса.

– Отлично, спасибо... В последние дни вы разговаривали с министром?

– Нет, я не стала ему звонить. Обычно перед Новым годом он уходит в отпуск на десять дней. И... не до разговоров мне сейчас.

– Хорошо, пока ни с кем не созванивайтесь, я все новости буду передавать

через Жору.

С этими словами Егоров, кивнув Жоре, встал, оба спешно собрались и уехали.

Лидия Сергеевна в задумчивости осталась сидеть в кресле. Она выключила музыку, и в тишине огромной квартиры, которую действительно любила, женщина остро почувствовала своё одиночество. В окружающей роскоши стало зябко и неуютно. Медленно поднявшись, Лидия прошла к себе в спальню, забралась на кровать и укрылась под самый подбородок пледом. Постепенно тепло разлилось по всему телу, пальцы рук нервно подрагивали. Ощувив это движение, она улыбнулась сама себе. Лидия давно заметила, что когда она думала о чём-то серьёзном, её пальцы дрожали, они были своего рода предвестниками первых мыслей. Может быть, у каждого человека есть эта особенность? А возможно, и нет.

Прикрыв глаза, она вскоре как бы увидела и почувствовала себя поднимающейся по белой мраморной лестнице, ведущей к храму. На ней развевался белый хитон, ноги были обуты в сандалии. Храм Афины возвышался над миром, и Лида шла к ней - гигантской статуе богини, мимо изваяний других греческих богов и героев.

У подножия пьедестала порывы ветра трепали огни светильников. Внезапно один из них погас. Присев на колени, она взяла его в руки, поправила фитилёк и снова зажгла огонь от соседнего светильника. Послышался чей-то голос:

- Иди с миром.

От неожиданности коленопреклонённая женщина вздрогнула и обернулась. С вершины холма, где находился храм с высокими колоннами, было видно море. Под ярким солнцем оно лениво накатывало волны на песчаный берег. И вдруг она поняла, что её пути приведут туда, к бирюзово-голубой воде...

Лида очнулась с сердцебиением в груди: «Привиделось... Начиталась...».

Нет. Она дочитала книгу, до последней строчки, ещё вчера ночью...

От света ночника на потолке спальни тени образовывали странные пейзажи, силуэты людей и диковинные морды... Лиде стало себя жалко. Ко всему прочему, она вдруг опечалилась, что так и не смогла послушать новый квартет, который был приглашён на несостоявшееся празднование её дня рождения... Лидия Сергеевна любила классическую музыку и иногда посещала концерты и театральные премьеры.

Ни с того, ни с сего, как-то спонтанно её осенило - в принципе, музыкант на сцене создаёт виртуальную реальность. В ней сплавливаются в единое целое эмоции людей, которых он своим мастерством поднимает над обыденностью. Более того, если представить сцену и зрительный зал в образе семени, то сцена - это зародыш, а артист - посыл энергии, от которого начинается развитие нового, первозданного ростка - музыки, и каждый слушатель - будто клеточка единого духа, управляемого интеллектом и искусством музыканта, - вбирает в себя звуки и воспаряет к божественному.

Ни один концерт не может повториться дважды. Каждый раз интерпретация одного и того же произведения будет другой. Мастер, наверное, и отличается от простого исполнителя тем, что не теряет свежести восприятия музыки, и не истощается его талант от дарения другим. Насколько же сильным должен быть настоящий артист, духовно и физически...

Лида усмехнулась своим возвышенным мыслям, они были несовместимы с ситуацией, в которой она сейчас находилась. Её жизнь тоже виртуальна. К примеру, для

частного сыщика Егорова... И как в интернете - он зайдёт в «веб-страницы»,

узнает о Калугиной, человеке и бизнесмене, представит в меру своего воображения события, исследует дополнительные файлы, проанализирует факты и, отключив компьютер, забудет по прошествии какого-то времени... Точно так же, как и она - почитала, навоображала, оживила в своей голове лики греческих богов, Дарьи Белоцерковской, прочих... Чужая жизнь... И что же, забыла? Да, нет... Образы постоянно возвращались в её сознание.

Любопытно, но Даша в начале своего дневника ещё делала видимые параллели с героями мифов: Зевс - отец, Олимп - жители коммуналки. К концу дневника - всё поменялось, она перестала сопоставлять написанное с главами «Мифов» и рассказывала о собственной жизни.

Лидины мысли метнулись в сторону и вернули её в далёкое прошлое. В детстве у неё был фильмоскоп и множество плёнок в круглых металлических футляриках.

Сказки надо было смотреть в тёмной комнате. Подключаешь фильмоскоп, вставляешь плёнку, загорается маленькая лампочка, свет проявляет картинку на стенке, покрашенной белой извешткой. Отодвинул подальше этот необыкновенный «аппаратус», поставил под него побольше толстых книжек, и изображение на стене будет как на большом экране, а под ним текст. Сидишь и вслух, с выражением, читаешь. Домашний кинотеатр!

Соседские ребята вечерами приходили играть в кино, самодельные билеты она с подружкой продавала по пять копеек. Усаживали всех рядами на полу, а Лидина мама раздавала «зрителям» печенье «Крокет». На деньги с билетов покупали леденцы в жестяных коробках и угощали детей во дворе... Маленькие радости старого, доброго времени.

Тени на потолке: хвост и открытая пасть змеи; ветка дерева, но без листьев, профиль женщины, голова мужчины...

Лидия Сергеевна вспомнила о прочитанном в Дашином дневнике, задумалась, и её воображение скользнуло в водоворот событий, героем которых был Алексей. И, как в детском фильмоскопе, картинки замелькали друг за другом.

Несколько дней подряд, после телефонного разговора с Хароном, Алексей Кириллов задерживался допоздна в кабинете, грозно требовал папки с делами, что-то просматривал, отбирал, рвал на куски, выводил карандашом на листе бумаги какие-то цифры, затем подолгу сидел в кресле без движения, с мутным, осоловевшим взглядом. Время шло, но новостей о дочери не поступало. Звонки Исмаила становились настойчивее, но Алёша на них не отвечал и никого не принимал.

Как-то раз, уже ночью, он поехал в спортивный зал - встряхнуть себя и набраться сил. С ним увязался начальник охраны и пара ребят. Подъехав к залу, Алёша заметил из окна машины, что входная дверь непривычно распахнута настежь. Алексей кивнул телохранителю, тот выбрался с переднего сидения машины и медленно прошёл в здание.

Ожидание затягивалось...

Наконец, в просвете двери появилась фигура телохранителя - он тяжело осел на ступени перед входом. Кириллов не выдержал и, громко хлопнув дверью, выскочил из машины, за ним последовали все остальные. Увидев Алексея, парень махнул рукой

и закрыл лицо руками. Алёша буквально влетел в зал, на чём-то поскользнулся и еле удержал равновесие.

На ринге, на матах, по всему периметру помещения лежали убитые люди, чьи лица он узнавал мгновенно. Лужи крови отражали свет ламп и переливались багрово-красным и чёрным цветом. Ни вдоха, ни шороха, - тишина...

Он ринулся в сторону бассейна - в воде плавали трупы. Голубого кафеля на дне не было видно. Но ведь оно - ярко-голубое, Алексей это точно помнил. Вода темнела на глазах, становилась мутно-бордовой... Его взгляд остановился на купальнике в белый горошек на девичьем теле с копной белокурых волос, что подчёркивал округлые формы и изящные изгибы фигурки, а рядом, посередине, у бортов - ещё тела, тела...

В три прыжка Алексей оказался в парилке. За туманом горячего пара, на полках, в кровавых простынях и полотенцах... Да, девушки и мужчины, его бывшие... бывшие... живые...

Нет... мертвые... мертвые...

Его трясли за плечо, приподнимали с пола, ему что-то говорили, пытались оттащить, а он опять, в который раз, всматривался в очередное лицо, бормотал имя, если знал, и, плача, размазывал холодную кровь убиенных по своим щекам, вставал на колени, обнимал трупы, раскачивался, закрывал глаза погибшим, молитвенно шептал и молча полз, полз к следующему. ..

Поднимался и дальше шёл... Сколько же их здесь? Почему?..

Галинка, тренер, массажист, боксёры... Знакомые и незнакомые люди...

А потом... что-то капало. Звук был тихим, но навязчивым. Алексей огляделся... Из растрелянной чашки на кофейном столике капли чая дробно падали и образовывали коричневую лужицу на коврике возле кресла, в нём полулежал один из его самых верных и тайных поверенных. Голова - откинута назад, и во лбу - аккуратная дырка от пули...

Ужас свершившегося засасывал сознание Алексея, как в тёмную воронку. Он погружался в горе.

- Поднять всех, немедленно! - охрипшим голосом взревел, наконец, Алексей.

Он яростно пинал растрелянные гильзы, словно они были виновники случившегося...

- Иван, - крикнул начальнику личной охраны, - уводи людей из города! А то всех перестреляют!

Он кричал, а его за руки, стиснув с двух сторон, тащили обратно в машину.

- В аэропорт! Быстрее! - командовал Иван шофёру.

- Нет, в офис! - перебивал Алексей.

- Нельзя! В аэропорт! Давай звони по точкам! - обращался Иван к ребятам, - своих предупредить, может, успеем.

«От угроз перешли к нападению - значит, войну объявили! Хотя бы пацанва успела скрыться, ни много, ни мало - тридцать пять человек своих, бойцов...», - скрипя зубами, думал про себя Алёша, вслух же, не переставая, истошно матерился... Голоса в машине не умолкали... Следствие наверняка затянут. В газетах напишут об очередных разборках между разными группировками и... дело с концом.

Разборки ещё будут...

Свинцовая ненависть разливалась по жилам, холодила затылок, иссушала слёзы.

Далеко позади милицейские сирены разрывали тишь ночи заунывным воем.

Через полтора часа они были уже в воздухе. Это был рейс на Якутск... Утром следующего дня Алексей говорил по телефону с Исмаилом из номера Якутской гостиницы.

- Да, да, я в Якутске! Что?! Не может быть!.. Что?! Я срочно возвращаюсь! Я там их всех за ноги подвешу! Сволочи! И моего тренера?! Да он-то тут при чём?! Поможете?! - длинная пауза... Глаза Алёши холодно блеснули. - Ну, если ты, Исмаил, ручаешься, тогда останусь...

За два дня Кириллову удалось обговорить все детали поставок оленины, включая лицензионное разрешение на вывоз мяса за рубеж. Единственным предметом ярой дискуссии оказался забой оленей. Оленеводческое хозяйство наотрез отказалось забивать животных в краалях и предпочло отправлять их по железной дороге в товарных вагонах на Хабаровский мясокомбинат. Оплата налом, то есть наличными рублями в момент доставки товара на железнодорожную станцию Хабаровска. Кириллову не оставалось ничего другого, как согласиться с этими пунктами в контракте.

Самое главное, он получил «добро» на разработку одного из крупных месторождений алмазов в Якутии, вместе с лицензией, за 200 тысяч баксов, можно сказать - по дешёвке, видно, по старой памяти, за бывшие услуги...

Он созванивался с Москвой по обоим контрактам. Послал своих ребят в столицу, а сам, не заезжая в Магадан, отправился в Хабаровск, где его должны были ждать ребята Харона и сто пятьдесят тысяч наличными в рублях. Это были большие деньги - для простого народа. На самом же деле товар покупался за бесценок. При наличии экспортной лицензии удавалось сделать от 400 до 1000 процентов «подъёма», так называли между собой прибыль новоиспечённые дельцы.

Да, кому что на роду писано - одним баулы таскать из Эмиратов, другим алюминиевыми тазиками зарплату получать, а некоторым снимать сливки.

Но и за сливки - вкалывать, соображать и сильно рисковать приходится.

В назначенном месте, с точностью до минуты, Алексей забрал дипломат с деньгами у мрачных и деловых Хароновых ребят.

Оставалось: дожидаться приезда якутян, проверить доставку оленей, убой на мясокомбинате и отгрузку мяса в Москву. Все схемы были тщательно отработаны с партнерами. Якутские прибыли в Хабаровск с помпой, Алексей встречал их у трапа самолёта. Не успев оформиться в гостинице, вся команда отправилась в ресторан.

Водка полилась рекой, вместе с хвалебными тостами, хохот стоял от шуток и анекдотов. Ближе к вечеру мужская компания разбавилась молодыми, хорошенькими и разбитными девушками. Гудели, «гужбанили» до утра, откупив ресторан и заплатив по-хорошему всем музыкантам...

У Алексея раскалывалась голова, веки слиплись, в горле пересохло, правый бок онемел. Ему было холодно. С усилием он приоткрыл глаза и мгновенно, преодолевая ломоту во всём теле, присел. Он находился в глубокой канаве, неизвестно где, ветер шумел неподалёку в верхушках сосен. Алексей потряс головой, полагая, что с перепоя ему всё это кажется, но, привстав на корточки и озираясь по сторонам, оценил обстановку реально.

- Йё-моё!!! Ни х... себе!!!

Услышав свой собственный голос, Кириллов вздрогнул от неожиданности и медленно выкарабкался на обочину таёжной дороги. Нигде не было ни души, ни звука - только лес. Он похлопал себя по карманам - ни паспорта, ни документов.

«Дипломат с наличкой?! Неужели...» - и Алексей ринулся обратно в канаву и, ползая по осклизлому краю своего убежища, начал лихорадочно искать дипломат. Руки сами продирались сквозь кусты, разгребали какие-то ямы.

Тщетно...

Тяжело дыша, он обегал всё вокруг, запинаясь за корни деревьев, падая и смахивая грязными руками пот с лица. Гул летевшего самолёта высоко в небе, затушеванного серыми тучами, заставил его остановить поиски. Молча Алексей глядел ввысь и думал: «Вот я и попался... Но – живой! Как же теперь выбираться отсюда? Господи, помоги! В какую сторону идти? Направо или налево? До людей бы дойти, а там – разберёмся...»

Время шло, а он стоял застывшим столбом посреди дороги и не мог выбрать, куда податься... Вдруг до его слуха донёсся звук мотора, и через несколько минут он увидел самосвал. Алёша неистово размахивал над головой обеими руками, не сделав ни одного шага к обочине. Машина притормозила за метр от него, окно опустилось и в нём показалось бородатое лицо шофёра:

– Мужик, ты чё здесь делаешь? Тебя какой леший сюда занёс? Эту дорогу только местные знают, а ты по виду – не нашенький.

– Да вот занесло-забросило. Слышь, брат, а до Хабаровска далеко? – спросил шофёра Алексей.

– Километров 150, не меньше.

– Сколько? Сто пятьдесят?

– Ты чё – глухой? Давай, садись, подвезу, мне всё равно в ту сторону.

В пути ехали молча. Подъезжая к городу, мужик ссадил Алексея на окраине, крепко пожал руку и сказал на прощанье:

– Ну, бывай, может, свидимся.

– Спасибо, браток, слышь?! От всего сердца!

На том и разошлись. Наступил вечер. У Алёши не было даже рубля в кармане. И он не знал, что ему предпринять. Пока раздумывал, подкатил милицейский газик. Ментам не докажешь: ты – человек; если нет документов, значит – бродяга.

«Так, за бродяжничество, давай его, Петька, прямо в тюрьму, хай они там с ним сами разбираются. Тоже мне – бизнесмен хренов, весь в дерьме, а в грудь себя бьёт. Так мы тебе и поверим, что ты из Магадана. И денег у тебя – курам на смех, ни шиша в кармане. А часы – они не твои, а нашего Петра. Вот такая твоя планида – прямиком за решетку».

Ментовские тирады доносились до Алексея, будто сквозь сон.

Спустя какое-то время, все ещё плутая в сбивчивых мыслях, словно в бреду, он услышал: лязг железных ворот тюрьмы, голоса тюремщиков, шорох робы, скрежет собственных зубов; почувствовал дрожь своего нагого тела, увидел побелевшие пальцы его руки, выводящие резкий росчерк подписи на шуршащих листах бумаги...

Дверь общей камеры, человек на тридцать, с оглушающим грохотом захлопнулась у него за спиной.

Вонь долго немывтых мужских тел перехватила горло. В этом запахе было нечто звериное. Ноздри Алексея раздулись...

Глава пятнадцатая

МИШЕНЬ

В ясном, холодном мозгу Алёши возник образ погибшего тренера. Старый боксёр однажды, разгоняя драку, сам попал в тюрьму и оказался в камере. Ему пришлось биться с заключёнными, словно на ринге; на него делались ставки по ходу боев; но окровавленный, с разбитым лицом, он не сдался, выдержал, и то время, пока он находился в отсидке, зэки боксёра уважали. То, что он поведал об этой странице своей жизни, мгновенно всплыло в сознании Кириллова.

Команды тренера зазвенели в голове: «Первое - поздоровайся», и Алеша произнёс, громко, с чувством полного достоинства:

- Здорово, добрые люди!

На нарах никто не шелохнулся, и в ответ не прозвучало ни вздоха, ни даже - «угу»...

«Вторая команда: встань спиной к стенке и... держись, Алеша»...

Алексей сделал шаг в сторону от двери и прижался спиной к шершавой стене камеры. Подождав немного, сказал, что хочет поговорить с «паханом» - с нар никто не ответил...

Тогда Алексей сполз на корточки, снял носки, медленно накрутил их на кулаки, обул башмаки на босу ногу и вытянулся у стены. Часы шли за часами, а он стоял и смотрел вперёд себя, не моргая. Периодически, снова и снова просил, чтоб его представили пахану, главному вору в законе, кто держал здесь всех в подчинении. Но на него никто не обращал внимания. Жизнь камеры текла своим чередом: приносили тюремное пойло, зэки ели, справляли нужду, копошились на нарах...

Ноги отекали, колени начинали дрожать, в такие минуты Алексей приседал, но только на несколько секунд, и опять вытягивался в струнку, впившись лопатками в стену. Руки наливались свинцом, но он держал их крепко стиснутыми в кулаки, в любую минуту готовый отразить удар.

Лёша старался ровно дышать. Древнее чувство самосохранения держало его в полном и ясном сознании. Иногда ему казалось, что он засыпает с открытыми глазами и, поймав себя на этом, Алексей начинал сильно шевелить пальцами ног. «Спать нельзя, - уснёшь, и тогда всё, пойдёшь в «курятник», к параше или под «шонку», иначе говоря - под нары, и не будет тебе больше жизни - мужское бесчестье навсегда, если... вообще сумеешь выжить и выйти оттуда».

Мужицкий храп - не хуже часов! - отметил начало ночи. По всей видимости, Лёша стоял около десяти часов, жилы на ногах вспухли, отёкшие ступни готовы были вылезти из обуви, подобно квашне из горшка, кровь мерно стучала в висках, но он запретил себе опускаться на корточки чаще, чем надо было. Главное, сохранить готовность к бою, не уронить себя...

«Железная воля, у меня - железная воля, умру, но не сдамся», - сказал Алексей себе только один раз, когда на доли секунд дал слабину, мельком подумав, как ему тяжело, но теперь Кириллов вжился в эти слова, сросся с ними.

Он кожей чувствовал - за ним наблюдают. Наступило утро, пришёл день, а Алексей продолжал стоять, как влитой, словно каменный истукан или бронзовая статуя. Воля подчинила тело, а ум фиксировал происходящее в полном покое.

В земных сутках - двадцать че-ты-ре ча-са. Без капли воды, без единой крохи хлеба. Двадцать четыре часа, ровно столько Алексей не сходил с места. Но - всему бывает конец... Дверь открыл охранник и, указав на него пальцем, резко бросил:

- Ты! Выходи !

Еле перебирая задубевшими ногами, заключённый Кириллов шёл по длинному коридору. Остановились перед одной дверью. Возня с отпиранием, кашель охранника, затем дверь распахнулась, и Алексея втокнули в двухместную камеру. На нарах слева полулежал крепкий на вид, хотя и в годах, мужчина.

- Здравствуйте.

- Привет... проходи...

Красноречивым жестом мужик указал на шонку в правом углу. Алексей сел.

- Первый раз в зоне, а?

- В первый.

- Есть хочешь?

- Хочу.

Мужчина покопался у себя за спиной и вытащил целлофановый мешок, в котором была копчёная колбаса и белый хлеб. Лёгким движением бросил мешок в сторону Алёши.

- Вода из-под крана.

Алексей ел не спеша, степенно набрал в кружку воды и медленно выпил.

- Ну, рассказывай, господин Кириллов.

Алёша не удивился, пахан - а это был он, - знал его фамилию. Алексей мог себя поздравить с победой, с бо-о-льшой победой, что не каждому дана в ситуации, в какую он влип..

Они разговаривали, не замечая времени. Как на духу, Алексей Михайлович рассказывал о своей жизни, с самого детства, о бизнесе и о том, что случилось за последние несколько дней. Лихой, так звали пахана, в конце концов сказал:

- Да, подставили тебя, паря. Но я проверю, с чьей стороны наезд... Ты мне нравишься, я тебя нутром чую. Хор-роший ты человек. Образованный... Уважаю...

Два дня длилась исповедь Алексея, о чём-то он рассказал «до доньшка», но о чём-то умолчал...

Всё это время ни один из них не притронулся к грязной посуде, не убрался в камеру.

На третий день, утром, Лихой мимоходом бросил:

- Так... Будто свиньи. Грязь кругом.

Алексей не отреагировал, даже не повернулся. Как лежал на спине, так и остался лежать. Всем видом показал - я не слуга, прогигаться не стану.

Сокамерник посмотрел на него исподлобья, усмехнулся и взялся за ветошь, - мол, сам уберусь... Алексей стремительно встал и, подхватив посуду, начал её мыть. Вдвоём они быстро навели порядок в камере, ни один из них не сделал больше, чем другой. Теперь Кириллов точно знал - он принят, более того, он - почти ровня, но не забывал вежливо обращаться к Лихому на «вы»...

Дальше события развивались интригующе. Однажды на прогулке Алёшу отозвали

зэки и привели его в прачечную, где на облупленном, колченогом столе для белья лежал его пропавший дипломат и чёрная спортивная сумка.

Щёлкнув замками, он открыл дипломат и увидел пачки денег; по их высоте сразу понял - перед ним лежала вся сумма.

Из полумрака комнаты выступил Лихой:

- Ну, что братан, все бабки?

- Все.

- Нет, не все! Сумку открой, якутяне еще 400 тысяч отдали, извинения у тебя просили. Забирай.

- Мне лишних денег не надо, только 150 тысяч. Я должен их чеченцам вернуть, остальное ваше. Спасибо за помощь.

- Ну, ну... потолковать нам надо, - буркнул пахан окружающим зэкам.

Те исчезли молниеносно. Оставшись вдвоем, он ногой подтолкнул стул Алексею. Они сели.

- Тебе - как: эти деньги по назначению передать в Магадан или...

- Мг... Понимаете, дело-то ведь прибыльное. Я вам благодарен... всем сердцем... за всё. Заберите мою долю в контракте, откат в баксах.

Лихой пронизывающе посмотрел прямо Алексею в глаза.

- Значит, мы возвращаем 150 тысяч и гоним мясо в Европу?

- Да...

- Простим якутян?! А то я было уже распорядился - за яйца их подвесить.

- Не стоит, пусть работают.

- Ладно. А ты - молодец, понимающий парень... И потому... я с тобой поровну делить буду. Мои люди проконтролируют сделку, а ты посидишь здесь... Со мной выйдешь, через месяц.

На воле Алексей первым делом состыковался с Иваном, начальником личной охраны, и предупредил о своём приезде в Магадан. Кстати говоря, никого не удивило долгое отсутствие Алёши. Тут уж постарались люди Лихого, не допустили утечки информации. Вроде как - человек в длительной командировке, звонить с Большой земли сложно, контракт идёт - дел по горло, новости - по назначению и вовремя передаются. Те, кто знал, где обитает Кириллов - молчали, а кто нечаянно открывал рот - исчезал из поля зрения. Не зря на прощанье Лихой крепко, по-отечески, обнял Алексея: «Будь здоров, не теряйся»... Лёша не потерялся.

Магадан встречал Алексея Михайловича Кириллова снегопадом. Спускаясь по трапу, он по-детски вытянул руку и стал ловить своей крепкой ладонью снежинки, огромные и лохматые. «Дома. Я уже дома», - подумал он. Снежинки холодили ладонь, можно было разглядеть ажурную вязь их рисунка, но от тепла они таяли, - расплывались аморфной лужицей... Первый снег встрепенул в нём забытые ощущения пылкого наивного юноши, чистые помыслы которого устремлялись в смутное будущее - хотелось дерзать, возводить новые города, покорять космические просторы, вечно любить...

- Алексей Михайлович! С приездом! - крепко пожимая руку, с радостью сказал Иван. Он распахнул дверь машины, и через несколько минут, минуя ворота аэропорта, они неслись по улицам города.

- Алексей Михайлович, много было работы? Вы похудели, осунулись, но вам идет - выглядите как мальчишка!

- Спасибо, дорогой, мало не показалось, знаешь сам - стрессы, нагрузка. Ну, да

ничего... Введи меня в курс дела.

- Всё отлично, все работают, да вы и сами увидите. Отчёты на вашем столе в офисе, когда скажете, мы на совещание всех и соберём. Дома у вас тоже всё в порядке.. э...ваша дочка жива и здорова, я с ней сам по телефону говорил. Единственное, просила передать, чтобы вы не беспокоились, но домой она пока возвращаться не хочет.

- Ясно.

- Алексей Михайлович, а у хароновских новый парень объявился, чересчур шустрый, нос везде суёт. Зовут Евгений, Женя... Говорят, сам Харон ему благоволит. У вас на этот счёт какие-нибудь распоряжения будут? Может, его прижать?

- Иван... осмотрюсь - тогда скажу. Что ещё нового?

- Знаете, у нас в городе несчастье за несчастьем.

- Что такое?

- Алексей Михайлович, главного геолога нашего геологоразведочного института в Подмосковье нашли, в сосняке - убитым. Он в командировку уехал две недели тому назад, отчёты в министерстве сдавать, - и пропал. Вчера сообщили: мальчишки в леске его обнаружили, документы все при нём... Убит очередью из автомата. Следствие идёт.

- Страшная новость. Он же просто геолог.

- Так это ещё не всё, Алексей Михайлович. Помните, вы ездили рыбачить с ещё одним геологом, не адалго до вашего отъезда?

- Конечно, помню. А с этим что случилось?

- Охотники в тайгу ушли промышлять, и в каком-то месте собаки раскопали валежник, а он там вместе с женой, в яме завален, ни одежды на них, ни рюкзаков. Схоронили их вместе.

Алексей покачал головой:

- Бог ты мой, хороший был мужик, и она славная тоже. Жаль людей.

Почти сразу же у Алёши возникла догадка, кто и зачем убирал его знакомых. Геологи знали, где и какие месторождения находятся в этих краях, глубину залеганий, запасы... Одного он только не мог понять - зачем же их убивать? Неужели жалко было поделиться или найти другие возможности? Без умных голов не бывает прибылей... Какая бессмысленная жестокость... Ему стало горько - ведь он с одним из погибших задумывал не только золото добывать, но ещё и дорогу к «Дайке» провести, посёлок построить, людям работу дать...

«Харон, ему всё мало! И зачем столько золота? Золотой песок из этих мест рекой льётся, а теперь ещё и алмазы будут... Сколько человеку надо в этой жизни? Нет, конечно, много работаешь - должен жить комфортно, но ведь с собой на тот свет ничего не унесёшь».

Где-то читал Алеша: в этом мире мы всё берем в долг, на время...

А Харон... К чему бы он и его люди ни прикасались, оставляли после себя кровь, трупы и слёзы... Даже вору в законе не нравились эти методы, хотя таким, как Лихой, вообще законы не писаны. Удержу, кроме воровского кодекса, для Лихогопахана нет, но и он хмурился и негодовал. Правильно говорят: Харон - перевозчик мертвых.

Но зачем же он выбрал мишенью Алёшу и Алёшино окружение? Может, по старой памяти? Ну, подрались как-то крепко - пацанва! Дел общих в те далекие времена не было...

«Что же мне теперь делать? У меня много компаний, за последние годы бизнес разросся... Но влип, хуже некуда. «Кур в ощи» - это про меня. С одной стороны - Лихой, с другой - Харон, хоть ложись и подымай... Грустно...», - нелёгкие раздумья поднимали смуту в Алёшиной душе.

После возвращения Кириллова его подчинённые и близкие заметили, как он изменился. Стал замкнут и ещё более строг. Даже говорил теперь медленно, с оттяжкой, тщательно подбирая слова, больше слушал, меньше рассуждал.

Вскоре его любимый спортивный зал был заново отремонтирован, но Алексей туда не ездил. Основное время проводил в офисе. Ему пришлось смириться, что поверенный Харона, Женя, уверенно и нагло включается в разработку Алёшиных проектов, парень он смыслённый, конечно, но чувствовалась в нём какая-то червоточина.

Иногда на горизонте появлялись люди Лихого, и перед ними надо было отчитаться о действующем контракте. Лихой был доволен результатами.

Единственной проблемой оставались поставки оружия. Он спрашивал Исмаила, для чего оно им, и куда они его будут отправлять. Исмаил отвечал уклончиво. И, в конечном итоге, Алексей категорически отказался, ведь оружие когда-нибудь выстрелит, прольётся кровь, а он не желал быть к тому причастным.

Полтора года пронеслись быстро... От добычи алмазов пошла прибыль.

Исмаил появился, как всегда, неожиданно. Не успев поздороваться, бросил холщёвый мешок на стол и серьёзным тоном сказал:

- Алексей Михайлович, просьба есть, камушки в Швейцарию перебросить. Кроме вас никто не сможет, только вы имеете дипломатический паспорт. Билеты - бизнес-классом, как полагается. Гостиница пять звёзд, в сопровождении Женя поедет, кого-нибудь из своих возьмёте.

- У вас же все схемы отработаны! Или пролетели где-то? Это опасно. Не поеду.

Исмаил доказывал, уговаривал, но Алексей стоял на своём.

В тот день Алёша работал допоздна. Вернувшись домой, не мог уснуть до рассвета. С первыми лучами солнца будто что подтолкнуло его: он поднялся и подошёл к окну. У подъезда стояла, переминаясь с ноги на ногу, девушка. Алексей не поверил своим глазам - это была его младшая дочь. Едва накинув халат, с бешено бьющимся сердцем, сбежал по лестнице:

- Доченька, ты?! Вернулась!

Он вглядывался в её лицо, обнимал, целовал в затылок, гладил плечики и еле сдерживал слёзы.

- Пойдём, пойдём домой, мама обрадуется.

- Папка, прости...

- Ничего, ничего, ты уже дома. Как же ты очутилась одна на улице?

- Я сама пешком пришла.

- Мне говорили, ты была в Москве, потом где-то на Украине. Почему всё это время не звонила?

- Да, намоталась. Он разлюбил меня, пап. Драться стал. Я терпела, долго терпела. Запирал меня... На днях прилетели в Магадан, я его просила разрешить мне с вами увидеться, а он запретил даже к тебе звонить. Вчера поздно вечером с кем-то поговорил по телефону и выгнал меня... прямо на улицу. Сначала я плакала, а потом... пришла сюда, к дому. Хотела дверь открыть, а код поменяли, вот и стояла, ждала.

- Сволочь он, бандит. Как же ты не разобралась? - зло ответил Алексей.
- Да нет, со временем-то поняла, чем Руслан занимается - рэкет, финансовые махинации, только поделаться ничего не могла.

Может быть, впервые за много месяцев Алексей улыбался, готовил сам завтрак, разливал чай... Вся семья была в сборе, и казалось, самое худшее осталось позади.

Не прошло и недели - Лихой попросил немедленно приехать в Хабаровск.

Лихой умирал.

Умирал от рака в отдельной палате лучшей больницы города. С печалью смотрел Алексей на исхудавшее лицо старика. Приоткрыв глаза и увидев Алёшу, Лихой вяло улыбнулся:

- Лёха, хочу тебя наследником сделать, знаю, тебя братва уважает, подчиняться будет беспрекословно. Хозяйство моё большое, ему голова нужна. Время меняется, на старой дури не проедешь, умных людей набираем, учим, помощники у тебя будут отличные... Что скажешь?

- Спасибо за доверие... Но не смогу я... Не говорил вам, но у меня дети есть, две дочери... Да и не моё это - воровское дело. К этому смолоду привыкать надо. А я не так воспитан. Простите.

- А... наконец-то сказал! Дочка младшая вернулась?

- Вернулась.

- Что ж, это моя личная услуга тебе, Алёша. Предсмертный подарок... Кха-кха, - Лихой закашлялся кровью, - не поминай лихом старика.

- Вы?! Как вам удалось?

- Какая разница, Алёша. Могу... А теперь о деле. Контракт наш заканчивается, и ты - свободен, не должен общаку ничего. Но если будет худо - тебе помогут.

- Господи!

- Э, я не ангел, я вор в законе... не благодари, это моя воля... На похоронах не светись, уезжай... Прощай, паря...

Алексей оставил Лихого позади закрывшейся двери палаты. Одного, с похудевшими иссохшимися руками. Их жёлтый цвет ещё сильнее оттенял крупные си- нюшные ногти.

Процесс умирания глубоко личностен: уход из жизни в муках или тихо, во сне, даётся от Всевышнего, а, может, по земным заслугам. Сакральность смерти подчёркивает суетность человеческой жизни, и никакое былое могущество не может ослабить, облегчить муки тела и души...

После встречи с Лихим Алексей закрылся в номере гостиницы и пил водку. Плакать не мог - пил, стакан за стаканом. В голове - пустота... С прямой спиной, сидя на стуле, он подхватывал куски красной рыбы, демонстративно отправляя в рот и, медленно разжёвывая, смаковал, затем с шумом швырял вилку на стол, глотал крепкую, обхватывал голову руками и раскачивался в такт придуманной им песне- вою, потом замолкал и начинал дико хохотать.

Со стороны могло показаться - мужик сходит с ума. На самом же деле Лёша, сквозь алкогольный угар, пытался прорваться к собственному Я, закованному в тяжёлые, ржавые кандалы собственных поблажек, поправленных идеалов и усечённых принципов.

Время и случай свели Алексея одновременно не только с ворами, бандитами, бизнесменами, но и с чиновниками на вершине власти, чьи решения могли менять

жизнь страны в лихорадке политических и экономических перемен. Стойкость и ясный ум держали его на поверхности. При любых коллизиях ему удавалось выдерживать напор со всех сторон. Многие говорили - Кириллов удачливый, деловой мужик, к нему деньги сами плывут; уважаемый специалист, заводы строит; благотворительностью занимается, людям работу даёт, рапортует куда и когда надо. Да, упаковка у него - экстра, каждый позавидует. И результаты неустанного труда, как говорится - классные.

А вот мира в себе нет... Алексей пытался понять, кем он стал. Сейчас ему хотелось только одного - бросить всё и бежать, куда глаза глядят. Уйти далеко-далеко и начать всё сначала.

Самоанализ, «разборка полётов» - давались нелегко... «А может, меня сглазили? Колдуна надо найти или к знакомой бабке-шаманке поехать на Чукотку, пусть пошептала бы, травками попоила...»

Лидия Сергеевна включила свет, ей страшно хотелось пить, и она вышла на кухню, открыла холодильник, налила воды в стакан. Вошла медсестра:

- Лидия Сергеевна, как себя чувствуете?
- Ничего, воды захотелось, не волнуйтесь, идите спать.
- Хорошо. Но если плохо станет, позовите.
- Конечно, конечно, спасибо.

Лида вернулась к себе в спальню, думая, как за внешней стороной событий невозможно, порой, угадать, что происходит в душе у человека. «Сколько тайн и секретов у каждого, информации, которую невозможно передать, доверить никому на свете. Лёшины письма - сколок, не более, за ним бездна неизвестного, что было для него ежедневным потоком бытия».

Тени на потолке поменяли свои очертания. Будто кораблик на волнах и острова, много островов... Да... жертвы кораблекрушения, далеко в океане напоровшись на рифы, бросали бутылку с запиской - координатами, именами, словами «прости» своим близким, с предупреждением об опасности в далёких водах... Верили: прийдёт её где-то к берегу и, может, откупорит бутылку человек добрый, и придёт в одночасье спасение. Ждали, умирали с надеждой... Вот и книга - что та бутылка, в океан брошенная... Правда, не из океана - из тайги ко мне пришла. Почему я именно её купила? Непонятно... Фатум... Таинственные связи человеческих судеб...

Меня занимал вопрос, когда же Алексей Кириллов находил время писать профессору? В суматохе дел и событий, каким образом он находил минуты одиночества, чтобы рассказывать о себе? Вообще, очень странно, что Алексей так опасно откровенничал с профессором Говоровым. Наверное, верил, - не уйдёт его исповедь дальше письменного стола старого интеллигента. И был прав, столько лет профессор хранил его письма, лишь в предверии смерти передал их Дарье. В свою очередь, она вряд ли всё рассказала об Алёше в своих записях... Так, чуть-чуть завесу приподняла.

Но описывала она в дневнике разные эпизоды из жизни Алексея, почерпнутые из писем. Среди них есть и забавные, читая, я не только переживала за Лёшу, но и хохотала, у него хватало юмора подмечать смешные штрихи в событиях. Сюжетом для хорошей комедии могла оказаться сдача одного из очередных Кирилловских объектов.

«Объект» был начинён суперсовременной технологией, на торжество собрались представители министерств из Москвы, местная знать и политическая элита. Съехалось человек сто пятьдесят. Церемония проходила в лучших традициях постсоветского времени: перед входом на новый завод натянули красную ленточку, поставили трибунку с микрофоном, две пальмы в кадках, по бокам разместили горшки с цветами.

В поздравлениях, разумеется, сплошной елей и медовые речи, но за всеми словесами – самая заурядная зависть. Застолье после торжественной части понравилось всем. Еды и питья хватило бы на полк солдат. Многие были приглашены на завтрак следующего дня к важной персоне из Москвы.

С головной болью Алёша прибыл к восьми утра в гостиницу. «Высокий гость» занимал самый большой номер в отеле, в гостиной накрывали на стол три вымуштрованных официанта. Люди подтягивались, как-то споро все уселись вокруг стола и стали чинно ждать. Ожидание затягивалось. Алексей вяло отвечал на вопросы и укордкой наблюдал за присутствующими.

Мужчины с чопорной миной и выражением похмельной муки, с припухшими глазами, но гладко выбритые и надушенные французскими парфюмами, в туго завязанных галстуках и отутюженных брюках со «стрелочками» умничали перед двумя женщинами, сидевшими с прямыми спинами, в костюмах а-ля-бизнес-вумен, с ярко накрашенными ногтями и свеженаложенной косметикой.

Дамы бодрились и старались изо всех сил казаться краше, чем они были на самом деле. Этот тип «мадамов» отмечен штампом стервозности и старательно подчёркиваемого элитарного высокомерия, так что слова, вылетающие из-под крыльев губ с ланкомовской помадой, едва цедились, а улыбки напоминали оскал волчиц, оставшихся в стае без любви.

Никто не притрагивался даже к кофе, команды не было, поэтому все в какой-то момент занервничали. Запах свежего кофе, вид бутылок с холодным пивом и шампанским давили на психику, или, как говорят – на мозжечок. Алексей не выдержал первый и попросил налить ему шампанского. Официант откупорил бутылку, и долгожданная струйка потекла по стенке Алёшиного бокала, пузырясь и играя.

В тот же момент дверь из смежной комнаты с шумом распахнулась, и появился абсолютно... голый – в чём мать родила! – сам высокопоставленный. Гость остановился, пытаясь со сна и глубокого бодуна сообразить, где находится и что происходит. Ошарашенные, в полном изумлении, гости не успели сделать вдоха-выдоха и замерли в позах восковых фигур известного музея. У Алексея мелькнула мысль: «Бедный мужик! Дверь перепутал! Вот хохма!»

Проём двери – своеобразная рама для «випа», и картина на утреннем импровизированном вернисаже оказалась почти в духе старых итальянских мастеров. У мужчины было мускулистое тело, слегка кривоватые ноги, всклокоченные волосы на макушке, пузичко, курчавые волосы на груди и на самом важном мужском месте. Ну, не Сатир ли ?!

Обнажённая персона приковала взгляды ожидающих, особенно дам, мгновенно вызвав у них непотребное восхищение: «Как же я его пропустила!» – подумала одна; «У-у-у... вот это оснастка!», – отметила другая, и её воображение вызвало настоящее смятение в груди.

Мужчины хором крикнули, будто та стая гусаков на отгоне: «Ну ни х-я себе олёлё!!», и в сиюминутном сравнении со своими достоинствами у них произошёл

мгновенный ступор сознания.

Алексей сделал большой глоток и пузырьки защекотали в носу, он не знал, то ли ему хохотать, то ли бежать и прикрывать мужика своим пиджаком. Но «вип», оглядев народ полупустым взглядом, спросил:

- А вы что здесь делаете?

В ответ - мёртвая тишина.

Передёрнув плечами, «вип» невозмутимо повернулся ко всем мускулистой задницей и медленно вышел, тщательно закрыв за собой дверь. Вскоре послышался шум воды в ванной.

Все сидели тихо, не двигаясь, только официанты переставляли тарелки и чашки. Их мельтешня была спасительной. Никто не знал, как реагировать на случившееся. Если засмеяться и бросить реплику, чёрт его знает - в нужный момент кто-нибудь из сидящих может этим воспользоваться, напомнить важной персоне, и тогда - не видать льгот и выгод. Рассердиться? Тоже не идеальный выход. Вот так и сидели с закрытыми ртами, с клопочущим смехом в горле - негодуя, а, может, размышляя о бесцеремонности, вседозволенности, хамстве, пьянстве и коварстве случая, да и кто знает ещё о чём...

Не прошло и десяти минут, как «вип» вышел в деловом дорогом костюме, в тщательно затянутом красном галстуке от Версаче, гладко выбритый, и весело спросил:

- Так лучше, господа?

Его мягкая, по-детски непринуждённая улыбка мгновенно разрядила атмосферу в гостиной, и все дружно закивали, зааплодировали, загоготали мужчины, зачирикали леди-миледи.

Бизнес-завтрак прошёл в деловой и дружеской атмосфере...

Глава шестнадцатая

ПЕПЕЛ И АЛМАЗ

Алексею всё равно пришлось возить камушки за кордон - заставили его или сам согласился, неведомо...

Из последнего Алёшиного письма Лидии запомнился эпизод об алмазах. В очередной раз, осенью, Алёша собирался за границу. Поздно ночью, перед отъездом, сидел в кабинете, с плотно задёрнутыми шторами при свете настольной лампы. Открыв холщёвый мешок, набирал в ладонь полную пригоршню алмазов, словно песок на пляже, и молча разглядывал. Через какое-то время встал и, покопавшись возле стенки, открыл потайной сейф. Сейф был канадский, с хитроумным замком. Набрав код, Алёша по щелчку определил, что дверца открылась. Внутри лежали деловые папки, стопками сложенные доллары, несколько коробочек, бумаги и свёрток. В свертке - Дашины письма, присланные Говоровым.

Взгляд зацепился за папку под грифом «Х». Там Алёша хранил все адреса и телефоны, копии контрактов, схемы движения финансов, координаты банков и счета, на которые перегонялись деньги для Харона. Время придёт, и вся информация будет передана куда следует... Одним словом - компромат на того, чьи дела душа Алексея подспудно не принимала. Полистав страницы папки, он положил её обратно, затем

переставил коробки местами и, взяв ту, что побольше, вытащил из неё ещё два мешочка.

Теперь на столе перед ним лежало целое состояние: необработанные алмазы в холщёвом, бриллианты в бархатном мешочке и в полиэтиленовом - золотой песок. Указательным пальцем он разгребал то одну кучку, то другую. Бриллианты сверкали всеми цветами радуги, золотые песчинки прилипали к пальцам и их приходилось стряхивать. А алмазы притягивали взор естественным великолепием... Все эти дары матери земли были на ощупь удивительно холодными...

Потянув на себя ящик стола, он вытащил паспорта. Медленно открыл книжицы и, внимательно изучив визы, задержал взгляд на фотографиях. Отложив их в сторону, пинцетом разделил бриллианты на три ровные кучки. Это занятие отняло какое-то время. Затем Алёша, встряхнув золотой песок в полиэтилене, потянулся к стопке писчей бумаги и расстелил три листа на краю столешницы. Почесав затылок, в раздумье встал и вышел в кухню. В темноте на ощупь нашёл в положенном месте чайную ложку и вернулся обратно. Ложечкой он отмерял песок и выкладывал аккуратно на листы. Золото шуршало, крупинки падали на белизну бумаги и иногда рассыпались по ней, тогда он пальцами сгребал их к середине.

Из мешка с алмазами он выбрал несколько крупных камней - тех, что принадлежали ему в виде «отката», и поровну распределил на три части. Свернув пакетики с золотом, Алёша взял из сейфа три коробочки, вытряхнул содержимое на полку и, повертев в руках, решил, что они вполне могут подойти для камушков. Холщовые пустые мешки для перевозки драгоценных камней лежали в одном из отделений его мощного письменного стола. Алёша вытянул три и медленно вложил в них пакетики с золотом, коробки с алмазами и бриллиантами. На столе лежали три упаковки. Всё оставшееся Алёша закрыл обратно в сейф.

«Кажется, всё готово...», - подумал он.

Не включая света в коридоре, Алексей добрался до спальни и разбудил жену:

- Таня, вставай, поговорить надо.
- Что? Что случилось?
- Ничего не произошло, поднимайся, я в кабинете.
- Хорошо, хорошо...

Алёша сидел в кресле и, опершись на спинку, раскачивался, будто маятник.

Заспанная и встревоженная Татьяна вошла в кабинет в ночной рубашке и халате, наброшенном на плечи.

- Садись, Танюша, - произнёс Алексей.

Она тихонько и настороженно втиснула себя в кресло напротив и испуганно посмотрела на мужа.

- Таня...
- Да, Алёша?!
- Мы с тобой прожили...
- Ты со мной разводишься?
- Нет, я не об этом.
- Тогда, я...
- Подожди...

Алексей вдруг понял, что он не может найти правильные слова. Молча он смотрел на женщину, с которой прожил вместе столько лет.

- Значит, так, - строго начал Кириллов, - ты и дочери должны уехать. Вот

паспорта - три наших и три канадских, билеты уже заказаны, завтра вы их получите. Вот этого, - он кивнул головой в сторону мешков, - каждой из вас хватит до конца жизни, счёт в Канаде на твоё имя сообщу позже, под Монреалем я купил дом, большой дом, полностью обставлен, прислуга, две машины.

- А... ты?!
- Времена меняются... У меня ещё много дел... Я хочу, чтобы дети пошли в колледж, выучили языки, получили образование в Канаде.
- А... как же я?!
- Таня... я всё сделал, чтобы обеспечить вас, и...
- У тебя неприятности?
- Нет... Всё отлично. Но именно когда всё хорошо... я хочу, чтобы вы уехали. Я вас люблю, вы мне дороги, поэтому прошу тебя, позаботься о девочках... Я буду приезжать.
- Алёша, не гони меня, пожалуйста.
- Таня... наши дети - прежде всего. Я не потерплю никаких возражений, и слушать ничего не желаю! Все подготовлено, и вы уезжаете. Скажешь завтра девочкам... Собирайтесь и не берите с собой много вещей. Ну, сколько необходимо для... отпуска.

На глазах у жены блеснули слёзы, и Алёша, резко поднявшись, подошёл к ней:

- Не плачь, давай без истерик.
- Ты меня никогда не любил, - шёпотом произнесла Татьяна, - никогда, никогда, я это всегда знала.
- Неправда, я тебя люблю... по-своему люблю. Я с тобой жизнь прожил, понимаешь - жизнь. Худо ли, хорошо ли... Ты - мать моих детей, и этого достаточно.
- Алёша, я не смогу без тебя!
- Сможешь...
- Ты стал совсем чужим за последние годы.
- Я много работаю.
- Работа ещё не всё в жизни!
- Давай без дискуссий, ладно? Я тебе сказал, что вы должны сделать, и точка. А сейчас иди спать.

Он приподнял жену с кресла и под руку вывел из кабинета. Она не сопротивлялась, только по глубокой муке, застывшей в глазах, можно было понять, какой шок ей пришлось испытать. А перечить или упрашивать Алексея было бесполезно, это Татьяна знала...

Закрыв за женой дверь, Алексей Михайлович подошёл к окну. «Хорошо, что я богат... Ничего плохого в этом не вижу. Работаю... К богатству тоже нужна привычка. Деньги - любят хозяина, а настоящий хозяин - деньги уважает... Что-то будет дальше? Кто знает... Главное, чтоб все были живы-здоровы».

В стекло бился осенний дождь и ручейками скользил вниз. «Природа плачет. Скоро зима наступит, снег пойдёт. К концу движется столетие и тысячелетие... А дождь сильный», - мелькнула мимолетная мысль.

Неожиданно для себя самого Алёша вспомнил дождь на берегу Балтийского моря, где они с Дашей бегали под весенним ливнем, хватали капли дождя губами и целовались под раскаты грома. В горле запершило. Откашлявшись, он подошёл к тумбочке в углу комнаты и вынул из ящика небольшую деревянную шкатулку, открыл крышку, и в его ладони оказался тёмно-зелёный голыш, простая галька с да-

лёкого берега. Даша нашла её под дождем и подарила ему на память... Алёша ухмыльнулся. Тепло его ладони согревало камень. Легкий бросок - и галька мелькнула в воздухе. Вот так, подбрасывая гольш в руке, Алексей сделал несколько кругов по кабинету, а потом сел к письменному столу и, утомлённо положив голову на руки, крепко сжимая в кулаке гальку, задремал.

Ему приснилась Даша. Она стояла на вершине холма в лучах солнца и звала его, звала. Алёша изо всех сил бежал к ней, но никак не мог до неё добраться, она исчезала в мареве зноя. Слышался только её голос: «А-лë-ë-ша! А-лë-ë-ша!»

Сквозь дрëму Алексей почувствовал, что его кто-то тормозит.

- Алёша, проснись, машина пришла, тебе пора, - громко будила Татьяна.

Он поднял голову, жена стояла возле него. Вокруг её глаз - тени. «Наверное, не спала», - отметил про себя Алексей.

Через несколько минут Алексей Михайлович Кириллов, свежесбривший и, как всегда, с иголки одетый, направлялся в аëропорт. Впереди его ждала Швейцария.

* * *

Лидия Сергеевна неловко повернулась и настороженно прислушалась к биению сердца. Где-то в глубине сознания на мгновение возник страх, но тут же погас... Нет, она себя чувствовала вполне сносно. Ночь постепенно отступала перед морозным рассветом.

Лида думала, что своё собственное несчастье, можно даже сказать - трагедию, никому другому не прочувствовать так, как только ты сможешь, но всё же становится намного легче, если знать, - плохо не только тебе одному, - кто-то тоже проходит по жизни сквозь тернии.

Ей был понятен Алексей, и как человек, и как представитель новой формации бизнесменов, которых всё чаще называли «олигархами». Слово из учебников по истории капитализма девятнадцатого века прочно входило в обиход в конце двадцатого.

Странно, но некоторые слова уходят из языка, а потом возвращаются и обретают новую жизнь. Будто воскресая из ниоткуда, вопреки буйствам исторических перемен, их появление может высветить трансформацию людских и общественных взаимоотношений, стать знаком времени.. Олигархи - символ постсоветского бытия, а вот слово «товарищ» вряд ли сохранит полновесность и многомерность значения, что имело в советский период нашей истории. Да, всё течет, всё изменяется...

«Ну, да Бог с ним, со всем этим», - подумала Лидия Сергеевна, отвлекаясь от своих размышлений.

«Что дальше случилось с Дашей и Алексеем? Это меня сейчас интересует. Дневник заканчивается единственным Дашиным посланием к Кириллову, в котором она подробно поведала, где она обитает и как найти её сторожку. Она писала:

«Живу я отшельницей. Слушаю по утрам шум сосен и крики птиц. В сторожке о моей молодости напоминает только вымпел «Ударнику коммунистического труда», красный шёлковый треугольник с золотыми буквами. Он мне дорог - в нём моя юность, мой труд, людское признание.

Я сохранила любимые книги и воспоминания.

Я - одиночество и отдохновение.

Старость не за горами, и покой души мне очень важен.

Я хотела бы разделить с тобой звучание капли по весне и завыванье метели в зимние ночи, тепло старой печурки и запах земляники в летний погожий день. Выбор за тобой...»

- Да, выбор за тобой,- вдруг громко повторила вслух Лидия Сергеевна и, услышав собственный голос, вздрогнула, приподняла голову и окинула взглядом спальню. Ночь прошла, утро наступило как-то быстро и неожиданно, в комнате было светло и ярко от солнечных лучей. «Совсем я распустилась, не забочусь о себе. Всю ночь думы думала. Неправильно..., - пожурила себя Лида. - И Даша больше ни-че-го не написала в своём дневнике. Что произошло? Сбылся ли её вещий сон в вагоне поезда до конца или нет?»

Лиду эти вопросы тревожили, потому что она запомнила: той бабке, что на базаре, Даша отдала книги, чтобы получить деньги на отпевание... Но чьё?

Тяжёлые раздумья омрачали мысли Лидии Сергеевны. Тоска сжимала сердце и давила грудь. Утро прошло скомканно и вяло, Лида слонялась из одной комнаты в другую. Ей было тесно и душно в доме, хотелось убежать, исчезнуть навсегда, уйти от себя и других, освободиться от всех бед и страхов, наполнявших душу.

Ближе к полудню приехал встревоженный и возбуждённый Жора:

- Лидия Сергеевна, я должен, я должен вам это рассказать! Егоров - ассыскных дел, и его ребята не хуже.

- Что-нибудь новое нашли о Хароне?

- Нет, я не о нём, а о девочке, и как Егоров расследование провёл, и какого она роду-племени, слушайте...

- Девочка?!

- Да, я вам не говорил, - ребёнка подобрала моя знакомая на обочине шоссе. Она решила удочерить девочку и попросила Егорова разыскать родных и близких малышки, либо официально подтвердить её сиротство.

- И что же Егоров, нашёл?

- Кое-что, - ответил Жора и, взяв чистый лист бумаги, начал писать.

Лидия вопросительно посмотрела на него, он кивнул в ответ, давая понять, что пишет не случайно.

- Может, чаю налить, Жора?

- Да, с молоком, - ответил телохранитель и пододвинул бумагу ближе к ней.

- С молоком, так с молоком, - ответила Лида, внимательно читая написанное на страничке: «По настоятельной просьбе Егорова мы должны срочно выехать из Москвы и из страны. Билеты у меня в кармане. Вылетаем завтра в Грецию».

- ...? Жора, есть бутерброды с колбасой и печеньё, - сдерживая волнение, сказала Лидия.

- Да, бутерброды - это хорошо, - многозначительно ответил Жора, развернул лист в свою сторону и, что-то дописав, пододвинул бумагу так, чтобы Лида опять смогла прочитать: «Уезжаем по отдельности. Завтра утром поедете в Пассаж часов в десять, а оттуда в аэропорт, но не на своей машине, а на белых «Жигулях». Стоянка - на противоположной стороне от центрального входа, за рулём будет крашенная блондинка, она агент Егорова. К машине подойдёте в 11 утра. Билеты я положу в коридоре в карман вашего пальто, с собой много вещей не берите. Ваше общее самочувствие - нормальное? Полёт выдержите?»

- А... Да... Как девочка выглядит, снимок есть?

- Вот, смотрите, - и Жора показал маленькую паспортную фотографию женщины с русыми волосами.

- Миленькая, - как-то неуверенно ответила Лидия Сергеевна.

- Да вы не суетитесь, я сам чай разолью.

- Пойдём на кухню вместе.
- Вместе так вместе!

Они сидели за круглым столом в просторной кухне, Жора разливал чай. Руки у Лидии немного дрожали.

- Что ж ты дальше не рассказываешь, сначала заинтриговал, а потом замолчал, - отхлебнув чай, спросила Лида.

- Прежде всего, Егоров узнал - девочка родилась в Москве во втором родильном доме. Мать - Олеся Соколова, в метрику был вписан отец - Максим Сычёв, но Олеся считалась матерью-одиночкой. Приехала она в Москву из Н-ска, из Сибири, в 1994 году, устроилась на работу дворничихой, через полгода появилась малышка.

Начальником домоуправления был сердобольный мужик, выделил ей комнату в коммуналке, а затем выхлопотал квартиру в новых районах Москвы. Олеся воспитывала девочку сама, но потом вышла замуж. Агент Егорова встречался с соседями, и они рассказали, что молодая семья поначалу жила дружно, но вскоре муж Олеси потерял работу, начал пить и дебоширить. Впоследствии попал в плохую компанию, его посадили в тюрьму, спустя год он умер. Девочку не удочерял. Вместе с мужем Олеся пристрастилась не только к спиртному, но и к наркотикам. Свою квартиру Соколова сдала какой-то фирме. По бумагам - она продала её, и однажды с дочкой оказалась на улице. Родных у Олеси нет, она детдомовская. С ребёнком мать пристроилась в подвале своего же дома, а затем исчезла. Девочку соседи несколько раз видели возле магазинов или у входа в метро, но никто её не останавливал и ни о чём не спрашивал. Думали, что всё с ними в порядке.

Запись о смерти Олеси егоровские ребята нашли в одном из моргов. Тело не было затребовано, и ее похоронили в общей могиле. Смерть наступила от передозировки наркотиками.

- Подожди, остановись, - попросила Аида.

У Лидии Сергеевна закружилась голова, она не могла представить, что судьба девочки перевернёт ей всю душу.

Мать ребёнка из Н-ска, родного отца звали Максим. А вдруг этот малыш волею судьбы и роковых случайностей не кто иной, как... Нет. Предположения неуместны.

- Я сейчас вернусь, - сказала Лидия и бросилась в спальню, где под кровать, в дальний угол, она положила книгу с Дашиным дневником.

Лида лихорадочно листала книжку, отыскивая место о жизни Даши в Н-ске. Точно! В главе с Андромедой... Да... Да... Степан Ильич СЫЧЁВ?! Главный инженер завода... Господи... тогда получается, что сын Даши - Максим Сычев... Взволнованная, она вернулась на кухню:

- Жора!.. Мне кажется, я знаю, кто родня у этой девочки.

- У вас что же, свое частное бюро за пять минут образовалось? Что за фантазии, Лидия Сергеевна?!

- Не язви, Жорж... Муж у Дарьи Белоцерковской был Сычёв.

- Что?

- Да... Степан Ильич Сычёв. И Даша писала, «у сына была зазнобушка», которую она никогда не видела.

- Хм...

- У Дарьи была сестра, судя по её записям. Может быть, Егорову следует рассказать о моих догадках и, кто знает, вдруг он найдёт девочке родную тётку...

- Из серии фантастики, - скептически произнёс Жора, - я понимаю. Вам так хочется...

- Девочке найти семью, окружить её заботой. Ночи на нормальной детской кро-

вати с чистыми простынями, горячий завтрак и...

На глазах у Лиды выступили слёзы.

- Я не знаю Дашину сестру, но я отлично знаю, что за человек Людмила Аркадьевна. Она добрая, чуткая женщина, у неё девочка будет жить хорошо, нет никаких сомнений. Конечно, я могу сказать Егорову... Но - смысл? Он же засмеёт меня - один персонаж из мифов найди, другой...

- Ты - прав. Я ...

И Лидия, взяв ручку, начала нервно писать на листе бумаги.

Жора наклонился поближе, всмотрелся в текст . «1. Я не желаю более быть героем детектива. 2. У меня есть ещё время начать всё сначала. 3. Мне необходимо сделать нечто важное в моей жизни»...

Лидя остановилась на мгновение, и Жора, взяв из её ладони ручку, приписал: «Я буду всегда с тобой».

Лидя плакала у него на плече, а Жорж гладил её волосы и утешал, как утешают маленьких детей, сильно разбивших колени. Всем сердцем он был в этот момент с Лидией, и оба знали, что от них самих будет зависеть их будущее.

Всхлипывая, она, наконец, сказала:

- Наверное, девочке повезло...Встретила женщину, которой нужна. Ничего не говори Егорову, пусть всё останется, как есть, только... знаешь... надо будет отдать книгу твоей Людмиле Аркадьевне...

- Да, да. Пожалуй, это лучший вариант... Не расстраивайтесь. Всё наладится.

- Жора, - вытирая слёзы и чуть-чуть отстраняясь от него, сказала Лидя, - если ей будут нужны деньги для ребёнка, я помогу.

- Людмила Аркадьевна - богатый человек... Спасибо. Но я ей передам обязательно...

- Тебе пора идти... я очень устала.

- Да... Да... До свидания...

Спустя некоторое время Лидия Сергеевна медленно собирала рюкзачок, небрежно бросая в него зубную щётку, пасту, смену белья, старенькие удобные джинсы и несколько спортивных маек. В дамскую сумку положила документы, деньги...

Опять в дорогу. Но это - другая дорога: она знала, чувствовала...

В её сознании крутились мысли о Даше и маленькой девочке, чья жизнь только начиналась.

Глава семнадцатая

ЗА ГРАНЬЮ НЕИЗВЕСТНОГО

Лидия Сергеевна никогда не узнает, как за гранью неизвестного, в пространстве вечнозелёной тайги, по еле заметной тропинке Дарья с оцинкованным ведром, брякающим на каждом шагу, тихо брела к небольшому болотцу, на котором обычно собирала клюкву зимой.

Внезапно она услышала рокочущий звук вертолётa. Было ощущение, что он кружится не так далеко, потом послышались выстрелы, наподобие автоматных очередей. Даша с сожалением и обидой подумала: «Неужели новоиспечённые бар-

чуки на охоту в мою тайгу прилетели, всё им мало, денег куры не клюют, куражатся, с вертолѐта живность лесную бьют. Нет на них управы. Браконьеры, Леший их всех задери!»

Раз в год Даша уходила за десять километров от сторожки в село, где ещё оставались люди. Понаслышке знала, какие перемены происходили в стране, но они её особо не волновали.

Дарьиному приходу в селе радовались. Бабы трещали между собой:

- Старуха идёт... Мука и сахар, видать, кончились, а в руках узелок - знать, вкусненькое несет.

- А брусничное варенье у Старухи-отшельницы самое лучшее.

- Так она колдунья! Наворожит - вот оно и вкусное.

Даша знала, что женщины её побаиваются, но не гневалась, а, наоборот, приносила им и трав лечебных, и настоек пьяных, которые сама готовила. Сельчане давали ей муку и семена разных овощей. У Дарьи были две маленькие грядки, где она выращивала картошку, свѐклу и зелень, хотя помнила, как Дина Андриановна из её питерской коммуналки говорила: лес сам накормит.

Он - кормилец, главное - его любить. Дину Андриановну заботила защита природы, она знала, как важно соблюдать правильный отстрел животных и сохранять богатство лесов.

С детства запомнились многие советы охотоведа, хотя, казалось, для питерской городской девочки в них не было нужды. Ан, нет, - все они пригодились Даше-отшельнице.

Дарья смотрела в небо и пыталась разглядеть вертолѐт. «Может, это охотники? Волков развелось много. Ночами слышался, порой, тоскливый вой, но она не боялась, у неё было ружье. Так, может, волков отстреливают по плану? »

Но шум вертолѐта затих, и она, успокоившись, медленно пошла дальше. Тропинка вилась между деревьев. Женщина знала каждое, даже давала им имена, наблюдала их рост в течение долгих лет, что провела в своей одинокой обители.

Дарья приостановилась у молоденькой сосны, которой от роду было два годка. Сосенка вытянулась и распушилась. «Милая ты моя, иголочки крепенькие, - трогая ветки дерева, приговаривала Даша. - Озябла? Нет? Расти, расти, детка, ещё годок-два, и выше меня станешь, как твоя сестрица. Смотри, мне до её верхушки уже и не дотянуться». Похлопав по коре вторую сосенку, пошла дальше. Из кармана обтрѣпанной куртки вытащила кусок испечѐнного ею хлеба и, кроша в ладони, начала разбрасывать в стороны от тропки.

Она любила эти места, называла своим лесом, своим болотцем... Даша стала как бы частью вечной вибрации жизни, что наполняла всё вокруг радостью бытия.

Дарья никого и ничего не ждала, она просто жила и дышала покоем мироздания, её кровь билась в ритме ветерка, шелестящего в вершинах деревьев, а мысли плыли подобно облакам в голубизне бескрайнего неба.

Шаг за шагом Даша продвигалась всё дальше в глубину тайги, время текло медленно, и ничего более не нарушало торжественную тишину леса.

Вскоре у одинокой берѐзки, на поляне, недалеко от болотца, она заметила нечто чёрное. Дарья насторожилась и приостановила шаг. Кроме неё много лет никто не забирался в эти места - людей поблизости не было... «Вроде шевелится что-то, или... Нет! Не движется. В прошлом году здесь не было ничего. Может, летом кто-нибудь бросил что? Странно, - подумала Даша, - ладно, подойду поближе, посмотрю, может,

в хозяйстве сгодится».

Женщина, не торопясь, стала продвигаться к чёрному предмету. «Никак... человек лежит?! Да нет, мерещится...»

В следующий момент, бросив ведро, Дарья помчалась со всех ног. Сердце бешено колотилось, не хватало воздуха, дыхание прерывалось.

Тело человека в чёрной кожаной куртке, с сединами в растрёпанных волосах, с подтянутыми к груди коленями, лежало неподвижно. Кровь растекалась по утреннему снегу. «Ранен? Убит? Кто?» - лихорадочно бились в виски Дашины мысли.

Она бросилась на колени и не знала, что делать. Лицо мужчины было закрыто рукой.

- Эй, - Даша с опаской прикоснулась к холодной поверхности кожаной куртки, на которой зияли дырки от пуль, из них выступала кровь.

- Живой? Нет?

Ответа не последовало...

- Беда-то какая! Мёртвый уже, наверное, - она попыталась перевернуть человека, тело поддалось, и Даша увидела лицо пожилого мужчины.

Даша тут же определила, что черты этого лица ей кого-то напоминают. Веки человека дрогнули, взор встретился со взором, и в глазах мужчины мелькнул еле уловимый свет:

- Даша... старуха... я это...

На одно мгновенье Даша окаменела. Движение Вселенной замерло... О-о-о...

- Не-е-е-т! Лё-ше-нь-ка!! Судьбиночка мо-о-я-!! Не-е-ет! За что?! Господи!! За что ты меня та-а-к!! - крик Даши потряс тайгу, казалось, стволы деревьев раздвинулись, и буря пронеслась над ними, сметая всё вокруг, ломая и разрывая в клочья тишину и покой забытого мира.

Дарья схватила и притянула человека к себе, впопыхах пытаясь расстегнуть куртку и...

- Не на-до..., - прошептали его губы, - я у-ми-ра-ю, Дашенька... ты... люблю- ю-ю... про-сти-и-и, - предсмертный вздох Алёши взорвался эхом kloкочущей крови в висках у Дарьи...

Завыла Старуха, застенала, ломая руки, ногтями царапая щёки, обнимая любимого крепче и крепче, целовала в глаза и кричала в небо. А потом качала его ровно первенца, целовала в волосы, гладила уже тронутые смертью щетинистые щёки...

- Ни-ко-му не отдам.... теперь уже ни- ко-му не отдам!!!

И заголосила, запричитала:

*Кровушка моя и судьбинушка,
Не видать-то нам счастья бренного,*

Жизнь прошла, а-сис - песнь не спетая,

А Любовь осталась а-а -я не сетую.

*Мы уйдём с тобой вместе, родный мой,
Чтоб людским глазам пусто было бы!
Не найдут уж нас наши вороги...
В райских куцах нас упокоили...*

Крики белых птиц в знойном мареве

Пусть молебном тем станут в небушке,

Пусть стенают там, яко старицы,

Что поют свой плач о-о-ох- по нам!

*А-а-а -я не сетую,
А-а-а - песнь не спетая,*

*По любви большой,
что нашла покой
На кургане том, вдалеке, в глуши,
Где ручья - слеза, цвета глаз твоих,*

А гроза в тайге - боль моей души.

А-а-а - ты кровинушка !

*А-а-а - ты - судьбинушка!
А-а-а- Песнь не спетая!
А-а-а- Я не сетую !*

Она надрывалась и тащила волоком тело через лес в сторожку, умерший был тяжёлый, но - самый дорогой и близкий в тягость не бывает. Сколько времени прошло, Старуха не знала... Через поволоку слёз перед глазами возникали видения молодости, она то хохотала, то плакала. Останавливалась, и, присев на колени перед ним, вдруг вспоминала, как они играли в снежки, и Алёша засунул ей снег за шиворот. «Ух! Как было радостно!...

Лёшенька, а какая страсть нас сжигала, ох и жарко было от объятий, пот струился по телу, а ты целовал меня без устали, мир замирал, смещалось пространство, и ласки, ласки твои уводили меня неизвестно куда, в сказку, и там были только ты и я..., ты и я...

Алёша, ты знай, я всё по-божески сделаю, всё правильно... Вот до дома дойдём, я тебя обмою, кровь смыть надо... А как же? По другому - нельзя... Да, денег нет, но не беда, у нас с тобой книжек хороших много, я их бабушке на базар отнесу, она мне денег и подбросит... А потом... Я... в церковь схожу...», - она замолкала и опять тащила тело, выбиваясь из сил, стряхивая пот со лба...

«Горе-горюшко спазмом в горле встаёт, не могу говорить, Алёшенька, ты уж почувствуй, милый, что со мной происходит...
Разве можно столько горя в жизни вытерпеть! Сына на чеченской войне потеряла, даже схоронить не смогла - без вести пропал. Он у меня единственный. Муж хорошим человеком был, да умер... Может, у кого ещё хуже... Так пусть уж им Бог помогает... Судьба у нас с тобой, Лёшенька, такая - людям завидовать грешно... Бог нас предназначал друг для друга, я тебе с самого начала твердила... ты мне не верил... Да всё равно - мы вместе...

Вот ведь незадача... Я дров не наколола. Всего-то несколько чурбачков в доме... Да ничего, я быстро управлюсь... Изба вот-вот покажется. Ещё чуть-чуть... Видишь,

вот и порог дома нашего с тобой. Сейчас я тебя, голубчик ты мой, подниму и... и на стол уложу-у-у-у...»

У порога сторожки Даша остановилась, открыла дверцу и, подтянув мёртвого Алексея, споткнулась, труп упал на неё и придавил своей тяжестью. Обеими руками она обвила его тело и уткнулась в лицо. Тонкий запах одеколона всколыхнул давно забытое... Рывдания вновь сотрясли её грудь, и слёзы, не останавливаясь, лились по щекам, солонили Алёшино чело...

Она выпросталась из-под тела и, наконец, уложила его на грубо-сколоченный стол. Столешница оказалась короткой, и ноги свисали. «Ну, что это я?! Ты же у меня высокий, да статный! Сейчас придумаю...»

Оглядев хибару, Дарья подтянула от стены скамейку, выровняла высоту поленьями... Теперь длина ложа была достаточной. Она устроила Алексея, сложила его руки на груди и в горьком молчанье села рядом.

«Устала я, Алёша. Жить устала, - шептала Даша - Немножко посижу и пойду дров приготавливаю, воды согрею... Нет, пожалуй, мне надо тебя раздеть, в доме тепло, печурка, хоть маленькая, а греет быстро, я её по утрам топлю... Тебе не будет холодно, дорогой ты мой...».

Она неловко сняла с себя куртку и развязала платок, провела по волосам, и целая прядь осталась в её руке. Даша внимательно посмотрела на клочок волос в недоумении и поняла, что они - белые... «Смотри, Лёша, седины у меня сколько! Я и не предполагала. Себя-то не видишь... Годы идут... Ты полежи здесь спокойно, я скоро приду».

Дарья вышла из сторожки, наколола дров и, поставив воду в большой бадье на печку, опять села рядом с ним. Старуха терпеливо ждала, когда вода закипит. Сколько времени просидела, скрестив руки на груди, неизвестно, кипяток выплёскивался из бадьи, а она неподвижно смотрела в одну точку.

Наконец, Даша встала и сосредоточенно стала снимать одежду с Алексея. Стаскивая с него рубашку, встрепенулась: «Ой, помню, как раздевала спящего Максима, он уже большенький был, ручонки в кулачки сжал, а пуговицы на манжетах я не могла никак расстегнуть, вот как сейчас... пальцы заскорузлыми стали... Мучилась я, мучилась, и сынок проснулся... Одежду выбросить придётся - вся в крови... В новое тебя одену... Куплю... Алёша! Алёша, открой глаза! Посмотри на меня... Это я... Даша... Нет... Спишь так крепко... Брюки снять... Не могу смотреть... Убийцы... Кто же это сделал, и за что они тебя?»

Она налила железным, с помятым боком, ковшиком воды, развела её холодной в небольшом тазу и, намочив вафельное старенькое полотенце, начала обмывать тело.

На его груди кучерявились волосы... Дарья, еле прикасаясь подушечками пальцев, провела по ним - седые волосы перемежались с чёрными... «Странно... не помню, чтобы волосы на твоей груди были с сединой...» Даша обмывала тело и бессвязно бормотала какие-то слова, полотенце окрашивалось кровью, бурела вода... Закончив омовение, Дарья прикрыла тело Алексея изношенной, но чистой простынёй, нашарила в запаснике свечу и зажгла её у изголовья... Сумерки заполняли сторожку, и свет свечи от сквозняков иногда вздрагивал. В такие мгновения ей казалось - Алексей шевельнулся, и тогда она рывком вставала, заглядывала в лицо умершего, в надежде воскрешения, в ожидании чуда...

Даша уходила в ночь, ей предстояла длинная дорога. Заплечный мешок с книгами клонил к земле. Запирая дверь, она наложила на сторожку крестное знамение и произнесла смиренно:

«Не уходи, Алёша. Дождись меня... Дверца, милая, ни врагов ни друзей не впускай сюда. Лес родимый, береги любимого», - с тем двинулась в путь...

И замелькали, как в дурном сне: мертвый город Н-ск, товарняк, на котором она добралась в Новосибирск, бабка с базара, последний взгляд на любимые книги, зажатые в кулак деньги, а потом магазин, по размеру выбранная одежда для Алексея, новое платье для себя, Никольская церковь, где упросила батюшку отпеть «рабу божью Дарью и раба божьего Алексея».

Вернувшись в сторожку спустя два дня, она тяжело сбросила вещмешок, подошла к мёртвому, поцеловала в лоб и с тихой радостью сказала: «Алёшенька, милый, дождался... Спасибо, родной... Я знаю, ожидание - самое страшное в жизни... Я всё смогла сделать... Время моё подходит, надо торопиться...»

С этими словами, даже не присев, взяв топор, она направилась в лес к любимым сосенкам. Добравшись до деревьев, Даша протянула к ним руки и тихонько, нараспев, принялась просить:

- Милые вы мои, прошу вас, дайте мне веток пушистых. Не обессудьте, что больно вам сделаю, простите...

Сосны ответили шуршанием, и ветки словно наклонились, подставляя себя под Дашин топор.

С охапками лапника вернулась она к сторожке. Бросила ветки на землю и обошла ветхое строение со всех сторон.

Отступила подальше и шагами отмерила расстояние. Взяв лом, ожесточённо вдавливалась в мёрзлую землю... Потом лопатой выбрасывала комья... Яма росла. Из последних сил, по пояс в могиле, Даша попыталась выбраться. Сил становилось всё меньше и меньше... Еле-еле выкарабкалась из ямы, сбросила часть сосновых веток в её распахнутый зев, спрыгнула туда вновь, аккуратно застелила лапником дно могилы... Затем, подтягиваясь на руках, выползла на поверхность.

Медленно вернулась в дом. Обрядив Алексея в новую одежду, подожгла бирки ценников от уже зажжённой новой свечи и наблюдала, как курчавится бумага от огня, потом выпустила их из пальцев на пол сторожки и затоптала ногой.

Ледяной водой обмыла себя, надела новое строгое платье, тёмно-синее в серую полосочку. Расчесала волосы и уложила в тугой узел на затылке. Послунив палец,

дважды провела по бровям, расправляя их дуги. Взяла в руки зеркало и отрешённо посмотрела на своё лицо. Она покусала посиневшие губы, но те не налились цветом. В её глазах застывал странный блеск...

Торжественно ступая по полу сторожки, она вернулась к ложу и, стащив Алексея со стола, уже в тумане гаснувшего сознания, с усилием дотянула его и опустила в могилу, потом, сорвав с петель дверь сторожки, приволокла её к краю последнего пристанища. На снегу ровной дорожкой остался отгиск от двери-волокуши, уничтоживший её следы и две бороздки от Алешиних ног...

Сбросив оставшиеся сосновые ветки, забралась в могилу и, встав на колени возле Алексея, размеренно и внятно начала читать молитвы... Закончив, раздирая пальцы в кровь, Даша накрыла дверью сторожки свежую могилу сверху. Укуталась ветками и, прижавшись к Алексею, приютившись у него на груди, пробормотала: «Вот и всё, вот и ладно, Алёшенька, последние жизненные силы, моя единственная любовь - только тебе. Нам будет хорошо... Ты мне верь... Вместе - всегда легче, лю-

бимый».

Метели заметали могилу, ветер заунывно выл в верхушках деревьев. В зияющую дверную дыру сторожки забивался снег...

Тишина... Печаль... Зима...

Глава восемнадцатая

ОХОТА ЗАКОНЧИЛАСЬ...

Он шёл через анфиладу комнат, мягко ступая в удобных мокалинах по индийским шелковистым коврам. Одетый к завтраку в серо-голубой костюм и светлую рубашку, распахнутую на груди, мужчина краем глаза поглядывал в зеркала, самодовольно любуясь собой. Его волосы, «соль-перец» с голубоватой сединой почти в тон костюма, были ещё слегка влажны после утреннего душа. Цепким взглядом оглядывал он окружающие его предметы, картины на стенах, японские напольные вазы с цветами. Он был эстетом. И самые лучшие дизайнеры Европы создавали интерьеры его виллы. В этот момент в нём нельзя было узнать тщедушного мальчика из горной деревни, над которым насмеялись все дети, забрасывая комьями грязи по осени и снежками в зимнее время.

Он рос слабым и болезненным, только мать его любила и жалела. Семья была зажиточной, и у него всегда водились деньги. К четырнадцати годам вокруг паренька вилась стайка отчаянных ребят. Кто-то был ему предан, кое-кто должен, а ребяташки помладше - были его двоюродные и трое-четверо-пятеро-юродные братьевья. Ребята его защищали и уважали за авантюры и мудрые речи. Когда он подрос, то за свои обиды - новые и былые, - платил кинжальными ударами, но не своими руками. С течением времени односельчане стали его бояться.

Ему было восемнадцать, когда он исчез из деревни и никогда туда не возвращался...

Мысли мужчины витали вокруг событий прошедшей ночи. Девушка оказалась забавной и безотказной, и более того - весьма изобретательной. Принесла с собой коробку с американской эротической игрой. Они забавлялись, сидя на постели. Бросали кубик и двигали фишки. Где фишка останавливалась, в ромбике значилось задание, и его надо было выполнить. К примеру: целовать на три вдоха спину от затылка до копчика...М-да... Всё было интересно. По крайней мере, необычно. А ещё девица стащила простыню и, вырезав дыру маникюрными ножницами, баловалась с ней до изнеможения. Ближе к полуночи выпростала из сумки разноцветные ленты и завязывала банты, где ни попадя, на его и на её теле...

Но одноразовые любовницы с ним не завтракали - это был негласный закон. Они исчезали до рассвета - он любил просыпаться один в своей постели. Может, привести её на выходные? Этот вопрос вертелся у него в мыслях с самого утра...

Завтрак был подан на застекленной террасе с видом на море и зелёную лужайку, по краям которой раскинулся небольшой ухоженный сад. Он сел в любимое кресло у мраморного зелёного стола с причудливым орнаментом из белых лилий по периметру. Расторопный официант налил крепкого кофе, положил перед ним свежую газету. На столе стояла фруктовница с апельсинами и виноградом, на тарелочке - круассаны, в хрустальной маслёнке мягкое масло. На фоне зелёного мрамора

изящные руки мужчины в серо-голубом костюме выделялись своей белизной. Длинными пальцами взяв серебряный ножичек, Харон неспешно намазывал масло на подогретый круассан.

- Господин, омлет с овощами по вашему рецепту, - приподнял крышку с блюда, наполненного ароматным омлетом, официант.

- Позже, - бросил Харон, потянувшись за газетой, пробежал глазами котировки на бирже. - Да, можешь идти.

- Приятного аппетита, господин.

Вся прислуга знала, что утро хозяин любит проводить в одиночестве. Особенно - завтракать. Никто и никогда не смел нарушить этот порядок. Да и вообще всё в доме было подчинено его желаниям.

Котировки радовали - стоимость золота росла, нефть шла на повышение - что ж, всё как надо! Харон отложил газету и, попивая кофе, смотрел на хмурое море. В огромном камине горел огонь, утро было прохладным и светлым.

После завтрака, по обыкновению, он закурил гаванскую сигару и свистом позвал

двух собак. Собаки вбежали в столовую, виляя хвостами, и при виде хозяина стали в метре от него в ожидании команды.

- Ко мне!

Оба огромных дога подошли поближе и начали лизать ему ладони, почесав у них за ушами и похлопав по спинам, он сказал:

- Место! Идите на место. - Собаки послушно развернулись и рысцой убежали в другую комнату.

Вилла Харона стояла на Лазурном берегу, пять акров прекрасной земли и частный пляж, ангар с вертолётom, а у причала небольшая яхта, отделанная внутри красным деревом.

Убранству виллы мог бы позавидовать любой музей. Антикварная мебель, старинные гобелены, картины итальянских мастеров.

Зимний сад с орхидеями и пальмами, розами и экзотическими растениями со всего света. Галерея фонтанов с пейзажами на стенах, резными скамейками и мраморными статуями.

Гигантский закрытый бассейн с инкрустированным дном - царство Посейдона. Десять гостевых комнат, два рабочих кабинета, большая библиотека.

Диванная, с развешанными по стенам саблями, кинжалами и расставленными по резным столикам разнообразными кальянами, устлана персидскими коврами, с разбросанными атласными и расшитыми вручную подушками.

Китайская комната, где иногда Харон любил, по всем ритуалам Поднебесной, выпить чаю и поговорить с умницей Линь, специально привезённой из Китая для чайных церемоний...

Обслуга была многочисленной, но незаметной. Хозяин не терпел мельтешения, народ был вышколен и молчалив, как и положено.

Харон обожал эту виллу, считал её наиболее уютной и удобной из всех своих многочисленных владений, разбросанных по белу свету.

Каждое утро в библиотеке Харон принимал доклады с разных концов земли.

Телеконференции начинались ровно в 8 часов тридцать минут. К этому времени хозяин усаживался к письменному столу с уже включенной аппаратурой и компьютерами. Вот и сегодня он торжественно восседал перед экранами, в кабинете присутствовали помощники, все связанные с ним родственными узами. Одетые в

чёрные костюмы и чёрные рубашки, они напоминали насупленных воронов.

Доклады из Европы, Америки и Азии радовали, и хозяин был в благодушном настроении. Неожиданно у секретаря заурчал мобильник. Отойдя в сторону, он полголоса что-то отвечал. Харон неодобрительно зыркнул на говорящего, но тот, показав рукой значимость разговора, через секунду передал телефон Харону.

- Да, слушаю... Что? Убрали... Так... Бумаги? То есть как нет?!

Он внимательно слушал. Глаза потемнели, краснота выступила на щеках.

- Идиоты!! Я сказал, что всё надо делать чисто, сколько вас учить?! - Харон орал в трубку, брызгая слюной. - Забыли, на что живёте! Легко стало всё даваться - так я быстро напомню! Что? От Новосибирска пасли, потом теряли... Отстрел вели с вертолёта, ой-ой, какие герои, а бумаги? Самое важное был файл, его проворонили! Найти! Достать!... Разорву всех!!!

Помощники Харона начали медленно отступать к двери. К ярости хозяина почти привыкли. Но, в гневе, его боялись.

Мобильник полетел в лицо одному из них:

- Я тебе что говорил?! Омар, ты - лично в ответе за это дело! - выскочив из-за стола, Харон подбежал к секретарю, что передал ему давеча телефон, и с кулаками набросился на него. В мгновение разбил тому нос, и кровь струйкой потекла по лицу из вспухших ноздрей. Увидев кровь, Харон остановился и брезгливо поморщился.

- Иди умойся! Слабаки ублюдочные вы все! Вон! Никто работать не умеет! Жрёте с золота, пьёте из хрусталя, так хоть работу делайте прилично!

Разъярённый Харон попытался бросить в столпившихся помощников подвернувшийся под руку монитор, но, к счастью присутствующих, кабель не выдернулся. В людей полетело всё, что попадалось на глаза Харону: стулья, журнальный столик, канделябры, вазы, пепельницы... Мужчины упреждали удары руками, отклонялись, но не уходили из кабинета: уйдёшь - значит, навсегда. Работой у Харона дорожили. Через несколько минут кабинет походил на поле побоища. Утолив ярость, Харон жёстко бросил:

- Убрать! - И пошёл в сторону террасы, потом направился, было, к берегу моря, но остановился и, жестикулируя, бормотал что-то сам себе.

В это время Омар позвал горничных и служек наводить порядок в комнате.

Опасливо озираясь, пожилая женщина шептала молитвы и сметала осколки разбитых ваз в совок. Уборку надо было закончить быстро, не дай-то Бог хозяин вернётся, тогда всем головы не сносить. Каждый это знал, и люди старались как можно скорее убрать следы разгрома.

Харон был лют на расправу и мягок до умиления, когда в нём вдруг взыгрывала чувствительность. Тогда он мог быть даже мечтательным, одаривал всех, вёл душевные разговоры. Окружение сносило его вспышки, адаптировалось, и несло своё время безропотно - платил он щедро.

Некоторые им восхищались, другие даже жалели. Многие были насышаны о его несчастной любви - тому уж лет двадцать было, может и больше... Хозяин не любил слово «Нет!». С детской поры помнил, кто и в чём ему отказал. Иногда кара настигала виновного через много лет, человек мог запомнить, что произошло между ним и Хароном, но месть хозяина никогда никого не минула. Харон не забывал ничего.

Теперь он стоял на лужайке и, по всем правилам йоги, вдыхал свежий воздух. Вдох

- на четыре счёта, выдох - на восемь, задержка дыхания, и по-новой: вдох-выдох-задержка...

Наконец, почувствовав успокоение, размеренным шагом подошёл к апельсиновому деревцу, потрогал ствол и, нагнувшись, увидел двух кошек, сидевших рядом.

Харон протянул руку и погладил одну по спинке, почесал за ушком. Однако, кошка была не в духе и, выгнув спину, шлёпнула по руке Харона лапой. Когти царапнули руку - показалась кровь. Харон взревел, хватая животное за шкуру.

- Ах, ты ж скотина!- и от его голоса вторая кошка метнулась в сторону. -Эту тоже поймать!

Могло показаться, что хозяин прогуливался в одиночестве. На самом деле по всему периметру участка стояла охрана из одноаульцев Харона и выходцев из Египта, хорошо обученных молодых бойцов.

Один из них помчался за убегающей кошкой и, как животное ни старалось ускользнуть, успел схватить его за хвост и выволочь из кустов, куда напуганное создание намеревалось спрятаться.

- Несите бритву!! - вопил Харон.

Из дома бежали служки с серебряным подносом, на котором лежали разные бритвенные наборы.

- На-ка эту, - Харон передал извивающееся и мяукающее животное охраннику.

Внимательно, но дрожа от гнева, Харон перебирал бритвы. Наконец, приказал:

- Держите за лапы! За все четыре, придурки!

Двое бойцов крепко зажали кошкины лапы, а она дергалась изо всех сил, пытаясь освободиться.

Харон подошёл поближе и примерился. Затем стал обривать кошку... наголо.Куски дымчатой пушистой шерсти падали на землю. От ужаса кошка взвыла и, вывернувшись, хватанула охранника клыками. Передернувшись от боли, он одной рукой закрыл ей пасть, а другой стиснул лапы.

Харон невозмутимо брил. Кожа кошки была синюшного цвета. Вот уже все бока «облысели». Обрить лапы требовало особой сноровки, но Харон методично продолжал свое дело. Добравшись до морды, он помедлил и аккуратно, чтобы не поранить вытаращенные от страха глаза кошки, сбрасывал тщательно шерсть вокруг них.

- Будешь брыкаться - усы повыдергаю! - ворчал он.

Наконец, голое божье создание было брошено на землю. Сквозь кожу явно проступали хребет и ребра.

- Какая худая! - удивленно сказал Харон. - Вы что, их не кормите? Сами жрёте, в шкуру не влезаете, а нет чтобы пожалеть животное! Кожа да кости! У-у-у... тварь, теперь не будешь царапаться! Давайте другую! Быстро!

Насмерть испуганная, нагая кошка помчалась через лужайку и с хриплым мяуканьем взлетела на первое попавшееся дерево.

Второе животное извивалось с такой силой, что Харону пришлось стукнуть её по голове. Уши тесно прижались к затылку. Животное в гневе было готово на всё. Кошка была - в хозяина. Её Харон считал «лично» своей. Знал, что может даже вцепиться в горло или выцарапать глаза, и оттого, по-своему, уважал.

- Смотри у меня! - грозно рявкнул Харон.

В воздухе повисло напряжение, никто не молвил ни слова. Бритва опять зажужжала, и в этот момент раздался выстрел.

Харон изумленно оглянулся, посмотрел вокруг, потом, опустив подбородок, увидел, как кровавое пятно растекается по его груди. Тихо охнув, он стал оседать на руки

охранников. Отпустив полуобритую кошку, они подхватили хозяина на лету.

«Кто посмел?... Мама родная... Неужели я...?!» - мелькнула последняя мысль.

В первую секунду никто ничего не мог понять, затем, когда абсурд происходящего отрезвил всех, взоры людей обратились к молодому бойцу, недавно прибывшему из Египта.

Тот стоял со вскинутым оружием. К нему кто-то метнулся, но он не опускал «Беретту», и все остались на местах.

По-арабски боец произнёс что-то зло и брезгливо, а потом тихо добавил:

- У нас в Египте кошка - божество-покровитель. А тут такое надругательство... просто - кощунство.

Позади него раздалась автоматная очередь, молодой охранник упал, словно подкошенный. За его спиной стоял кровник Харона.

Из дома бежала челядь, женщины кричали, мужчины молча склонились над хозяином. В его глазах застыло недоумение.

Омар пытался нащупать пульс. Тщетно.

Читая суру, он закрыл глаза тому, кто держал в страхе многих...

За столько лет совместных «подвигов» они оба нажили немало врагов. За любую аферу Харона не то что подстрелить, четвертовать могли. Омар даже зажмурился, вспоминая последнюю пару лет... А тут - из-за кошки, кто бы знал...

Видно, египтянин по сю пору помнил обычай. Кошка - божество дома. Так это же было при фараонах. А поди ж ты... О, Аллах..

- Отмаялся! - Вслух произнесла пожилая горничная.

Эпилог

Жора и Лидия встретились в самолёте, каждый из них добирался до аэропорта отдельно, чтобы оторваться от тех, кто за ними следовал по пятам и наблюдал за их передвижением. В салоне было прохладно. Бизнес-класс постепенно наполнялся не только деловыми людьми, но и детьми, летящими отдохнуть на зимние каникулы в Кипр.

Дети были шумные, как и подобает в их возрасте. Мальчик в первом ряду суетливо трогал все кнопки и недовольно бурчал себе под нос. В конце концов, стюардесса с улыбкой спросила его, что же он пытается найти.

- А где у вас телевизор спрятан? Что-то не могу его обнаружить.

- У нас нет отдельных телевизоров для пассажиров, только вот этот, - и она указала на экран, висящий посередине салона наверху.

- Как же так? Это бизнес-класс, и у вас должны быть телевизоры для каждого! - со знанием дела и даже возмущением сказал ребёнок.

Стюардесса, на лице которой отразилось - «барчук, такой молодой, а прыткий», - ответила:

- Извините, но бизнес-класс в этой марке самолёта не предполагает отдельных телевизоров, зато есть радио и... Что вы бы хотели выпить: сок, соду или просто водички с газом вам принести?

- Нет, спасибо, позже, пожалуйста.

Лидия Сергеевна внимательно наблюдала за происходящим и, повернув голову назад, увидела, как двое мальчиков повзрослее открыли ноутбуки-компьютеры и в бешеном темпе печатали какие-то заметки, а, может, оставшуюся недописанной домашнюю работу, кто его знает.

Вдруг она услышала возмущённый писклявый голосок в ряду за ними, а между кресел увидела хорошенькую девочку с открытой книгой, ни много ни мало - «Код Да Винчи» на английском языке. Её мать, сидевшая рядом, отвлекала, по-видимому, навязчивыми вопросами, и девчушка строго выговаривала: не мешать ей читать.

«Новое поколение... Они знают, что такое бизнес-класс, они читают на английском и владеют компьютером получше многих взрослых», - подумала Лида.

Полёт от Москвы до Афин занял не больше двух с половиной часов. Они прибыли в Афины в час с чем-то дня, быстро прошли через таможню. В зале аэропорта их встречал знакомый Жоры, средних лет мужчина по имени Константинос, а порусски Костя. Жора с ним учился в одном классе и дружбе со школьных лет не мешали границы и годы.

- Жорж, как же я рад тебя видеть! - обнимая старого друга, сказал Костя. - Столько лет не виделись, ты как позвонил, я так заволновался - ночью спать не мог! Всё наше детство и проделки вспомнились. Сколько раз я тебя приглашал, а ты не мог выбраться, я ведь знаю, что ты в Европе бывал, а ко мне не заехал.

- Костик! Друг! Рад, рад тебя видеть. Дела не позволяли, прости, браток.

- Да, ладно, главное, вы уже здесь, на греческой земле. У вас много багажа?

- Нет, мы с одним рюкзачком приехали. О, знакомься, это... э...

- Лида, - представилась Лидия Сергеевна и, мило улыбаясь, протянула ладонь Косте.

- Приятно познакомиться, Лида. Ну, тогда пошли, машина на стоянке. Куда поедем? Вы голодные?

- Нет. Не очень, - ответила Лидия, - но хотелось бы к Акрополю, Парфенон посмотреть.

- Нет проблем. Мы успеем поесть у подножия Акрополя, там много маленьких и уютных кафешек, а потом поднимемся к Парфенону.

- А море здесь рядом? - спросил Жора. - Мы видели из окна самолёта - город раскинулся широко от одного берега до другого.

- Так я вас провезу прямо вдоль береговой линии, и в отеле вы будете жить чуть не на пляже. Но купаться не советую, вода холодная, в не купальный сезон приехали, зато в вашей гостинице самый лучший бассейн, с джетами для массажа, свежими соками из фруктов и настойками из трав.

За простым разговором они не заметили, как вышли на улицу и приблизились к «Вольво» Константиноса.

- Садитесь, рюкзачок положим в багажник. Надо же, налегке приехали, молодцы.

- Жора, а она очень даже ничего, симпатичная женщина, - шёпотом добавил Костя другу на ухо так, чтобы Лидия Сергеевна не услышала.

Жора, прикусив нижнюю губу, со сверкающими счастьем глазами, кивнул Косте и, глубокомысленно вздохнув, сел на первое сиденье.

Лидия смотрела на мелькающие за окном дома своеобразной архитектуры. Фасад каждого здания, в основном белого цвета, был в террасах. На многих стояли цветы и небольшие деревья в кадках, что наводило на мысль о висячих, ну, может быть, не Семирамиды, а Афинских садах.

Чувство благодарности тем, кто ухаживал за растениями, неожиданно наполнило Лидино сердце, и на её глазах выступили слёзы. Она их смахнула, упрекая себя за столь непривычный ей сентиментализм, и тут же решила: «...Нельзя стыдиться

простых чувств. Окружение зачастую диктует нам, как себя вести. И порой не замечаешь, что в угоду сложившимся мнениям перестаёшь ценить естественные, от души идущие ощущения и эмоции»...

Дорога вилась параллельно морю, и его серо-дымчатые волны видны были сквозь деревья.

У подножия Акрополя, оставив машину, они свернули в первую же узкую улочку, и множество магазинчиков, призывно открыв двери настежь, приглашали нырнуть в туристическое «Ах!» и потрогать статуэтки, примерить майки с изображением греческих героев и, озираясь по полкам, выискивать знакомые с детских лет по учебникам истории абрисы богинь и богов.

Немногочисленные туристы сновали из магазина в магазин.

- Давайте зайдём, - попросила Лида. - Я хочу купить статуэтку или вазу.

- Может, попозже, сначала перекусим, а потом пройдемся по лавкам, - предложил Костя.

- Хорошо, но я хочу попробовать истинно греческую еду.

- Нет проблем, я знаю уютный ресторанчик, где подают лучшие вина от Лазариди. У нас несколько семей в Греции делают такие роскошные вина, никакие итальянские или французские им не чета.

- Да не может такого быть! - Вставил Жора.

- Правда, правда! Я тебе гарантирую. Греция находится как бы на... отшибе Европейского союза, возможно, поэтому жизнь у нас течёт медленнее, и к нашим винам человек должен, во-первых, доехать, а во-вторых, без предвзятости оценить. Они, как и экономическое состояние страны, требуют другого внимания и отношения. Знаете, я думаю: наступает для Греции новая пора, пора расцвета. И хотя мы все спим после обеда, - у нас сиеста, и лучше в это время не звонить людям, так как бизнеса всё равно не сделаешь, - улыбнулся лукаво Константин, - но мы, греки, народ очень трудолюбивый, добрый и суеверный. Да, очень суеверный, по любому поводу говорим о сглазе или порче.

- Костя, а правда, что в предместьях Афин есть церковь, где порчу снимают? - спросил друга Жора.

- Да, есть у нас такая церковь и рядом мужской монастырь. Надо три раза в церковь сходить, чтобы излечиться. Люди приезжают со всего света. Говорят, когда порча выходит, многие в обморок падают или сильно зевают. Но я там ни разу не был, можно съездить всем вместе, если захотите. Между прочим, в церкви есть своя особая молитва, помогающая от сглаза и порчи. В момент, когда священник начинает её читать - все триста монахов в монастыре тоже её повторяют. Представляете, какая мощь веры и энергетического потока получается! Наверное, это и помогает больным исцеляться.

- Очень интересно, надо съездить, - с оживлением произнесла Лидия Сергеевна, - да святой воды и свеч взять.

- Нет проблем, завтра же и поедем, - ответил ей Костя.

Пока они шли по улочке, закапал дождь. Не прошло и минуты, как он разошёлся не на шутку. Бегом они влетели в ресторанчик, намеченный Костей. Сели за столик возле окна.

- Дождь быстро пройдёт, мы и закуски не успеем попробовать, как он закончится. До пяти вечера, до закрытия, мы будем у Парфенона, - успокаивающе сказал Константин.

Они наслаждались едой и красным вином с виноградников семьи Лазариди. Разговор был такой, что за словами сквозила теплота души, радость встречи и любопытство познания нового о старых друзьях.

Нет-нет, а Лида замечала, как Константин наблюдал за ухаживаниями Жоры, заставляющего Лиду попробовать кусочек со своего блюда и кормящего её, словно маленького ребёнка, с собственной вилки.

Вино ударило в голову, и его тепло, разлившееся по жилам, расслабляло. Щёки у Лидии порозовели, и она выглядела девчонкой, шалившей вдали от взрослых.

Она рассказывала анекдоты, что уж совсем не было на неё похоже, и Жора обнаружил: он Лидию такой не знает. Мужчины подбрасывали всё новые шутки, она заливалась счастливым смехом, и они обожающими глазами смотрели на помолодевшую женщину.

Лидия Сергеевна мельком поглядывала на противоположную сторону улочки через окно ресторана. Из полуподвального помещения, дверь которого была обита кованым железом, постоянно выходил скрюченный мужичок и на плече уносил куда-то то полтуши освежёванного барана, то забитого зайца, подвешенного на медную проволоку, то связку уток. Мужичок-с-ноготок размеренно вышагивал по центру улицы, минуя магазины с сувенирами, кивал головой встречным, заворачивал за угол. Через некоторое время опять появлялся, исчезал за дверью, потом его седая голова выныривала из подвала, и он вновь уходил, отмеряя дистанцию твёрдыми шагами.

Неожиданно раздался звонок Жориного мобильного. На проводе был Егоров.

- Что? Не может быть... так... так... ну и дела... Да, да, конечно, передам.
- Кто звонил? - спросила Лида.
- Егоров.
- Что?
- Мифический герой сгинул в одночасье. Случайно... Трагическая кончина... Но операцию по обезвреживанию всей группы уже начали... и...
- О чём это вы?- удивлённо спросил Костя.
- Да, друг у нас книгу, детектив, пишет, жить не может и дня, чтоб не позвонить нам и не рассказать очередной эпизод. Нестандартный человек...
- А-а-а... бывают такие люди... Им нужен совет по любому поводу... Кстати, в Афинах целое поветрие среди греческих писателей. Каждый, кто может, покупает дом на этих кривых переулках. Под Акрополем... Считают - у них творческий потенциал повышается, когда работают... в историческом квартале.

Лида внимательно посмотрела на приятеля Жоры, одобрительно кивая головой. Новость от Егорова ошеломила. Шквал мыслей обрушился на неё: Харона нет... и... жажда мщения, всё это время горевшая в глубине сердца, как бы сама собой уголилась... Рядом с Жорой она чувствовала себя защищённой и любимой... С ним она залечит свои раны... зарубцует... сотрёт в памяти случившееся... Возмездие приходит... зло наказывается. ..

Она подняла бокал с красным вином и, смакуя, отпила несколько глотков, и не прислушиваясь к разговору Жоры и Константина, опять стала смотреть на улицу.

Покойное течение жизни привораживало, и волшебство мерного бытия постепенно наполняло душу покоем и умиротворённостью.

Трапеза закончилась. Ветер разметал тучи, унося с собой дождь. Зимнее солнце осветило всё вокруг. Наступило время прогулки к Парфенону.

Подъём был достаточно крутым, и Жора отметил, что если бы они пошли на холм летом, то, наверное, просто растаяли от жары. Им навстречу спускались туристы.

Одна женщина подошла к ним и спросила, не надо ли им гида, конечно, если все понимают по-английски. Обрадованные, что гид им расскажет об истории храма, все согласились мгновенно, и через несколько минут она повествовала им о возведении Парфенона, и как он с античных времён бывал то греческим храмом, то христианской церковью, то мечетью и даже пороховым складом.

Лидия слушала вполуха. Величие и драматизм архитектуры потрясли её до самых глубин естества. Она думала, как тысячи человеческих рук выдалбливали эти ровные желобки, по двадцать на каждую колонну, вытёсывали статуи, где даже ремешки сандалий и складки туник вырезаны с любовью и искусством. Не даром Фидий и его ученики ваяли статуи. Лида прикасалась к каменным обломкам, чтобы почувствовать души давно ушедших и никому не известных людей, которые строили храм, бывали в нём, вбирая в себя дух того времени... Шершавая поверхность разрушенных античных колонн и отреставрированных камней волновала, и ощущение суетности жизни как бы истаявало вместе с её тревожениями, болью, потерями и заботами. Откровение времени вкрадчиво пробирались вглубь сердца и вопрошало с вершины двух с половиной тысяч лет: «Кто ты? Для чего живёшь? Что в жизни пытаешься познать?»

До её слуха донеслись слова гида:

- Посмотрите на барельефы Целлы - сцена процессии простых людей, несущих дары греческим богам. Единственный раз в истории человечества, - в нашей древней мифологии, - боги виделись и общались с народом, ни в одном другом вероисповедании этого нет...

Её слова искренне удивили Лиду. Она знала историю и много читала, но нигде об этом не было сказано так ясно и просто... Боги встречались с людьми... Невероятно и символично... А этот античный храм - рукотворное чудо, рождённое от бесконечных поисков души человека, его дерзаний и тяжёлого труда... Да... Человек - созидатель, в нём, в едином и сокровенном порыве творчества, тоже встречается смертный и Бог...

Обойдя Парфенон, они вышли и остановились. Закат солнца окрасил небосвод в пастельные тона, внизу широко раскинулись Афины, вдалеке тихо накатывались волны Средиземного моря. Цвета менялись, и полнеба было светло-алым.

- Божественная красота, - тихо сказала Лидия.

Жора притянул её к себе и обнял за плечи.

Они молча стояли на вершине холма. Закат угасал, последние лучи солнца скользили над разрушенным храмом на холме, где некогда люди бились насмерть за власть и золото, где священники и паства разных религий возносили молитвы к небу в страдании и горе, в любви и вере.

Лёгкий вечерний бриз, коснувшись колонн Парфенона, кружась, не спеша прикасался к фигурам на барельефах, торопливо обегал статуи кариатид. Сиюминутность истлевала в сумерках. Вечность вступала в свои права...

Содержание

Е. Констанц. Россия плачет. 3

Пролог..... 7

<i>Глава первая.</i> Семья Белоцерковских	13
<i>Глава вторая.</i> Обитатели Олимпа	37
<i>Глава третья.</i> Вопросы с пристрастием	74
<i>Глава четвертая.</i> Имён и времён паутина	92
<i>Глава пятая.</i> День сюрпризов и откровений.....	111
<i>Глава шестая.</i> Повороты судьбы.....	138
<i>Глава седьмая.</i> Пробуждение.....	161
<i>Глава восьмая.</i> «Персей спасает Андромеду...»..	185
<i>Глава девятая.</i> Встреча	202
<i>Глава десятая.</i> «У каждого есть свои скалы...»..	233
<i>Глава одиннадцатая.</i> «Сказки нового времени...»..	250
<i>Глава двенадцатая.</i> «Если ваше сердце остыло...»..	274
<i>Глава тринадцатая.</i> В лодке Харона.....	295
<i>Глава четырнадцатая.</i> Тень зверя.....	319
<i>Глава пятнадцатая.</i> Мишень.....	345
<i>Глава шестнадцатая.</i> Пепел и алмаз.....	370
<i>Глава семнадцатая.</i> За гранью неизвестного.....	389
<i>Глава восемнадцатая.</i> Охота закончилась.....	404
<i>Эпилог</i>	418

Виктория Кинг

ОТШЕЛЬНИЦА

Роман